

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ФИЛОЛОГИЯ

научные исследования

AURORA Group s.r.o.

nota bene

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

Выходные данные

Номер подписан в печать: 05-01-2025

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Шереметьева Елена Сергеевна, доктор филологических наук,
e.sheremetyeva@gmail.com

ISSN: 2454-0749

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 05-01-2025

Founder: Danilenko Vasily Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media Ltd

Main editor: Sheremet'eva Elena Sergeevna, doktor filologicheskikh nauk,
e.sheremetyeva@gmail.com

ISSN: 2454-0749

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Куделин Александр Борисович — академик Российской академии наук, заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, директор Института мировой литературы имени М. Горького РАН, член Европейской ассоциации арабистов и исламоведов. 121069, Россия, г. Москва, Поварская, 25а.

Лободанов Александр Павлович — доктор филологических наук, профессор, декан Факультета искусств Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. 125009, Россия, г. Москва, ул. Б. Никитская, 3 строение 1.

Герра Ренэ — доктор филологических наук, профессор Университета Ниццы, почетный академик Российской академии художеств, создатель и руководитель Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции (г. Ницца, Франция). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Строев Александр Федорович — доктор филологических наук, заведующий кафедрой сравнительного литературоведения Университета Париж-III (Новая Сорбонна) (Париж, Франция) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Гусейнов Малик Алиевич – доктор филологических наук, заведующий отделом литературы, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук, 367025, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45, malik60@list.ru

Тимощук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Смирнов Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Гиренок Федор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Кофман Андрей Фёдорович — доктор филологических наук, заведующий отделом литератур стран Европы и Америки Учреждения Российской академии наук Института мировой литературы РАН им. А.М. Горького.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Разлогова Елена Эмильевна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ им. М. В. Ломоносова

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество».

Россиус Андрей Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, и.о. главного научного сотрудника Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Соловьев Эрих Юрьевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения РФ Института философии РАН.

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, Первый вице-президент Российского философского общества

Вартанова Елена Леонидовна — доктор филологических наук, профессор, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, президент НАММИ.

Гирин Юрий Николаевич - доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, ИМЛИ РАН.

Безруков Андрей Николаевич - кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный университет (Бирский филиал).

Бичарова Мария Михайловна - кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и английского языка, Каспийский институт морского и речного транспорта.

Воробей Инна Александровна - кандидат филологических наук, доцент, кафедра немецкого языка, БУ ВО ХМАО - Югры "Сургутский государственный университет".

Зыкин Алексей Владимирович - кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Санкт-Петербургский государственный аграрный университет.

Левит Светлана Яковлевна— ведущий научный сотрудник отдела культурологии ИНИОН РАН, кандидат философских наук, главный редактор, руководитель и автор проектов «Лики культуры», «Российские Пропилеи», «Книга света», «Summa culturologiae», «Humanitas», «Зерно вечности», «Культурология. XX век», «Письмена времени», а также энциклопедий по культурологии и истории культуры.

Козлов Михаил Николаевич - доктор исторических наук, профессор, кафедра "Исторические, философские и социальные науки", Севастопольский государственный университет.

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры

истории Отчества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17,
mihailovan@inbox.ru

Кьоцци Паоло — профессор факультета этнологии и антропологии Флорентийского университета (г. Флоренция, Италия). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Ершова Галина Гавриловна — доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского мезоамериканского центра имени Ю. В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета, директор по науке и культуре Российско-мексиканского культурного центра (г. Мерида, Мексика). 125993, Россия, ГСП-3, г. Москва, ул.Чаянова, 15.

Жидков Владимир Сергеевич — доктор искусствоведения, профессор, научный сотрудник Государственного института искусствознания. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Леняшин Владимир Алексеевич — академик и член Президиума Российской академии художеств, доктор искусствоведения, профессор, заведующий отделом живописи второй половины XIX – начала XXI вв. Государственного Русского музея, заслуженный деятель искусств РСФСР. 191011, Россия, г. Санкт-Петербург, Инженерная улица, 4/2.

Вздорнов Герольд Иванович — член-корреспондент Российской академии наук, главный научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института реставрации. 107114, Россия, г. Москва, ул. Гастелло, 44.

Дмитренко Татьяна Алексеевна — доктор педагогических наук, профессор. профессор кафедры методики преподавания иностранных языков Московского педагогического государственного университета. Индекс Хирша по РИНЦ = 6 Академик Международной академии наук педагогического образования

Дергачёва Ирина Владимировна - доктор филологических наук, профессор кафедры "Лингводидактика и МКК", декан факультета "Иностранные языки" Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный психолого-педагогический университет" 121500, Москва, ул. Василия Боталёва, 31 dergachevaiv@mgppu.ru главный редактор электронного международного научного журнала «Язык и текст»

Бурукина Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент доцент Российского государственного гуманитарного университета, ст. исследователь Университета Вааса, Финляндия. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6 obur@mail.ru

Водясова Любовь Петровна - доктор филологических наук, профессор, 430033, Россия, республика Мордовия, г. Респ Мордовия, г Саранск, ул. Волгоградская, д. 106, корп. 1, кв. 29, ул. Волгоградская, 106 /1, кв. 29, LVodjasova@yandex.ru

Габышева Луиза Львовна - доктор филологических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», профессор, 677007, Россия, Саха (Якутия) область, г. ЯКУТСК, ул. Кулаковского, 42, оф. 104 а, ogonkova-jenya@yandex.ru

Гордова Юлиана Юрьевна - доктор филологических наук, ФГБУН Институт языкознания РАН, старший научный сотрудник сектора прикладного языкознания, 390006, Россия, Рязанская область, г. Рязань, ул. Грибоедова, 9, кв. 4, gordova@iling-ran.ru

Дергачева Ирина Владимировна - доктор филологических наук, Московский государственный психолого-педагогический университет, профессор, 121248, Россия, г. Москва, Набережная Тараса Шевченко, 3 корпус 2, кв. 172, krugh@yandex.ru

Долгенко Александр Николаевич - доктор филологических наук, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, Заведующий кафедрой русского и иностранных языков, 128050, Россия, Москва, г. Москва, ул. Врубеля, 12, каб. 403, adolgenko@mail.ru

Дубова Марина Анатольевна - доктор филологических наук, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области "Государственный социально-гуманитарный университет", профессор кафедры русского языка и литературы, 140 410, Россия, РФ область, г. Коломна, ул. Ленина, 67, кв. 100, dubovama@rambler.ru

Ицкович Татьяна Викторовна - доктор филологических наук, Уральский федеральный университет им.первого Президента России Б.Н. Ельцина, профессор, 620105, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. просп. Акад. сахарава, 47, кв. 73, taniz0702@mail.ru

Лифанов Константин Васильевич - доктор филологических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, профессор, 119501, Россия, г. Москва, ул. Веерная, 22, 22, корпус 2, кв. 26, lifanov@hotmail.com

Овруцкий Александр Владимирович - доктор философских наук, Южный федеральный университет, Зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, 344019, Россия, Ростовская область область, г. Ростов-на-Дону, ул. 15 линия, 84, кв. 18, alexow1@ya.ru

Селендили Лемара Сергеевна - доктор филологических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», профессор кафедры крымскотатарской филологии Института филологии (сп), 295007, Россия, республика Крым, г. Симферополь, ул. Беспалова, 45-6, 214, lemara2002@hotmail.com

Семенова Валентина Григорьевна - доктор филологических наук, Северо-Восточный федеральный университет, Заведующая кафедрой якутской литературы, доцент, 677007, Россия, республика Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, каб. 235, semenova_ykt@mail.ru

Соколова Алина Юрьевна - доктор филологических наук, Тверской государственный медицинский университет, профессор кафедры иностранных и латинского языков, 170005, Россия, Тверская область область, г. Тверь, ул. Благоева, 8/2, кв. 22, alinasokolova.tver@yandex.ru

Уртминцева Марина Генриховна - доктор филологических наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского, заведующий кафедрой славянской филологии и культуры, 603005, Россия, Нижегородский область, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 31-е, оф. 2, urtminzeva@yandex.ru

Чиршева Галина Николаевна - доктор филологических наук, ФГБОУ ИВО "Череповецкий

государственный университет", профессор, 162677, Россия, Вологодская область, г. Череповец, Советский проспект, 8, каб. 601, chirsheva@mail.ru

Шаронова Елена Александровна - доктор филологических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва», профессор кафедры русской и зарубежной литературы, 430034, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Проспект 60 лет Октября, 10, кв. 24, sharon.ov@mail.ru

Шатилова Любовь Михайловна - доктор филологических наук, Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы "Московский городской педагогический университет", профессор, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области "Государственный гуманитарно-технологический университет", профессор, 143980, Россия, Московская область, г. Балашиха, ул. Корнилаева, 30, кв. 133, shatilova-79@mail.ru

Шереметьева Елена Сергеевна - доктор филологических наук, Дальневосточный федеральный университет, профессор кафедры русского языка и литературы, 690105, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Русская, 47, кв. 30, e.sheremetyeva@gmail.com

Шукуров Дмитрий Леонидович - доктор филологических наук, Ивановский государственный химико-технологический университет, заведующий кафедрой истории и культурологии, 153511, Россия, Ивановская область область, г. Кохма, ул. Ивановская, 92, кв. 35, shoudmitry@yandex.ru

Юхнова Ирина Сергеевна - доктор филологических наук, ФГАОУ ВО "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского", профессор кафедры русской литературы, 603105, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Б. Панина, 4, кв. 128, yuhnova@yandex.ru

Ягафарова Гульназ Нурфаезовна - доктор филологических наук, Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, главный научный сотрудник, 450054, Россия, республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Проспект Октября, 71, каб. 410,

Шагбанова Хабиба Садыровна - доктор филологических наук, ФГКУ ДПО "Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России", профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел Тюменского института повышения квали, 625049, Россия, г. Тюмень, ул. Амурская, д. 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Editorial collegium

Kudelin Alexander Borisovich is an academician of the Russian Academy of Sciences, Deputy Academician—Secretary of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences, Director of the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, member of the European Association of Arabists and Islamic Scholars. 25a Povarskaya Street, Moscow, 121069, Russia.

Lobodanov Alexander Pavlovich — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Arts of Lomonosov Moscow State University. 125009, Russia, Moscow, B. Nikitskaya str., 3 building 1.

Guerra Rene is a Doctor of Philology, professor at the University of Nice, Honorary Academician of the Russian Academy of Arts, founder and head of the Association for the Preservation of Russian Cultural Heritage in France (Nice, France). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Stroev Alexander Fedorovich — Doctor of Philology, Head of the Department of Comparative Literature at the University of Paris III (New Sorbonne) (Paris, France) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Huseynov Malik Alievich – Doctor of Philology, Head of the Literature Department, G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 367025, Makhachkala, M. Gadzhiyev str., 45, malik60@list.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendeleevskaya liniya, 5, darapti@mail.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Fyodor Ivanovich Girenok is a Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies at Lomonosov Moscow State University.

Andrey F. Kofman is a Doctor of Philology, Head of the Department of European and American Literatures of the Russian Academy of Sciences Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences named after A.M. Gorky.

Lektorsky Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the sector of the Theory of Knowledge of the Institution of the Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Svetlana Sergeevna Neretina is a Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Razlogova Elena Emilyevna — Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher at the Lomonosov Moscow State University Research Computing Center

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chief Editor of the journal *Personality. Culture. Society*.

Andrei Alexandrovich Rossius — Doctor of Philology, Professor of the Department of Classical Philology at Lomonosov Moscow State University, Acting Chief Researcher Institutions of the Russian Academy of Sciences of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Solovyov Erich Yurievich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Alexander Nikolaevich Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society

Elena Leonidovna Vartanova — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University, President of NAMMI.

Yuri N. Girin - Doctor of Philology, Leading Researcher, IMLI RAS.

Bezrukov Andrey Nikolaevich - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Bashkir State University (Birsky branch).

Bicharova Maria Mikhailovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and English, Caspian Institute of Marine and River Transport.

Vorobey Inna Alexandrovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of German, University of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug "Surgut State University".

Alexey Vladimirovich Zykin - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education St. Petersburg State Agrarian University.

Levit Svetlana Yakovlevna is a leading researcher at the Department of Cultural Studies of the INION RAS, Candidate of Philosophical Sciences, editor-in-chief, head and author of the projects "Faces of Culture", "Russian Propylaea", "Book of Light", "Summa culturologiae", "Humanitas", "Grain of Eternity", "Cultural Studies. XX century", "Writings of Time", as well as encyclopedias on cultural studies and cultural history.

Mikhail Nikolaevich Kozlov - Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Historical, Philosophical and Social Sciences, Sevastopol State University.

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Chiozzi Paolo is a professor at the Faculty of Ethnology and Anthropology at the University of Florence (Florence, Italy). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Yershova Galina Gavrilovna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Yu. V. Knorozov Mesoamerican Research Center of the Russian State University for the Humanities, Director of Science and Culture of the Russian-Mexican Cultural Center (Merida, Mexico). 125993, Russia, GSP-3, Moscow, Chayanova str., 15.

Vladimir Sergeevich Zhidkov is a Doctor of Art History, Professor, researcher at the State Institute of Art Studies. 5 Kozitsky Lane, Moscow, 125009, Russia.

Lenyashin Vladimir Alekseevich — academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Arts, Doctor of Art History, Professor, head of the painting department of the second half of the XIX – early XXI centuries. State Russian Museum, Honored Artist of the RSFSR. 191011, Russia, St. Petersburg, Engineering street, 4/2.

Gerold Ivanovich Razdornov is a corresponding member of the Russian Academy of Sciences, chief Researcher at the State Scientific Research Institute of Restoration. 44 Gastello str., Moscow, 107114, Russia.

Dmitrenko Tatyana Alekseevna — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor. Professor of the Department of Methods of Teaching Foreign Languages at the Moscow Pedagogical State University. The Hirsch index according to the RSCI = 6 Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguodidactics and MKK, Dean of the Faculty of Foreign Languages of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Moscow State Psychological and Pedagogical University, 31 Vasily Botalev str., Moscow, 121500 dergachevaiv@mgppu.ru Editor-in-chief of the electronic international scientific journal "Language and Text"

Olga A. Burukina - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, Senior Researcher at the University of Vaasa, Finland. 125993, GSP-3, Moscow, Miuskaya square, 6 obur@mail.ru

Vodyasova Lyubov Petrovna - Doctor of Philology, Professor, 430033, Russia, Republic of Mordovia, Republic of Mordovia, Saransk, Volgogradskaya str., 106, building 1, sq. 29, Volgogradskaya str., 106 /1, sq. 29, LVodjasova@yandex.ru

Gabysheva Luisa Lvovna - Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov", Professor, 677007, Russia, Sakha (Yakutia) region, Yakutsk, Kulakovsky str., 42, office 104 a, ogonkova-jenya@yandex.ru

Gordova Juliana Yurievna - Doctor of Philology, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Senior Researcher of the Applied Linguistics Sector, 390006, Russia, Ryazan region, Ryazan, Griboyedov str., 9, sq. 4, gordova@iling-ran.ru

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Moscow State Psychological and Pedagogical University, Professor, 121248, Russia, Moscow, Taras Shevchenko Embankment, 3 building 2, sq. 172, krugh@yandex.ru

Alexander Nikolaevich Dolgenko - Doctor of Philology, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Head of the Department of Russian and Foreign Languages, 128050, Russia, Moscow, Moscow, Vrubel str., 12, room 403, adolgenko@mail.ru

Dubova Marina Anatolyevna - Doctor of Philology, State Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "State Social and Humanitarian University", Professor of the Department of Russian Language and Literature, 140 410, Russia, Russian Federation region, Kolomna, Lenin str., 67, sq. 100, dubovama@rambler.ru

Itskovich Tatyana Viktorovna - Doctor of Philology, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Professor, 620105, Russia, Sverdlovsk region, Yekaterinburg, ave. Acad. Sakharova, 47, sq. 73, taniz0702@mail.ru

Lifanov Konstantin Vasilyevich - Doctor of Philology, Lomonosov Moscow State University, Professor, 119501, Russia, Moscow, 22 Veernaya str., 22, building 2, sq. 26, lifanov@hotmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Southern Federal University, Head of the Department of Advertising and Public Relations, 344019, Russia, Rostov region, Rostov-on-Don, 15 liniya str., 84, sq. 18, alexow1@ya.ru

Selendili Lemara Sergeevna - Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "V. I. Vernadsky Crimean Federal University", Professor of the Department of Crimean Tatar Philology, Institute of Philology (sp), 295007, Russia, Republic of Crimea, Simferopol, Bessalova str., 45-b, 214, lemara2002@hotmail.com

Semenova Valentina Grigoryevna - Doctor of Philology, Northeastern Federal University, Head of the Department of Yakut Literature, Associate Professor, 677007, Russia, Republic of Sakha Republic (Yakutia), Yakutsk, Kulakovskiy str., 42, room 235, semenova_ykt@mail.ru

Sokolova Alina Yuryevna - Doctor of Philology, Tver State Medical University, Professor of the Department of Foreign and Latin Languages, 170005, Russia, Tver region, Tver, Blagoeva str., 8/2, sq. 22, alinasokolova.tver@yandex.ru

Urtmintseva Marina Genrikhovna - Doctor of Philology, Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Head of the Department of Slavic Philology and Culture, office 2 Ulyanova str., Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Region, 603005, Russia, urtminzeva@yandex.ru

Chirsheva Galina Nikolaevna - Doctor of Philology, Cherepovets State University, Professor, 162677, Russia, Vologda region, Cherepovets, Sovetsky Prospekt, 8, room 601, chirsheva@mail.ru

Sharonova Elena Aleksandrovna - Doctor of Philology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev", Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, 430034, Russia, Republic of Mordovia, Saransk, Prospekt 60 let Oktyabrya str., 10, sq. 24, sharon.ov@mail.ru

Lyubov Mikhailovna Shatilova - Doctor of Philology, State Autonomous Educational Institution of Higher Education of the city of Moscow "Moscow City Pedagogical University", Professor, State Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "State University of Humanities and Technology", Professor, 143980, Russia, Moscow region, Balashikha, Kornilaeva str., 30, block 133, shatilova-79@mail.ru

Russian Russian Federation Elena Sergeevna Sheremetyeva - Doctor of Philology, Far Eastern Federal University, Professor of the Department of Russian Language and Literature, 690105, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Russkaya str., 47, sq. 30, e.sheremetyeva@gmail.com

Dmitry Leonidovich Shukurov - Doctor of Philology, Ivanovo State University of Chemical Technology, Head of the Department of History and Cultural Studies, 153511, Russia, Ivanovo region, Kokhma, Ivanovskaya str., 92, sq. 35, shoudmitry@yandex.ru

Yukhnova Irina Sergeevna - Doctor of Philology, Federal State Educational Institution of Higher Education "National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky", Professor of the Department of Russian Literature, 603105, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, B. Panina str., 4, sq. 128, yuhnova@yandex.ru

Yagafarova Gulnaz Nurfaezovna - Doctor of Philology, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, 450054, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Prospekt Oktyabrya str., 71, room 410,

Khabiba Sadyrovna Shagbanova - Doctor of Philology, Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Philosophy, Foreign Languages and Humanitarian Training of Employees of the Internal Affairs Bodies of the Tyumen Institute for Advanced Training, 625049, Russia, Tyumen, Amurskaya str., 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикаторм можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозможные данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT формируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

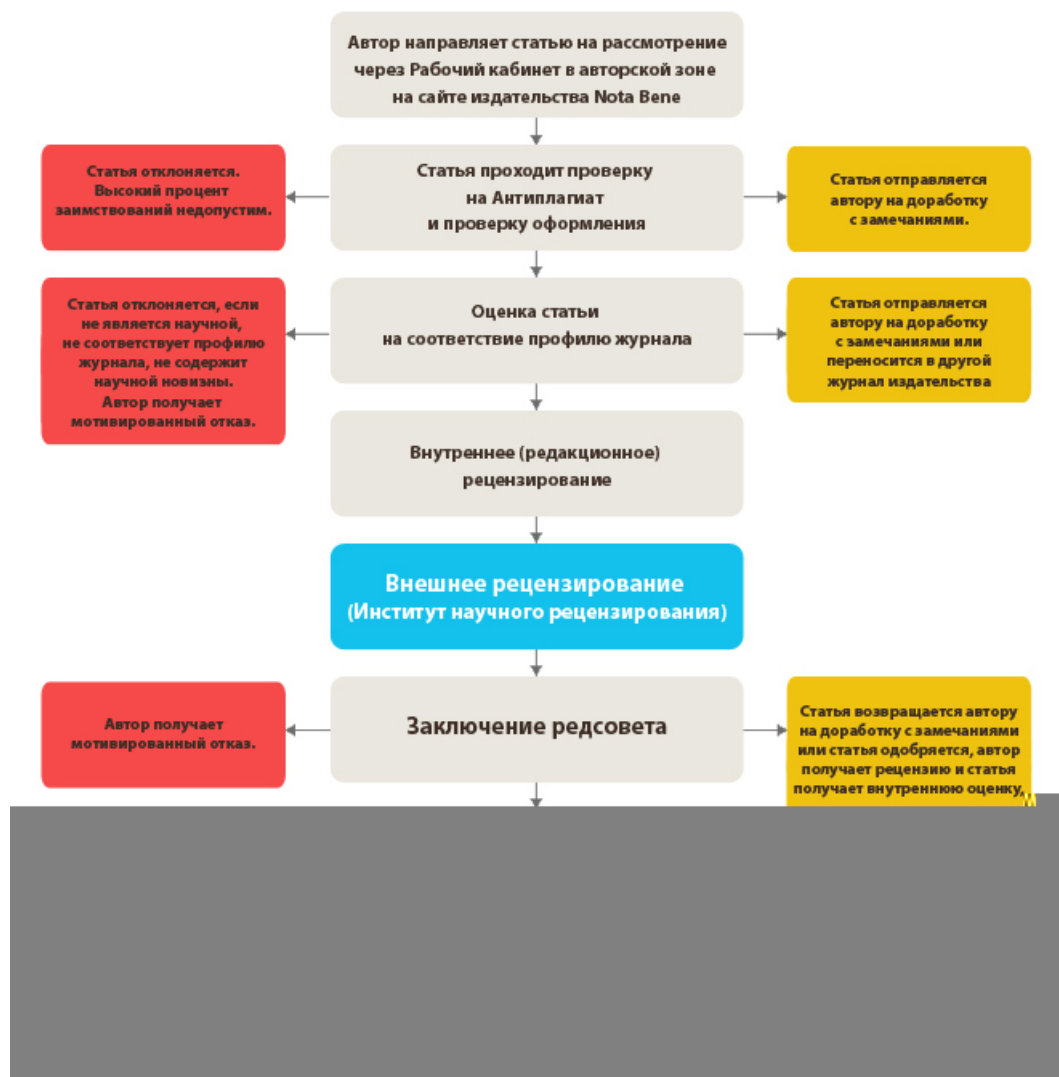
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта – digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Грозан Н.Ф., Прудникова Т.И., Непомнящая А.Р. Образы-символы стихий во фразеологической языковой картине мира (на материале украинского языка)	1
Шэнь М. Особенности восприятия пьесы «Гроза» и образа героини в переводе Фан Синя	15
Муталов Р.О. Распространение процесса палатализации в даргинских языках	26
Халимзода З.А. Статус русского языка в современном Таджикистане	35
Голованивская М.К., Ефименко Н.А. Понятие "добро" в русском и китайском языках	45
Долгополова Л.А., Мустафаева А.Х. Особенности вербализации креолизованного текста журнала «Der Spiegel»	56
Яремчук А.В. Прагматическая функция неологизмов в современном российском медиадискурсе	66
Хэ Ц. Конструкции с вторичной союзной связью в русских говорах Приамурья	77
Дроздова Е.А. Лингвопрагматика речевого акта обвинения в американском английском (на примере фильма "Зеленая книга")	86
Чикина Е.Е., Чикина А.А. К вопросу о формально-семиотическом аспекте прагматики высказывания в английском и немецком языках	101
Толпарова Д.В. Средства вербализации волеизъявления в художественном тексте как доминанты идиостиля автора (на материале романа И. Бахман "Malina")	114
Болбочан Д.В. Идеологический и фонетический анализ ветхозаветно-христианского и иудейского имени Бога ייִהוָה	125
Халимзода З.А. Русский язык в образовательной среде Республики Таджикистан	144
Зибров Д.А., Слуднева Л.В., Скопинцева Т.А., Ким Е.О. Эмблематизация дискурсивных маркеров новой этики	153
Англоязычные метаданные	161

Contents

Grozyan N.F., Prudnikova T.I., Nepomnyaschaya A.R. Images-symbols of the elements in the phraseological linguistic picture of the world (based on the Ukrainian language)	1
Shen M. Peculiarities of perception of the play "The Storm" and the image of the heroine in Fang Xin's translation	15
Mutalov R.O. The distribution of the palatalization processes in the Dargwa languages	26
Khalimzoda Z.A. Status of the Russian language in modern Tajikistan	35
Golovanivskaya M.K., Efimenko N.A. The concept of "good" in Russian and Chinese	45
Dolgopolova L.A., Mustafaeva A. . Features of verbalization of the creolized text of the magazine "Der Spiegel"	56
Yaremchuk A.V. The pragmatic function of neologisms in the modern Russian media discourse	66
He Z. Constructions with a secondary union connection in the Russian dialects of the Amur region	77
Drozdova E.A. Linguopragmatics of the speech act of accusation in American English (using the example of the film "Green Book")	86
Chikina E.E., Chikina A.A. On the formal-semiotic aspect of utterance pragmatics in English and German languages	101
Tolparova D.V. The means of verbalizing will expression in a literary text as the dominants of the author's idiosyncrasy (exemplified by I. Bachmann's novel "Malina")	114
Bolbochan D.V. Ideological and phonetic analysis of the Old Testament Christian and Jewish name of God יהוה	125
Khalimzoda Z.A. Russian language in the educational environment of the Republic of Tajikistan	144
Zibrov D.A., Sludneva L.V., Skopintseva T.A., Kim E.O. The emblemization of the discursive markers of the new ethics	153
Metadata in english	161

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Грозьян Н.Ф., Прудникова Т.И., Непомнящая А.Р. Образы-символы стихий во фразеологической языковой картине мира (на материале украинского языка) // Филология: научные исследования. 2024. № 12. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.12.72590 EDN: VRLNAE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72590

Образы-символы стихий во фразеологической языковой картине мира (на материале украинского языка)

Грозьян Нина Федоровна

доктор филологических наук

доцент, кафедра русской и украинской филологии; Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова

295015, Россия, республика Крым, г. Симферополь, пер. Учебный, 8

✉ n.f.grozyan@mail.ru

Прудникова Татьяна Ивановна

кандидат филологических наук

доцент, кафедра русской и украинской филологии, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Республики Крым "Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова"

295047, Россия, республика Крым, г. Симферополь, ул. Героев Сталинграда, 9, кв. 60

✉ t.i.prudnikova@inbox.ru

Непомнящая Анна Романовна

магистр; высшая школа русской и украинской филологии; ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова»

295015, Россия, Республика Крым область, г. Симферополь, Учебный пер., 8

✉ anikatrixy@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.12.72590

EDN:

VRLNAE

Дата направления статьи в редакцию:

05-12-2024

Дата публикации:

16-12-2024

Аннотация: Предметом фразеологии являются исследования категориальных признаков фразеологических единиц, на основе которых выделяются основные признаки фразеологичности, определяется национально-культурное своеобразие в украинских образах-символах, рассматриваются особенности интерпретаций во фразеологии. Объектом исследования данной статьи являются фразеологические единицы украинского языка с образами-символами вода, земля, огонь. Предмет исследования – особенности реализации символических значений образов-символов стихий во фразеологической картине мира на материале украинского языка. Задачи исследования: выделить из фразеологического состава украинского языка фразеологические единицы с компонентами-названиями-стихий; определить место фразеологизмов украинского языка исследуемой группы в языковой картине мира; рассмотреть характерные проявления реализации символических значений компонентов-названий стихий в украинских фразеологических единицах. Методология исследования основана на сочетании теоретического и эмпирического подходов с применением методов анализа, обобщения и синтеза. Научная новизна заключается в том, что анализируются фразеологизмы с компонентами вода, огонь и земля на материале украинского языка: изучение фразеологических единиц, связанных с обозначением природных явлений, дает возможность выявить особенности языковой картины мира и народного мышления и позволяет лучше понять ценностные установки и специфику мировосприятия украинского народа. В ходе исследования определено, что образы-символы стихий занимают важное место в языковой картине мира. Стихии на протяжении веков олицетворяли различные аспекты человеческой жизни и природы, создавая тем самым богатую палитру образов, которые нашли свое отражение во фразеологии. Символическое значение образа-символа огонь чаще реализуется в значениях: разрушительная или опасная сила, усиление чувств, гнев, скорость, испытание. Символические значения образа-символа огонь репрезентированы в фразеологии украинского языка такими семами: опасность, скорость, страдание, болезнь, гнев, возбуждение, покраснение, отрицательные черты характера, возвышение. Фразеологизмы с образом-символом земля часто связаны с понятиями: социальный статус, уважение, жизнь.

Ключевые слова:

огонь, вода, земля, образ-символ, фразеологическая единица, группа, значение, происхождение, фраза, культура

Фразеологические единицы (ФЕ) – это группы словосочетаний, которые имеют устойчивый лексико-грамматический состав и специфическое значение, отличное от значения отдельных компонентов. Фразеологической картине мира разных языков посвящен ряд исследований: Н. В. Баско [\[1\]](#), А. Вежбицкая [\[2\]](#), А. А. Джелилов [\[3\]](#), М. Е. Жукова [\[4\]](#), М. Л. Ковшова [\[5\]](#), В. А. Маслова [\[6\]](#), Ф. Х. Сулаева [\[7\]](#), Р. Х. Хайруллина [\[8\]](#), Л. Т. Ючковская [\[9\]](#) и др.

Основы изучения фразеологических единиц были заложены в трудах Ф. И. Буслаева, А. А. Потебни, И. И. Срезневского, А. А. Шахматова. Их наследие развили Н. Ф.

Алефиренко, В. Л. Архангельский, А. М. Бабкин, В. В. Виноградов, В. П. Жуков, Б. А. Ларин, В. М. Мокиенко, А. И. Молотков, В. Н. Телия, Н. М. Шанский, Н. М. Эмирова и др.

Предмет исследования – особенности реализации символических значений образов-символов стихий во фразеологической картине мира на материале украинского языка.

Методология исследования основана на сочетании теоретического и эмпирического подходов с применением методов анализа, обобщения и синтеза.

Цель исследования – выявить характерные проявления реализации символических значений образов-символов стихий *вода*, *огонь* и *земля* во фразеологической картине мира на примере украинского языка.

В последние десятилетия можно констатировать наличие интереса в лингвистике к изучению языков как проекции национального мировидения. В этой связи возник термин «картина мира», под которым обычно понимают целостный, глобальный образ мира, выступающий результатом всей духовной деятельности человека, всех его контактов с миром – бытовых контактов, предметно-практической деятельности, созерцания мира [10, с. 19]. Впервые размышление о данном термине встречается у немецкого географа и путешественника В. Фон Гумбольдта, где он отмечал, что язык тесно связан с народной культурой: «язык есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить что-то более тождественное» [11, с. 48].

Картина мира находит свое отражение в языке, что позволяет говорить о языковой картине мира (ЯКМ). М. В. Пименова определяла «языковую картину мира» как «...совокупность знаний о мире, отраженных в языке, а также способы получения и интерпретации новых знаний» [12, с. 9]. При таком подходе речь рассматривается как определенная концептуальная система и средство оформления концептуальной системы знаний о мире.

Под фразеологической картиной мира (ФКМ) в современных исследованиях понимается часть целостной ЯКМ, описанной средствами фразеологии, в которой каждая ФЕ является элементом строгой системы и выполняет определенные функции в описании реалий окружающей действительности [13, с. 50].

Ключевую роль в формировании фразеологических единиц играет символ. Символ в контексте фразеологии представляет собой конкретный образ, предмет или явление, которое используется для передачи определенного значения или концепции. Это может быть как конкретный предмет, такой как «сердце» или «крыло», так и абстрактное понятие, например, «любовь» или «свобода».

Фразеологизмы образуются путем переноса значения символа на другие слова в составе выражения. Такой перенос значения основан на ассоциативных связях между символом и словами, которые образуют выражение. Например, фразеологизм **вогнем і мечем** – огнем и мечом [14, с. 119] использует образ-символ *огонь* для передачи значения «беспощадно; с большой жестокостью».

Символы во фразеологизмах могут быть распознаны и поняты носителями языка благодаря их культурному и историческому контексту. Они являются ключевыми компонентами фразеологического значения и помогают передать сложные концепции и эмоции в краткой и выразительной форме. «Символьные компоненты фразеологических единиц не просто отображают представления народа, его верования, ценностные

ориентиры, не просто именуют его составляющие, они скорее интерпретируют мир, оценивают его» [15, с. 137]. Символическая основа определяет особенности значения фразеологических выражений, делая их контекстуально зависимыми и относительно непредсказуемыми.

Вода – это не только необходимое условие поддержания жизни на земле, но и мощный символ, обладающий множеством значений: жизнь, чистота, источник энергии. Символическое значение образа-символа *вода* во фразеологических единицах имеет глубокие корни в культуре народа. Многие украинские фразеологизмы с образом-символом *вода* имеют глубокие корни в крестьянской жизни и связаны с работой. Эта связка возникла из-за важной роли, которую вода играла в повседневной жизни: для питья, приготовления пищи, полива огорода и даже для промышленности [16, с. 225].

Образ-символ *вода* может означать неуправляемость стихии (вода может быть сильной, бурной и не поддающейся контролю) и иметь символическое значение перемен. Реки и океаны всегда движутся, изменяют свою форму и направление потока. Жизнь тоже полна перемен и неожиданностей: **наче холодною водою обдати** – словно холодной водой обдать [14, с. 445]. Вместе с тем, фразеологизмы с образом-символом *вода* могут передавать и отрицательное значение. Еще одним символическим значением образа-символа *вода* в ФКМ является опасность и разрушительность. Фразеологические единицы с этим значением могут использоваться для описаний небезопасных ситуаций, грозящих разрушениями, беспокойством: **буря у склянці води** – буря в стакане воды [14, с. 48]. Совмещение аксиологических значений свидетельствует о глубокой амбивалентности, которую имеет образ-символ *вода* в ФКМ.

Из Словаря фразеологизмов украинского языка [14] методом сплошной выборки были отобраны фразеологические единицы с образом-символом *вода* в количестве 71 ФЕ. В результате анализа фразеологического материала были выявлены следующие характерные проявления реализаций символических значений фразеологических единиц украинского языка с образом-символом *вода* (Рис. 1):

- 1) состояние человека (19%): **як риба у воді почувати себе** – как рыба в воде чувствовать себя [14, с. 598], **нема промитої води** – нет промытой воды [14, с. 432], **і води не замутиль** – и воды не замутиль [14, с. 249], **як (мов, наче) у воду опущений** – как (словно) в воду опущен [14, с. 468], **як (мов, наче) [холодною] водою облитий** – как (словно) [холодной] водой облит [14, с. 453], **як (мов, наче) линули холодною водою (водою з льодом)** – как (словно) лнули холодной водой (водой со льдом) [14, с. 334], **як (мов, ніби) скупаний у мертвій воді** – как (словно) искупался в мертвой воде [14, с. 660], **як (мов, ніби) у воді намочений** – как (словно) в воде намочен [14, с. 423], **[і] в ложці води не спймаєш** – [и] в ложке воды не поймаетшь [14, с. 681], **хоч з мосту / гори та в воду** – хоть с моста / горы да в воду [14, с. 409] и др.;
- 2) время (8%): **як з води йти** – как из воды уходит [14, с. 284], **як у воду дивитися** – как в воду смотреть [14, с. 199], **багато (чимало) води сплило (сплигло, уплигло, утекло)** – много (немало) воды всплыло (уплыло, убежало) [14, с. 22], **як з води** – как из воды [14, с. 121], **піти за водою** – пойти за водой [14, с. 279] и др.;
- 3) действие или, наоборот, бездействие (36%): **пройти [крізь] вогонь і воду [і мідні**

труби] – пройти [сквозь] огонь и воду [и медные трубы] [14, с. 574], **ні за холодну воду** – ни за холодную воду [14, с. 122], **товкти воду в ступі** – толочь воду в ступе [14, с. 714], **каламутити воду** – мутить воду [14, с. 285], **як (мов, ніби і та ін.) води в рот набрати** – как (словно) воды в рот набрать [14, с. 416], **кінці у воду ховати** – концы в воду прятать [14, с. 747], **ловити рибу в каламутній воді** – ловить рыбу в мутной воде [14, с. 532], **лити воду на млин** – лить воду на мельницу [14, с. 336], **вилами по воді писано** – вилами по воде написано [14, с. 502], **виходити сухим з води** – выходить сухим из воды [14, с. 93], **лити воду** – лить воду [14, с. 336], **як (мов, наче) холодною водою обдати** – как (словно) холодной водой обдать [14, с. 445], **лізти у воду, не знаючи броду** – лезть в воду, не зная брода [14, с. 346], **носити (міряти) воду решетом** – носить (мерить) воду решетом [14, с. 440], **пливти, куди вода несе** – плыть, куда вода несет [14, с. 119-120], **решетом у воді зірки ловити** – решетом в воде звезды ловить [14, с. 353], **втопити в ложці води** – утопить в ложке воды [14, с. 121], **лити холодну воду [за комір]** – лить холодную воду [за шиворот] [14, с. 336], **і кінці в воду** – и концы в воду [14, с. 296] и др.;

4) смерть, гибель (3%): **взяла вода** – взяла вода [14, с. 120], **і вода відсвятиться** – и вода отсвятится [14, с. 121] и др.;

5) отношения между людьми (9%): **десята (сьома) вода на киселі** – десятая (седьмая) вода на киселе [14, с. 121], **мов риба з водою** – как рыба с водой [14, с. 597], **хоч водою розливай** – хоть водой разливай [14, с. 611], **скакати [ї] у вогонь і в воду** – скакать [и] в огонь и в воду [14, с. 654] и др.;

6) забвение, мимолетность всего сущего (12%): **піти (збігти) за водою** – пойти (сбежать) за водой [14, с. 516], **як (мов, наче) лист за водою** – как (словно) письмо за водой [14, с. 335], **як (мов, наче) у воду впасти (канути) / падати** – как (словно) в воду упасть (кануть) / падать [14, с. 127], **як (мов, ніби) за водою йти** – как (словно) за водой идти [14, с. 284], **як (мов, ніби) камінь у воду** – как (словно) камень в воду [14, с. 287], **як сіль у воді** – как соль в воде [14, с. 652], **як у решеті води** – как в решете воды [14, с. 121] и др.;

7) правдивость, честность (4%): **як чистої (чистісінької) води** – как чистой (чистейшей) воды [14, с. 121], **виводити/ вивести на чисту (свіжу) воду** – выводит / вывести на чистую (свежую) воду [14, с. 66], **впливати/ вплисти на чисту воду** – выплывать / выплыть на чистую воду [14, с. 80] и др.;

8) расстройство (1%): **каламутити / скаламутити воду** – мутить / скаламутить воду [14, с. 285] и др.;

9) разрушение (1%): **лопатися / лопнути, як (мов, ніби) мильна булька (бульбашка, банька) на воді** – лопнуть, как (словно) мыльный пузырь (пузырек) на воде [14, с. 354] и др.;

10) сходство (1%): **як (мов, ніби) дві краплі (каплі) води; як крапля (капля) води** – как (словно) две капли воды; как капля воды [14, с. 311] и др.;

11) уют, родной дом (1%): **на ясні зорі, на тихі води** – на ясные зари, на тихие воды [14, с. 311] и др.;

[с. 271](#)] и др.;

12) нужда (3%): *перебиватися з хліба (з юшки) на воду (на сіль, на квас)* – перебиваться с хлеба (с похлебки) на воду (на соль, на квас) [\[14, с. 489\]](#) и др.;

13) споры (1%): *буря у склянці води* – буря в стакане воды [\[14, с. 48\]](#) и др.

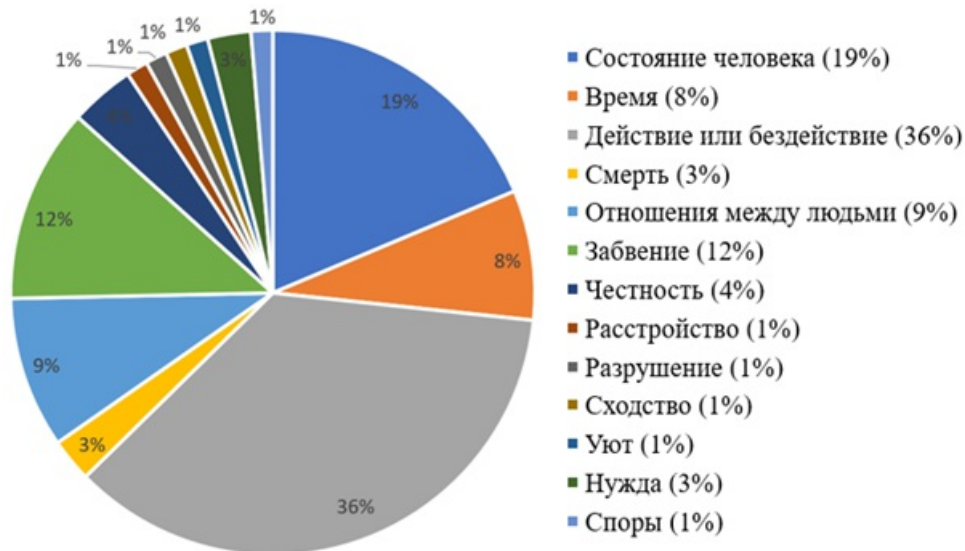

Рисунок 1. Символические значения образа-символа вода во фразеологических единицах украинского языка

Огонь – это один из самых древних и мощных символов, который на протяжении всей истории человечества олицетворял множество значений и концепций. По древнейшим космогоническим представлениям славян, *огонь* – это первобытная материя мужского пола, могучая и непонятная стихия, которая, соединившись с водой и светом, образовала все на земле [\[17, с. 46\]](#). Ритуальное поклонение огню постепенно набирало формы словесной символики, вело к созданию многочисленных образно-метафорических контекстов с образом-символом *огонь*, передающим достаточно широкую палитру значений.

В толковых словарях выделяется 10 лексико-семантических вариантов, образующих четырехуровневую модель структуры образа-символа *огонь*. У *огоня* много производных (огневой, огнедышащий, огонек, огнеопасный и др.), с ним связано множество поговорок и фразеологизмов. Само понятие «огонь» имеет индо-европейское происхождение, некоторые исследователи доказывают его родство со словом «уголь».

Не существует единого взгляда относительно происхождения *огня*. Так, жители Житомирского уезда относились к огню как к ангелу и говорили, что он происходит от камней. На Подолье в одних местностях изобретение огня приписывали чертову, в других – древнееврейскому царю Соломону. По некоторым поверьям, возникновение огня связывали с земной жизнью Христа (Луцкий уезд); существуют и другие легенды (*Прометей в огонь* – Прометеев огонь [\[14, с. 120\]](#)).

Огонь издавна был объектом культа у всех народов, символом Божьей силы; наши древние предки верили, что огонь был проявлением солнечного бога на земле, посланцем Неба на землю. *Огонь* обладает благотворительной и очищающей и защитной силой (поэтому прыгают через него в купальскую ночь, разжигают его накануне Великого

четверга, в ночь перед Пасхой [\[18, с. 104-105\]](#).

В ФКМ *Огонь* олицетворял жизнь, радости бытия, он несет очищение от всего старого, ненужного; он символ обновления, свободы, победы, противопоставленный идее тьмы как уныния, гибели. Но в то же время огонь мстителен, он страшной, непреодолимой силы, способной сжечь все живое [\[19, с. 148-149\]](#).

Из Словаря фразеологизмов украинского языка [\[14\]](#) методом сплошной выборки были отобраны фразеологические единицы с образом-символом *огонь* в количестве 52 ФЕ. В результате анализа фразеологического материала были выявлены следующие характерные проявления реализаций символических значений фразеологических единиц украинского языка с образом-символом *огонь* (Рис. 2):

1) разрушительная или опасная сила (17%): стихия очищающего пламени, несущего свет и тепло, воплощает грозное, неистовое пламя, которое грозит смертью и уничтожением: **гратися з вогнем** – играть с огнем [\[14, с. 166\]](#), **викликати вогонь на себе** – вызывать огонь на себя [\[14, с. 73\]](#) и др.;

2) скорость (8%): **як (мов, неначе) вогню вхопити** – как (словно) огня ухватить [\[14, с. 144\]](#) и др.;

3) болезненное состояние (2%): **вогнем горіти** – огнем гореть [\[14, с. 161\]](#) и др.;

4) самопожертвование (6%): **скакати [ї] у вогонь і в воду** – скакать [и] в огонь и в воду [\[14, с. 654\]](#) и др.;

5) страдания (6%): **палитися вогнем** – гореть огнем [\[14, с. 481\]](#), **як вогнем** – как огнем [\[14, с. 119\]](#) и др.;

6) гнев (12%): **вогнем дихати** – огнем дышать [\[14, с. 200\]](#), **хай воно (він, вона) [ясним] вогнем горить** – пусть оно (он, она) [ясным] огнем горит [\[14, с. 161\]](#) и др.;

7) сильные чувства (6%): **очі запалали [гарячим] вогнем** – глаза запылали [горячим] огнем [\[14, с. 476-477\]](#), **[аж] пашіти вогнем (полум'ям)** – [аж] пыхать огнем (пламенем) [\[14, с. 487\]](#) и др.;

8) усиление чувств (15%): **підливати масла у вогонь** – подливать масло в огонь [\[14, с. 509\]](#), **піддавати жару у вогонь** – поддавать жар в огонь [\[14, с. 120\]](#), **підкладати вогню** – подкладывать огонь [\[14, с. 508\]](#) и др.;

9) упреки (2%): **без вогню варити** – без огня варить [\[14, с. 51\]](#) и др.;

10) динамический внешний признак (4%): **вогнем горіти** – огнем гореть [\[14, с. 161\]](#), **[аж] пашіти вогнем (полум'ям)** – [аж] пыхать огнем (пламенем) [\[14, с. 487\]](#) и др.;

11) возвышение, восхищение (4%): **з вогнем (з вогником)** – с огнем (с огоньком) [\[14, с. 120\]](#), **без вогника** – без огонька [\[14, с. 120\]](#) и др.;

12) высокие стремления человека (2%): книжная реминисценция античной легенды: **Прометей вогонь** – Прометеев огонь [\[14, с. 120\]](#) и др.;

13) испытания (8%): **пройти [крізь] вогонь і воду [і мідні труби]** – пройти [сквозь] огонь и воду [и медные трубы] [14, с. 574], **з вогню (рідше із жару) [та] в полум'я** – из огня (реже из жара) [и] в пламя [14, с. 120] и др.;

14) уют, родной дом (4%): **на вогник** – на огонек [14, с. 119], **домашнє (родинне, сімейне) вогнище** – домашний (семейный) очаг [14, с. 120] и др.;

15) упрямство, неуступчивость (2%): **хоч ріж і печи на вогні** – хоть режь и печи на огне [14, с. 598] и др.;

16) поиск (4%): **таких удень з вогнем (та ще зі світлом, при сонці) пошукати** – таких днем с огнем (да еще со светом, при солнце) поискать [14, с. 553], **[вдень] з вогнем (зі свічкою, зі свічками) не знайти** – [днем] с огнем (со свечой, со свечами) не найти [14, с. 268] и др.

Рисунок 2. Символические значения образа-символа *огонь* во фразеологических единицах украинского языка

Земля – один из важнейших символов в культуре и мифологии славянских народов. Она занимает центральное место в верованиях и обрядах славян. В ФКМ славян*земля* имеет множество аспектов, от физической природы до духовного.

В Библии образ-символ*земля* олицетворяет земной рай, в котором царит мир, справедливость и божественное благословение. Например, *земля обітована* – земля обетованная [14, с. 263] имеет библейское происхождение. В «Ветхом Завете» так называлась Палестина, которую Бог обещал еврейскому народу за их верность и преданность. Земля обетованная представлялась как место всеобщего счастья и достатка, где текут молочные реки с кисельными берегами. В то же время в библейской трактовке Земля символизирует земную жизнь. Она является местом испытаний, борьбы и труда. ФЕ *зрошувати / зрости [своїм] потом землю* – орошать / оросить [своим] потом землю [14, с. 273] указывает на то, что человек тяжело работает и тратит немало усилий, труда, обрабатывая землю.

Образ-символ *земля* играет особую роль в контексте погребальных обрядов. Связь с землей в погребальных обрядах украинского народа отражает уважение к предкам, культурное наследие и прочные связи с природой. Земля считается не только источником жизни, но также местом, где происходит переход души человека в загробный

мир. ФЕ **із сирюю землею повінчатися** – с сырой землей обвенчаться [14, с. 525] отмечается использованием образного мышления, где слово «обвенчаться» должно в переносном смысле означать смерть или переход к другой жизни.

Волнения по поводу ухода близкого связаны не только с чувством утраты, но и с верой в продолжение жизни в ином мире. Особое внимание украинцы уделяют могилам усопших, которые рассматриваются как священные места, где душа усопшего может найти утешение. Земля при этом считается своеобразным хранилищем душ умерших. Этимология фразеологизма **(хай, нехай) земля [буде] пухом (пером) кому // нехай земля [буде] пухенькою (легка)** – (пусть, пусть) земля [будет] пухом (пером) кому // Пусть земля [будет] пухленькой (легкая) [14, с. 263] связана со старинной традицией прощания с усопшими во время погребений. Эта фраза используется как выражение сочувствия и пожелания покойнику покоя в вечном покое.

ФЕ **сіль землі** – соль земли [14, с. 650] имеет глубокие исторические корни и отражает важные аспекты культуры и общества. Происхождение этого фразеологизма связано с древними временами, когда соль была одним из самых ценных благ, необходимых для жизни. В древних цивилизациях соль использовалась в качестве консерванта для сохранения продуктов питания, а также для оплаты услуг и товаров.

Из Словаря фразеологизмов украинского языка [14] методом сплошной выборки были отобраны фразеологические единицы с образом-символом *земля* в количестве 77 ФЕ. В результате анализа фразеологического материала были выявлены следующие характерные проявления реализаций символических значений фразеологических единиц украинского языка с образом-символом *земля* (Рис. 3):

- 1) социальный статус (3%): **пуп землі** – пуп земли [14, с. 583] и др.;
- 2) тяжелый труд (1%): **зрошувати / зрости (своїм) потом землею** – орошать / оросить (своим) потом землею [14, с. 273] и др.;
- 3) черта характера человека (1%): **язик до землі** – язык к земле [14, с. 785] и др.;
- 4) уважение (3%): **уклонятися / уклонитися до землі** – поклоняться / поклониться к земле [14, с. 734], **віддавати / віддати земний поклін (уклін)** – отдавать / отдать земной поклон [14, с. 99] и др.;
- 5) противоположность (1%): **як небо від землі** – как небо от земли [14, с. 429] и др.;
- 6) безразличие (1%): **лихом об землею** – злом / бедствием о землею [14, с. 338] и др.;
- 7) цвет (1%): **як землею припасти / припадати** – как землей припасть / припадать [14, с. 565] и др.;
- 8) человек (1%): **цар земний** – царь земной [14, с. 754] и др.;
- 9) гибель, смерть (18%): **в сирій землі гнити** – в сырой земле гнить [14, с. 150], **із сирюю землею повінчатися** – с сырой землей обвенчаться [14, с. 525], **лежати в землі** – лежать в земле [14, с. 330], **уложити у землею** – уложить в землею [14, с. 735] и др. Также есть ФЕ, которые связаны со смертью: **(хай, нехай) земля (буде) пухом (пером) / нехай земля (буде) пухенькою (легка)** – (пусть) земля (будет) пухом (пером) / пусть земля

- (будет) пухленькой (легкая) [\[14, с. 263\]](#), **земля не приймає** – земля не принимает [\[14, с. 263\]](#), **закопати / закопувати живцем (живого, живою) у землю** – закопать / закапывать живьем (живого, живой) в землю [\[14, с. 245\]](#) и др.;
- 10) жизнь (3%): **по землі ходити** – по земле ходить [\[14, с. 748\]](#), **топтати землю** – топтать землю [\[14, с. 715\]](#) и др.;
- 11) скорость (3%): **[аж] рвати [ногами (копитами)] землю** – [аж] рвать [ногами (копытами)] землю [\[14, с. 594\]](#), **землі не доторкатися (не доторкуватися)** – земли не дотрагиваться [\[14, с. 217\]](#) и др.;
- 12) место (3%): **просто на землі** – просто на земле [\[14, с. 428\]](#). Место, куда кто-то страстно мечтает и стремится попасть: **земля обітована** – земля обетованная [\[14, с. 263\]](#) и др.;
- 13) дальняя дорога (4%): **з тридев'ятої землі** – из тридевятой земли [\[14, с. 719\]](#), **за тридев'ять (за тридесять) земель / за сім земель** – за тридевять (за тридесять) земель / за семь земель [\[14, с. 719\]](#), **на край землі** – на край земли [\[14, с. 310\]](#) и др.;
- 14) оценка интеллектуальных способностей (3%): **закопувати (заривати) / закопати (зарити) у землю свій талант** – закапывать (зарывать) / закопать (зарыть) в землю свой талант [\[14, с. 245\]](#), **твердо (міцно) стояти на землі** – твердо стоять на земле [\[14, с. 697\]](#) и др.;
- 15) разрушительная сила (4%): **змести (стерти) з лица землі** – смести (стереть) с лица земли [\[14, с. 267\]](#), **зрівняти з землею** – сравнять с землей [\[14, с. 272\]](#), **змішати з землею / перемішати з землею** – смешать с землей / перемешать с землей [\[14, с. 268\]](#) и др.;
- 16) действие или, наоборот, бездействие (8%): **втоптати в землю** – втоптать в землю [\[14, с. 137\]](#), **пригнути/ пригинати до землі** – пригнуть / пригнать к земле [\[14, с. 559\]](#), **ударити (кинути) / ударяти (кидати) лихом об землю** – ударить (бросить) / ударить (бросить) бедствием (злом) о землю [\[14, с. 733\]](#), **хоч землю їж** – хоть землю ешь [\[14, с. 281\]](#) и др.;
- 17) жизненные трудности (10%): **земля тікає з-під ніг** – земля убегает из-под ног [\[14, с. 263\]](#), **земля горить під ногами** – земля горит под ногами [\[14, с. 262-263\]](#), **хоч крізь (скрізь) землю йти** – хоть сквозь землю идти [\[14, с. 284\]](#), **висіти (повисати) / повиснути між небом і землею** – висеть (повисать) / повиснуть между небом и землей [\[14, с. 85\]](#), **живим в землю лягати** – живым в землю ложиться [\[14, с. 359\]](#), **хоч живим (живцем і та ін.) у землю лізь** – хоть живым (живьем и др.) в землю лезь [\[14, с. 347\]](#) и др.;
- 18) надоедливость (5%): **хоч під землею** – хоть под землей [\[14, с. 262\]](#), **бити лобом (лобами) об землю** – бить лбом (лбами) о землю [\[14, с. 29\]](#), **хоч з (з-під) землі викопай** – хоть из (из-под) земли выкопай [\[14, с. 74\]](#) и др.;
- 19) неожиданность (6%): **врости в землю** – врати в землю [\[14, с. 130\]](#), **як (мов, наче і та ін.) з-під (з) землі вродитися** – как (словно и др.) из-под (из) земли рождается [\[14, с. 130\]](#), **як (мов, наче і та ін.) крізь землю провалився** – как (словно и др.) сквозь землю

провалился [14, с. 571] и др.;

20) реальность происходящего (4%): **відриватися / відірватися від землі** – отрываться / оторваться от земли [14, с. 106], **зсадити з хмар на землю** – ссадить с облаков на землю [14, с. 273], **скинути з неба (з небес) на землю** – сбросить с неба (с небес) на землю [14, с. 656] и др.;

21) эмоциональное состояние (14%): **мало крізь землю не провалився** – чуть сквозь землю не провалился [14, с. 571], **потупити очі в землю** – потупить глаза в землю [14, с. 551], **не чути (не відчувти) землі [під собою (під ногами)]** – не слышать (не чувствовать) земли [под собой (под ногами)] [14, с. 772], **щоб крізь землю провалитися** – чтобы сквозь землю провалиться [14, с. 572], **як (мов, неначе і та ін.) приріс до землі** – как (словно и др.) прирос к земле [14, с. 565], **як (мов, наче і та ін.) до землі прибитий** – как (словно и др.) к земле прибит [14, с. 557] и др.

22) время (3%): **за царя Панька (Тимка, Томка), як була (стане) земля тонка** – при царе Паньке (Тимке, Томке), как была (станет) земля тонкая [14, с. 756], **з лиця землі** – с лица земли [14, с. 340] и др.

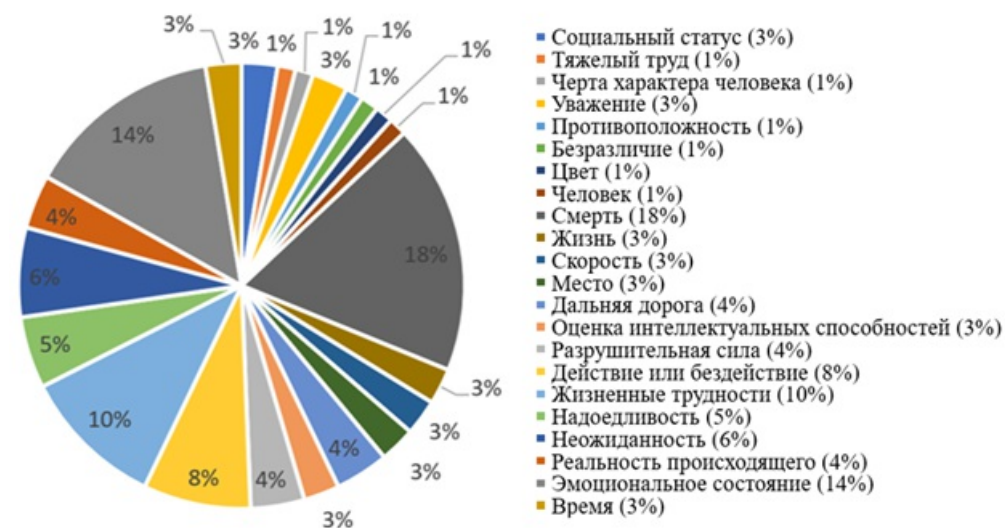

Рисунок 3. Символические значения образа-символа земля во фразеологических единицах украинского языка

В народном сознании существует представление о воде как о жидкости, имеющей различные свойства: как о водоеме, природной стихии и важнейшем средстве существования. Анализ исследованного материала показал, что во фразеологических единицах украинского языка символическое значение образа-символа вода чаще реализуется в значениях: действие или бездействие (36%), состояние человека (19%), забвение (12%), отношения между людьми (9%). Символическое значение образа-символа огонь чаще реализуется в значениях: разрушительная или опасная сила (17%), усиление чувств (15%), гнев (12%), скорость (8%), испытание (8%).

Представления украинского народа об образах-символах огонь и вода полярно противоположные, они известны своей двойственностью, ведь с одной стороны они выступают носителями разрушения, с другой – символами очищения и животворной силы. Это свидетельствует о той глубокой двусмысленности, которую имеет этот элемент в нашем жизненном и речевом пространстве.

Земля в народном сознании олицетворяется в разных образах: как мать, как дух природы, как живое существо, способное влиять на судьбу человека. Во фразеологических единицах украинского языка символическое значение образа-символа земля чаще реализуется в значениях: смерть (18%), эмоциональное состояние (14%), жизненные трудности (10%).

Таким образом, анализ ФЕ с образами-символами *огонь, вода и земля* свидетельствует об их оригинальности, неповторимости, специфичности и разветвленности украинской фразеологической системы. Система присущих конкретному народу символических образов и представлений тесно связана с особенностями национального менталитета. Украинцам свойственны черты символически-образного восприятия космогонических, природных явлений; и такое мировоззрение находит свои отпечатки в украинской фразеологии. Своеобразие фразеологизмов исследуемой группы как фрагмента фразеологической картины мира ярко иллюстрирует представления украинцев о силах природы, которые наделялись в сознании людей мистическими свойствами.

Бібліографія

1. Баско Н. В. Фразеологические единицы в языковой картине мира русских и японцев (на примере соматических фразеологизмов) // Русистика без границ. 2019. №2. С. 7-14.
2. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / пер. А. Д. Шмелева. М.: Языки славянской культуры, 2001.
3. Джелилов, А. А. Социокультурная реконструкция дискурсивного пространства фразеологической картины мира (на материале крымскотатарского, английского и русского языков) // МедиаВектор. 2023. № 10. С. 24-34.
4. Жукова М. Е. Фразеологическая картина мира современной России в зеркале одного дня // Вестник Новгородского государственного университета. Великий Новгород. 2008. № 47. С. 69-71.
5. Ковшова М. Л. Языковая и культурная специфика фразеологического знака: теоретические и методологические основы исследования // Вопросы филологии. 2006. №3. С. 6-12.
6. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. Минск: ТетраСистемс, 2004.
7. Сулаева, Ф. Х. Фразеологизмы с числительными как отражение фрагмента общей фразеологической картины мира // Дагестанский научно-исследовательский институт педагогики им. А. А. Тахо-Годи как основа сохранения языкового разнообразия и культурного наследия народов Дагестана : Материалы юбилейной научной сессии, посвященной 80-летию Дагестанского научно-исследовательского института педагогики им. А. А. Тахо-Годи, Махачкала: Типография ФОРМАТ. 2023. С. 333-337.
8. Хайруллина Р. Х. Фразеологическая картина мира: от мировидения к миропониманию. Уфа: Изд-во БГПУ, 2008.
9. Ючковская Л. Т. К вопросу о фразеологической картине мира // Вестник Югорского государственного университета. Ханты-Мансийск. 2015. № 1(36). С. 161-164.
10. Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1987.
11. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / пер. с нем. Г. В. Рамишвили. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000.
12. Пименова М. В. Языковая картина мира. Кемерово: Мир и образование, 2011.
13. Абдулкаримова П. А. Фразеологическая картина мира как фрагмент национальной языковой картины мира // Заметки ученого. 2022. № 2-3. С. 48-52.
14. Словник фразеологізмів української мови. Київ: Наукова думка, 2008.
15. Бабкин А. М. Русская фразеология. Ее развитие и источники. Ленинград: Наука,

1970.

16. Непомнящая А. Р. Мировоззренческие основы фразеологизмов с компонентом вода украинского языка // Молодая наука. Симферополь: Антиква, 2023. С. 224-225.

17. Потапенко О. І. Шкільний словник з українознавства. К.: Український письменник, 1995.

18. Жайворонок В. В. Знаки української етнокультури. К.: Довіра, 2006.

19. Кононенко В. І. Рідне слово. К.: Богдана, 2001.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Образы-символы стихий во фразеологической языковой картине мира (на материале украинского языка)».

Предмет исследования – особенности реализации символических значений образов-символов стихий во фразеологической картине мира в украинском языке. Фразеологическая картина мира, являясь частью языковой картины народа, обладает своей национальной спецификой: фразеологические единицы хранят и передают из поколения в поколение знания о системе обычаев, традиций, законов и представлений о мире, исследование фразеологизмов даёт возможность выявить особенности концептуализации окружающей действительности того или иного народа.

Методология исследования основана на сочетании теоретического и эмпирического подходов с применением методов анализа, обобщения и синтеза.

Актуальность исследования обусловлена важностью для современного общества выявления разнообразных феноменов языка и культуры: исследование фразеологических единиц позволяет продемонстрировать взаимосвязь языка и мышления, выявить особенности концептуализации мира в разных культурах, поскольку особенно наглядно национальная картина мира отражена в клишированных единицах, в которых фиксируется система эталонов, ценностных представлений носителей языка, их мировосприятие.

Научная новизна заключается в том, что автор анализирует фразеологизмы с компонентом «стихия» на материале украинского языка: изучение лексических единиц, связанных с обозначением природных явлений, дает возможность выявить особенности языковой картины мира и народного мышления и позволяет лучше понять ценностные установки и специфику мировосприятия украинского народа.

Стиль изложения научный, структура, содержание. Статья написана русским литературным языком. Структура рукописи включает следующие разделы (в виде отдельных пунктов не выделены, не озаглавлены): введение (содержит постановку проблемы, приведена цель исследования); основная часть (на основе анализа эмпирического материала автор рассматривает фразеологизмы с компонентом «стихия» – образы-символы воды, огня, земли; автор приводит статистические данные о характерных проявлениях реализаций символических значений фразеологических единиц украинского языка с рассматриваемыми образами-символами; теоретические измышления автора подкреплены фактическими данными, для наглядности приведены иллюстративные примеры); заключение (выводы); библиография (включает 17 источников). Содержание в целом соответствует названию.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Исследование выходит за рамки лингвистики и культурологии, полученные результаты будут интересны тем, кто занимается исследованием феномена языковой картины мира и

изучением культуры украинского народа. Исследование имеет практическое значение для эффективной коммуникации на межнациональном уровне, проведенный анализ эмпирического материала даёт актуальное представление об особенностях концептуализации окружающей действительности украинского народом через призму фразеологических единиц с образами-символами воды, огня и земли.

В целом рукопись соответствует основным требованиям, предъявляемым к научным статьям. Материал представляет интерес для читательской аудитории и после доработки может быть опубликован в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Шнь М. Особенности восприятия пьесы «Гроза» и образа героини в переводе Фан Синя // Филология: научные исследования. 2024. № 12. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.12.72747 EDN: ZLMYSI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72747

Особенности восприятия пьесы «Гроза» и образа героини в переводе Фан Синя

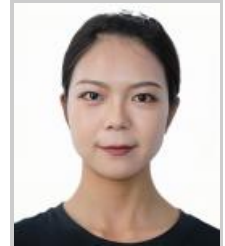
Шнь Мэнци

ORCID: 0009-0001-2470-7655

аспирант, кафедра русского языка и литературы, Дальневосточный федеральный университет

690922, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Аякс, 10

✉ mengqishen705@yandex.com

[Статья из рубрики "Перевод"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.12.72747

EDN:

ZLMYSI

Дата направления статьи в редакцию:

17-12-2024

Дата публикации:

27-12-2024

Аннотация: Актуальность исследования определяется центральной ролью женских образов в художественном мире пьес А. Н. Островского и интересом к изучению особенностей восприятия творчества русских писателей китайскими переводчиками. Предмет исследования – особенности переводческой рецепции образа главной героини пьесы «Гроза» китайским переводчиком Фан Синь. Цель исследования – выявить особенности восприятия пьесы «Гроза» и образа Катерины в переводе Фан Синя, вышедшем в январе 1942 года. Для достижения вышеуказанной цели исследования необходимо решить следующие задачи: 1) проанализировать основные особенности перевода пьесы «Гроза» Фан Синя; 2) рассмотреть черты характера образа Катерины в его переводе в сопоставлении с оригиналом и с переводом Гэн Цзичжи; 3) проанализировать причины особенностей восприятия образа героини пьесы

переводчиком Фан Синь. Для решения указанных задач применяется метод сопоставительного анализа. А обращение к культурно-историческому методу обусловлено задачей выявить причины, повлиявшие на восприятие образа Катерины китайским переводчиком. Научная новизна данного исследования заключается в том, что оно впервые посвящено переводческой рецепции пьесы «Гроза» Фан Синем, в нем впервые рассматриваются особенности восприятия переводчиком образа главной героини пьесы. В результате исследования установлено, что переводчик Фан Синь сохранил все реплики персонажей, в значительной степени сохранив смысл и стиль оригинального текста. Но в его переводе акцентирована несвобода героини и вызванная ею болезненная тоска. Китайский переводчик также подчеркивает мотивы любви, смерти и "темного царства", тесно связанные с образом Катерины. Кроме того, Фан Синь и полностью сохранил лиричность образа Катерины в этой версии перевода. Интерпретация образа героини обусловлена сложной историко-литературной ситуацией в Китае.

Ключевые слова:

А. Н. Островский, Гроза, образ Катерины, восприятие, Фан Синь, перевод, период одинокого острова, мотив любви, мотив смерти, мотив темного царства

Перевод пьесы «Гроза», выполненный переводчиком Гэн Цзичжи в 1921 году, не только открыл историю распространения произведений А. Н. Островского в Китае, но и, как можно предположить, в этом переводе пьеса была впервые поставлена в Китае в 1937 году. По свидетельству переводчика и русского литературоведа Линь Лина, когда «Гроза» была впервые представлена в Шанхае в январе 1937 года шанхайским Обществом актеров-любителей (Шанхай цзюйжэнь сехуэй), актеры играли не только в русских костюмах [\[7, с. 92\]](#), но и под именами персонажей оригинала. Второй китайский перевод пьесы был опубликован только в июне 1937 года. Переводчик второго варианта Ши Ин дал китайские имена персонажам пьесы, а не использовал прием транслитерации, как это сделал Гэн Цзичжи. Например, в переводе Ши Ина Катерина носит имя Гао Лин, а Варвара становится Ма Ли. Таким образом, перевод Гэн Цзичжи сыграл беспримерную роль в постановке пьесы в Китае. А по словам Линь Лина в сентябре 1948 года, из всех пьес Островского «та, которая чаще всего ставится в Китае, с наибольшей аудиторией и на самой широкой территории, – это "Гроза". Можно даже сказать, что из всех иностранных пьес "Гроза" – самая популярная у китайской публики и самая популярная в репертуаре китайских театров чаще всего» [\[8, с. 241\]](#). В 1959 году в Пекине состоялось памятное представление пьесы «Гроза», посвященное столетнему юбилею ее постановки в Москве. Спектакль был основан, как видно из программы, на другом переводе, выполненный Фан Синем. Этот перевод был впервые опубликован в 1940 году, и третий перевод «Грозы» появится только в 1987 году. Так, многие китайские ученые в своих исследованиях об Островском опирались на перевод варианта Фан Синя. Можно также утверждать, что перевод Фан Синя имел более длительный период распространения и более широкое влияние, чем перевод Гэн Цзичжи.

Фан Синь (1902–1963, настоящее имя – Цай Фансинь蔡方信), был разносторонней личностью. В юности он изучал актерское мастерство в «Пекинском специальном театральном колледже Жэньи», но бросил учебу через два года. Затем он работал актером в Шанхае. В 1927–1928 годах он отправился в Японию, чтобы изучать английский язык, после чего вернулся в Шанхай и основал литературный журнал. В то

же время он посвятил себя переводу зарубежной литературы, особенно русских и советских пьес и романов. Поначалу его уровень перевода не был особенно высоким, но он упорно учился, чтобы улучшить свои навыки. Кроме того, он преподавал в театральном колледже и иногда ставил спектакли для любительских театральных коллективов. Богатый сценический опыт позволил ему глубже понять уникальные требования и особенности театрального языка, что помогло ему в овладении навыками перевода пьес. Его переводы «Грозы» А. Н. Островского, «Чайки» и «Дяди Вани» А. П. Чехова, «Ревизора» Н. В. Гоголя и «На дне» М. Горького широко известны влиятельными в Китае.

В декабре 1940 года Шанхайское национальное издательство (Шанхай гоминь шудянь) опубликовало перевод «Грозы» Фан Синя, что стало первой публикацией его перевода данной пьесы. Отметим, что, согласно исследованиям Гэ Баоцюаня и М. Е. Шнейдера, перевод «Грозы», выполненный Фан Синем, впервые появился в 1944 году, напечатанный Всемирным Издательством (Шицзе шуцзюй) [8, с. 239]; [7, с. 246]. Однако этот перевод уже был опубликован в 1940 году. Мы подчеркиваем это время, потому что 1940 год пришелся на необычный этап шанхайской истории – период «одинокого острова» (Гудао) (1937–1941). В ноябре 1937 года китайская армия проиграла войну с Японией и была эвакуирована из Шанхая. Японские войска заняли все районы Шанхая, кроме иностранных поселений, потому что в то время Япония еще не была готова вступить в войну с такими империалистическими странами, как Великобритания, Франция и США. Таким образом, иностранные поселения в Шанхае оказались в кольце японской оккупации [3, с. 102] и напоминали «одинокий остров», отсюда их названия. Именно «в это время территория иностранных селтльментов оказалась единственным не оккупированным районом глубоко в тылу территорий, захваченных японскими войсками» [4, с. 165], многие писатели и переводчики, оставшиеся в Шанхае, энергично развивали свою переводческую карьеру, пользуясь особой средой, контролируемой Великобританией, Францией и другими странами. Ведь «относительная стабильность жизни на одиноком острове, относительно "нейтральная" политическая позиция Шанхайского муниципального совета, ограничение и запрет "радикальных" газет и журналов, легкость приобретения иностранных книг и журналов, прекрасные условия для печати и издательского дела, относительная концентрация иноязычных талантов и необходимость для жителей острова быть в курсе ситуации в условиях войны – все это подчеркивало преимущества перевода над созданием» [11, с. 35]. В результате в этот период в Китае сложилась благополучная ситуация с литературным переводом.

На развитие искусства могут влиять политические факторы. «Социально-политический фон периода "одинокого острова" во многом повлиял на интерпретацию переводчиками иностранной литературы в Китае, что нашло отражение в выборе ими жанров иностранной литературы и источников перевода. Это отражает национальные отношения между страной происхождения и страной перевода» [14, с. 90]. И в этот период наибольшее влияние, несомненно, оказала русская и советская литература. Всего за этот период на китайский язык было переведено 83 русских и советских произведения. В то же время переводы периода «одинокого острова» отличались широким жанровым диапазоном. «Из них, в порядке убывания, романы (165), пьесы (53), фольклор (28), репортажи и мемуары (27), литературная теория (14), поэзия (6) и проза (4)» [14, с. 92]. Для жанра, который только развивается в Китае, – драматического театра – эта статистика имеет огромное значение. В этот период в Шанхае бурно развивался драматический театр: на фоне растущего антияпонского энтузиазма появилось более сотни новых любительских и профессиональных трупп. Это также увеличило спрос на

перевод иностранных пьес. Вот одна из причин развития театрального перевода. С другой стороны, «театр в период "одинокого острова" был одновременно и средством развлечения, и тактичным способом выражения политических целей. Из-за опасной политической обстановки, сложившейся в период "одинокого острова", театральные деятели не могли прямо и открыто выражать антияпонские настроения. Поэтому переводы и адаптации иностранных пьес стали для литераторов способом выразить идеи сопротивления» [12, с. 22]. По словам исследователя Чэнь Циншэна, в период «одинокого острова» «Фан Синь был самым плодовитым переводчиком иностранных пьес. Только в этот период он выполнил семь переводов многоактных пьес» [10, с. 123]. На его перевод «Грозы» оказал влияние этот сложный социальный контекст.

Поскольку перевод, впервые опубликованный в 1940 году, найти практически невозможно, мы используем для анализа его переиздание, вышедшее в январе 1942 года. Между переводом Фан Синя и переводом Гэн Цзичжи есть много различий. Во-первых, это изменение названия – с «Лэй Юй» (雷雨, Гроза) на «Да Лэй Юй» (大雷雨, Бурная гроза). Это было вызвано тем, что в 1934 году появилась пьеса китайского драматурга Цао Юя «Лэй Юй» (雷雨, Гроза). И в 1940 году пьеса Островского в Китае получила название «Бурная гроза» – «Да Лэй Юй». Второе отличие – структурное. Гэн Цзичжи в переводе сохранил только деление на действия, но не на явления. Фан Синь, напротив, восстановил в своем переводе структуру оригинального текста, переведя почти все строки и сохранив целостность текста пьесы. В-третьих, имена персонажей звучат более точно. Например, Гэн переводил имя героини «Катерина» как «卡答邻» (т. е., Ка Да Линь), а Фан Синь – как «卡特丽娜» (т. е., Ка Тэ Ли На). Хотя в обоих случаях используется прием транслитерации, перевод последнего более точно соответствует произношению оригинала. Кроме того, тщательное сравнение перевода Фан Синя с оригинальным текстом показывает, что переводчик сохранил все реплики персонажей, в значительной степени сохранив смысл и стиль оригинального текста. В качестве примера приведем этот отрывок из монолога Катерины: *«Ну, теперь тишина у нас в доме воцарится. Ах, какая скука! Хоть бы дети чьи-нибудь! Эко горе! Деток-то у меня нет: все бы я и сидела с ними да забавляла их. Люблю очень с детьми разговаривать – ангелы ведь это. (Молчание). Кабы я маленькая умерла, лучше бы было. Глядела бы я с неба на землю да радовалась всему. А то полетела бы невидимо, куда захотела. Вылетела бы в поле и летала бы с василька на василек по ветру, как бабочка»* [5, с. 36-37]. Данный фрагмент переведен на китайский язык следующим образом: *«唉,现在我们家里冷静起来了。哦,多么疲倦啊!要是有几个孩子的话!哦,多悲痛啊!我没有小孩儿;不然我可以一直跟他们坐在一块,逗着他们玩儿。我很喜欢同小孩儿讲话;他们是天使。(稍停)要是我在小时候死了多好;那么我可以从天上望到地下,赏玩尘世上的万物。要不然,我可以照到我的心意无踪无影地飞到什么地方去;我可以像蝴蝶似地顺着轻风在田野里的稻花上面飞来飞去»* [9, с. 59-60]. / «Ах, теперь у нас в доме спокойно. Ну, как устала! Если бы дети были! Ну, какое горе! Детей у меня нет; иначе я могла бы все время сидеть с ними и забавляла их. Я очень люблю разговаривать с детьми, они ангелы. (Молчание.) Если бы только я умерла ребенком; тогда я могла бы глядеть с неба на землю и восхищаться всем на свете. Иначе я могла бы бесследно улететь, куда захотела; я могла бы порхать туда-сюда, как бабочка на легком ветру над цветами риса в поле» (здесь и далее – перевод дословный авторский. – Шэнь Мэнци). Переводчик точно передает смену настроения героини. Сначала она вздыхает по своему одиночеству, а затем мечтает о полетах над цветами, как бабочка. Переводчик воспроизводит все фразы, отражая печаль Катерины в этот момент и ее стремление к свободе. Смерть для нее – один из способов обрести свободу. Отметим стремление переводчика «приблизить» текст к читателю: васильки у него становятся цветами риса.

В переводе Фана сохранены мотивы любви, смерти и свободы, связанные с образом Катерины, а также мотивы патриархальных нравов и темного царства, сопровождающие образ Кабановой. Но в некоторых деталях перевод несколько отличается от оригинала, и здесь обнаруживаются особенности восприятия переводчиком образа героини.

Образ Катерины тесно связан с мотивом смерти не только потому, что это ее трагический выбор в финале, но и потому, что она рано и неоднократно упоминает о смерти. И Фан Синь подчеркивает этот мотив в переводе. Так, Катерина призналась Варваре: *«Какая я была резвая! Я у вас завяла совсем»* [5, с. 21], что было переведено как *«从前我是一个很活泼的姑娘!现在,我在你们家里简直逼死了»* [9, с. 28]. / *«Когда-то я была очень жизнерадостной девушкой! Теперь я умираю в вашем доме»*. Здесь очевидно, что переводчик усилил тон и подчеркнул страдания Катерины в семье Кабановых. В оригинальном тексте говорится только о неволе Катерины, но в переводе возникает мотив смерти. И далее в ее финальном монологе звучит фраза: *«Все равно, что смерть придет, что сама... а жить нельзя! Грех!»* [5, с. 72]. Фан Синь так перевел эти слова: *«等死来,或是我自己去寻死,这都是一样的——总之我不能够再活下去了!活下去就是罪恶!»* [9, с. 131]. / *«Ждать смерти или покончить с собой, все равно – в любом случае я больше не могу жить! Жить – это и есть грех!»*. Переводчик здесь подчеркнул, что жить – это грех. Перевод позволяет лучше прочувствовать ее разочарование и отвращение к реальному миру, ее отказ от жизни и решимость умереть.

Выбор смерти Катерины был во многом связан с ее несчастной семейной жизнью. В переводе Фан Синя акцентирована несвобода героини и вызванная ею болезненная тоска. Например, после того, как Катерина рассказывает Варваре о своем предчувствии смерти, она *«хватается за голову рукой»* [5, с. 22]. Это действие Фан Синь перевел так: *«用她的手打着脑袋»* [9, с. 32]. / *«ударяет себя рукой по голове»*. Различия в поступках главной героини отражают различия в ее психическом состоянии. Действие в переводе более выразительно передает волнение Катерины в данный момент. Она не только предвидела беду, но и чувствовала себя настолько беспомощной, что не могла положиться ни на какие посторонние силы, чтобы спастись. Кроме того, фраза *«Сделается мне так душно, так душно дома, что бежала бы»* [5, с. 23] в переводе звучит так: *«现在这个家庭这么压迫我,压迫得我简直要逃走»* [9, с. 32]. / *«А теперь эта семья так угнетает, так угнетает, что мне просто хочется убежать»*. Здесь видно, что переводчик воспринимает образ Катерины как объект угнетения и считает, что глубокая тоска, о какой говорит героиня в оригинале, вызвана именно этим угнетением. С другой стороны, Фан Синь в переводе подчеркивает все несчастье ее положения.

Сходным примером может быть монолог, который она произносит, когда получает ключ: *«Вот так-то и гибнет наша сестра-то. В неволе-то кому весело!»* [5, с. 38] – *«我们女人就是像这样弄得身败名裂。谁愿意过镣铐的生活呢?»* [9, с. 62]. / *«Вот так у нас, женщин, жизнь рухнула и доброе имя погибло. Кто хочет жить в оковах?»*. Переводчик приравнивает позор к смерти, а значит, считает, что главная причина несчастья Катерины – неволя и равная смерти утрата доброго имени. Кроме того, в переводе слова «неволя» как «оковы» усиливает ощущение рабства Катерины. Отметим, что сначала Фан Синь использует китайскую идиому *«身败名裂»* (жизнь рухнула и доброе имя погибло), а затем метафорический риторический прием, что подчеркивает красоту речи Катерины, сохраняя их смысл. Такая трактовка образа героини характерна для всего перевода Фан Синя. Мы отметили выше, что драматург наделил главную героиню сильным и нежным характером. Поэтическая душа Катерины отражается не только в ее стремлении к

свободе и любви, но и в ее речи. Драматург использует здесь выразительные средства: разного рода повторы, уменьшительно-ласкательные формы слов, сравнения, идиомы Китайский и русский языки принадлежат к разным языковым семьям и имеют существенные различия, но Фан Синь удалось передать лирическое и народное начало речи Катерины.

Один из способов добиться этого – использование идиом, Китайские идиомы (чэньюй, 成语, буквально: «готовое выражение») – «в китайском языке устойчивый оборот, чаще всего состоящий из четырех иероглифов» [6]. Китайские идиомы «являются полноценными элементами фразеологической системы китайского языка, употребляются для усиления эмоционально-экспрессивной окраски речи, а также для выражения определенной системы модальных значений как способ концептуализации отношения говорящего к действительности» [2, с. 431]. Например, фраза Катерины «А то полетела бы невидимо, куда захотела» [5, с. 37] была переведена как «要不然,我可以照到我的心意无影无踪地飞到什么地方去» [9, с. 60] / «Иначе я могла бы бесследно улететь, куда захотела»; «Я жила, ни об чем не тужила, точно птичка на воле» [5, с. 21] – «我无忧无虑地过着日子;我就像一只脱笼的鸟儿» [9, с. 28]. / «Я жила свои дни, не заботясь ни о чем на свете; я (была) словно птица, выпущенная из клетки».

Использование китайских идиом «无影无踪» и «无忧无虑» в переводе делает речь Катерины особенно красивой, и потому что точно передают поэтический смысл и форму речи героини, и потому что китайские идиомы, «обладающие четырехсложной формой, которая представляет собой наиболее гармоничный вид с точки зрения ритмического рисунка» [2, с. 431], «служат эмоциональной окраской, и придают определенный стиль <...> речи» [1, с. 95]. Во втором примере переводчик также использует риторический прием сравнения, сравнивая Катерину с птицей, покинувшей свою клетку, создавая более яркий образ свободной птицы. Кроме того, Фан Синь использует сохраняет параллелизма, чтобы сохранить ритмичность речи Катерины в переводе. Например, вот эти три предложения: «Солнышко ее греет, дождиком ее мочит...» [5, с. 72] было переведено как «阳光温暖它,雨点淋漓它» [9, с. 130] / (Солнышко греет ее, дождик мочит ее); «И люди мне противны, и дом мне противен, и стены противны!» [5, с. 72] в переводе звучит так – «我憎恨他们那些人,我憎恨那所屋子,我憎恨那屋子里的墙壁!» [9, с. 131] / «Я ненавижу этих людей, я ненавижу этот дом, я ненавижу стены!»; «я начну работу какую-нибудь по обещанию; пойду в гостиный двор, куплю холста, да и буду шить белье, а потом раздам бедным» [5, с. 37] – «我要发誓做点工夫;我要到铺子里去买点布料;我要用这些布料缝几件衣服送给穷人» [9, с. 60]. / «Я должна поклясться, что сделаю какую-нибудь работу; я должна пойти в магазин и купить холста; я должна сшить из него одежду для бедных». Отметим здесь не только смысловую точность, но и близость поэтики перевода поэтике оригинального текста.

Мотив любви, неотделимый от образа Катерины, как и мотив смерти, в переводе Фан Синя звучит сильнее. Так, Катерина говорит Борису: «Прогнать! Где уж!» [5, с. 52]. Фан Синь перевел эти слова как «这样的事情我怎么做得出?» [9, с. 91]. / «Как я могла так поступить?». В переводе восклицательная интонация превращается в вопросительную, и так подчеркнуты любовь и доброта Катерины. Катерина признается в измене, остается одна, думает о Борисе и произносит слова: «Нет, нигде нет! Что-то он теперь, бедный, делает?» [5, с. 68]. В переводе фразы звучат так: «找不到,哪儿都找不到他!可怜的孩子,他现在在做什么?» [9, с. 123]. / «Не могу его найти. Нигде не могу его найти! Бедный, что он сейчас

делает?». Отметим, что в оригинальном тексте Катерина думает о Борисе. А в переводе Фана она думает о нем, ищет его. В сцене расставания Катерина говорит, что видит Бориса последний раз, и «*смотрит ему в глаза*» [5, с. 71]. Но в переводе: «*她深深地望住他*» [9, с. 129]. / «Она с любовью смотрит в его глаза». Наречие «*深深地*» (с любовью), добавленное переводчиком, усиливает звучание мотива любви.

Характер Катерины в переводе остается сильным, но, в отличие от первого переводчика, Фан Синь не затушевывает мотива любви, но напротив, подчеркивает его, и вместе с ним делает более явственным мотив смерти, и таким образом передает и лиризм образа героини, и трагическое звучание этого образа. Катерина в переводе Фан Синя одновременно нежная, всегда видящая красоту жизни, и смелая, неустрашимая перед смертью.

Несчастье Катерины – результат деспотической власти Кабановой. «*Кабы не свекровь!.. Сокрушила она меня... от нее мне и дом-то опостылел; стены-то даже противны*», – произносит Катерина [5, с. 38]. Жестокость Марфы Кабановой в полной мере передана в переводе Фана. Более того, при переводе некоторых реплик переводчик сделал их более экспрессивными. Например, в диалоге с Диким она говорит, что «*Нет над тобой старших, вот ты и куражишься*» [5, с. 43]. Фан Синь перевел эту фразу как «*因为你没有长辈管住你,所以你会这么吵吵闹闹起来*» [9, с. 72]. / «Поскольку у тебя нет старших, которые могли бы контролировать тебя, ты становишься таким шумным». Переводчик добавил «*管住你*» (контролировать тебя), что так он подчеркивает господствующую роль и положение старшего поколения в семье, а также приверженность Кабановой «Домострою». Кабанова – догматично следует старым правилам, и верит, что старый мир – лучший, а новое только разрушит порядок. Поэтому таких людей, как мещанин Кулигин, она презрительно называет «*учителями*» [5, с. 62]. Но Фан Синь перевел это название прямо как «*说教的人*» [9, с. 112] / «резонёр», что также подчеркивает пренебрежительное отношение Кабановой к людям, придерживающимся новых взглядов. Кроме того, Кабанова, как сторонница «Домостроя», придает особое значение семье. Строгий порядок в семье, а также хорошая репутация – вот к чему она стремится. Это также подчеркнул переводчик. Тихон пытается бежать, узнав о смерти жены, но Кабанова останавливает его словами: «*Мало нам она страму-то наделала, еще что затеяла!*» [5, с. 73]. Фан так перевел ее слова: «*她败坏我们的门风还不够!就瞧她现在做的这件事情吧!*» [9, с. 134]. / «Мало того, что она опорочила репутацию семьи! Только посмотри, что она сейчас делает!». В оригинале речь идет о позоре, «страме», как говорит Кабанова, и это подразумевает позор семьи, хотя слово семья не упомянуто. Но переводчик добавляет слова «репутация» и «семья», подчеркивая стремление Кабановой хорошо выглядеть в чужих глазах.

Кроме того, переводчик подчеркнул мотив «темного царства» в пьесе, что особенно заметно в репликах Дикого. Дикой, будучи известным в городе купцом, очень груб и плохо относится к окружающим, и к Кулигину относится еще более пренебрежительно. Фан Синь перевел его обращение к Кулигину «*Глупый человек!*» [5, с. 56] как «*你这个蠢家伙!*» [9, с. 100] / «Ты идиот!». Слова «*Что ты, татарин, что ли? Татарин ты? А? говори! Татарин?*» [5, с. 58] были переведены как «*你是一个什么人,一个鞑子吗?你是一个鞑子不是?你说,你是一个鞑子不是?*» [9, с. 105]. Здесь татарин переведено как «鞑子» (презрительное выражение слова «татарин»). Так ярко передан дикий и грубый характер Дикого.

А усиление мотива «темного царства» в переводе Фана еще больше подчеркивает образ

Катерины, которая проживает горькую жизнь без свободы в таком закрытом, отсталом и удушливом маленьком городе. Именно бессилие, которое дает ей реальная жизнь, заставляет ее восстать против такой жизни и умереть. В результате мы считаем, что Фан Синь подчеркнул в своем переводе конфликт между образом Катерины как объектом угнетения и темными силами темного царства, а также ее неволю.

Но этот перевод очень точный, и очень лирический. Именно поэтическое начало в пьесе и образе героини доминирует в нем. Снова сравним оригинал и перевод последнего монолога. *«Куда теперь? Домой идти? Нет, мне что домой, что в могилу – все равно. Да, что домой, что в могилу!.. что в могилу! В могиле лучше... Под деревцом могилушка... как хорошо!.. Солнышко ее греет, дождичком ее мочит... весной на ней травка вырастет, мягкая такая... птицы прилетят на дерево, будут петь, детей выведут, цветочки расцветут: желтенькие, красненькие, голубенькие... всякие (задумывается), всякие... Так тихо! так хорошо! Мне как будто легче! А об жизни и думать не хочется. Опять жить? Нет, нет, не надо... нехорошо! И люди мне противны, и дом мне противен, и стены противны! Не пойду туда! Нет, нет, не пойду! Придешь к ним, они ходят, говорят, а на что мне это? Ах, темно стало! И опять поют где-то! Что поют? Не разберешь... Умереть бы теперь... Что поют? Все равно, что смерть придет, что сама... а жить нельзя! Грех! Молиться не будут? Кто любит, тот будет молиться... Руки крест-накрест складывают... в гробу! Да, так... я вспомнила. А поймают меня, да воротят домой насильно... Ах, скорей, скорей! (Подходит к берегу. Громко.) Друг мой! Радость моя! Прощай!»* [5, с. 72] – «现在到哪儿去呢?回家去吗?不,我回家去就跟到坟墓里去一样。对啦,回家,要不然,就进坟墓,坟墓!最好是到坟墓里去!一棵树下面的一座小坟!多愉快.....阳光温暖它,雨点淋漓它.....春天它上面长满青草——嫩嫩的青草.....鸟儿会飞到树上去;它们会唱歌,会养小鸟。野花会开出黄的、红的、蓝的.....各式各样的花朵.....(沉思)各式各样的花朵.....多宁静!多愉快!我会轻松多了!我不要想起人生。再活下去吗?不,不,没有必要.....没有意思!我憎恨那些人,我憎恨那所房子,我憎恨那些墙壁!我决不到那儿去!不,不,我决不去.....要是我回到他们那儿去,那他们就会在到处说,可是,这对我有什么要紧呢?哦,天已经黑了!他们又在什么地方唱起歌来了!他们唱什么歌?我不明白.....现在我只想死!他们唱什么歌?等死来或者是我自己去寻死,这都是一样的.....总之我不能再活下去了!这是罪恶!他们会替我祈祷吗?反正谁爱我,谁就会替我祈祷.....他们会把我的手叠成十字.....放进棺材里去!对啦,就这样.....我记得。要是他们抓住了我,那他们就会把我拖回家去。哦,赶快,赶快!(她走到河边,大声地叫道)我的朋友!我的快乐!再见!» [9, с. 109-111]. / «Куда мне теперь идти? Домой? Нет, пойду домой, как в могилу. Правильно, домой, или в могилу, в могилу! Лучше в могилу! Маленькая могилка под деревом! Как приятно... Солнце греет ее, дождик мочит ее... Весной она покрывается травой – нежной травой... Птицы прилетят на деревья; они будут петь и выводить птенцов. Полевые цветочки зацветут желтым, красным, синим... всевозможные цветочки... (задумывается) всевозможные цветочки... Как спокойно! Как приятно! Мне было бы намного легче! Я не хочу думать о жизни. Опять жить? Нет, нет, не надо... нет смысла! Я ненавижу этих людей, я ненавижу этот дом, я ненавижу стены! Я никогда не пойду туда! Нет, нет, я никогда не пойду...Если я вернусь к ним, то они будут говорить об этом повсюду, но какое мне до этого дело? О, стало темно! Они опять где-то поют! Что за песню они поют? Я не понимаю... Теперь я просто хочу умереть! Что за песню они поют? Ждать смерти или покончить с собой, все равно – в любом случае я больше не могу жить! Жить – это и есть грех! Молятся ли они за меня? Тот, кто меня любит, все равно за меня помолится... Они сложат мои руки крестом...и положат меня в гроб! Вот так, вот так... Я помню. Если они поймают меня, то потащат домой. О, скорее, скорее! (Она спускается к реке и кричит.) Мой друг! Моя радость! Прощай!». Из перевода этого фрагмента китайские читатели могут почувствовать романтизм в образе Катерины. В то же время вторая половина перевода точно передает ее разочарование в реальном мире. Так, в целом Фан Синь представляет читателю яркую и сильную героиню со сложными чертами характера.

Акцент на конфликт образа Катерины с темным царством, как мы уже анализировали выше, несомненно, тесно связан с социальным контекстом Шанхая 1940-х годов. Особый поэтический характер образа Катерины в переводе отчасти определён опытом Фан Синя в переводе поэзии, а также его переводческим талантом.

В период «одинокого острова» в Шанхае Фан Синь «активно участвовал в шанхайской поэтической деятельности. Он много сделал для развития поэзии в Шанхае в этот период» [13, с. 128]. Уровень перевода Фан Синя был отмечен Юй Лином (于伶, 1907–1997), известным китайским драматургом и режиссером. «Он назвал Фан Синя "переводчиком в тяжелых условиях" и отметил достоинства его переводов, мастерство с которым он передавал различные художественные стили оригинальных произведений» [10, с. 124].

«Гроза» в переводе Фан Синя оставалась горячо любимой в Китае на протяжении 1940-х годов, к этому переводу общались литературоведы и режиссеры китайских театров.

Библиография

1. Браташова Э. В. Чэньюй (成语 – идиомы), их предыстории в этимологии китайском языке и идиомы в английском языке // Новая наука: Проблемы и перспективы. 2016. № 10–2. С. 92–95.
2. Давлетбаева А. Ф. Идиома как средство репрезентации категории модальности в китайском языке // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 2(87). С. 429–431.
3. Куприянова Ю. А. От бинтования стоп к туфлям на каблук: трансформация внешнего облика жительниц Шанхая в первой половине XX в. // Вестник РУДН. Серия Всеобщая история. 2014. № 2. С. 89–102.
4. Мощенко И. А. Отражение литературного процесса в Китае 40–50-х годов XX века в работах отечественных, китайских и западных исследователей // Вестник Костромского государственного университета. 2019. Том 25. № 2. С. 165–170.
5. Островский А. Н. Гроза и другие пьесы. М.: Издательство АСТ, 2022. 320 с.
6. Разина А. С. Происхождение чэньюй: взаимодействие культур в межъязыковой коммуникации // Молодой ученый. 2018. № 36 (222). С. 130–132 [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/222/52536/>.
7. Шнейдер М. Е. Русская классика в Китае: Переводы. Оценки. Творч. освоение. М.: Наука, 1977. 272 с.
8. 奥斯特洛夫斯基研究. 戈宝权, 林陵编. 上海:时代书报出版社,1949. 320页. Об А. Н. Островском / Ред. Гэ Баоцюань, Линь Лин. Шанхай: Издательство Шидайшубао, 1949. 320 с.
9. 奥斯特洛夫斯基. 大雷雨. 芳信译. 上海:国民书店, 1942. 137页. Островский А.Н. Гроза. Пер. Фан Синь. Шанхай: Книгоиздательство Гоминь, 1942. 137 с.
10. 陈青生. 抗战时期上海的外国文学译介. 新文学史料, 1997(04): 120–130. Чэнь Циншэн. Перевод и интерпретация иностранной литературы в Шанхае во время войны // Исторические исследования современной литературы. 1997. № 4. С. 120–130.
11. 郭刚. 翻译与政治:对上海孤岛时期文学翻译的考察. 中国翻译, 2016. 37(04): 35–42. Го Ган. Перевод и политика: исследование литературного перевода в Шанхае в период одинокого острова // Китайский перевод. 2016. Вып. 37, № 4. С. 35–42.
12. 刘维维. 上海“孤岛”时期翻译文学研究: 硕士论文. 上海: 上海师范大学, 2014. 53页. Лю Вэйвэй. Исследование переводной литературы в Шанхае в период Одинокого острова: выпускная квалификационная работа магистра филологии. Шанхай: Шанхайский нормальный университет, 2014. 53 с.
13. 锡金. 芳信和诗歌书店. 新文学史料, 1980(04): 128–132. Си Цзинь. Фансинь и поэзия // Исторические исследования современной литературы. 1980. № 4. С. 128–132.

14. 邹素. 上海“孤岛”时期翻译文学特点及原因探究. 外文研究, 2016. 4(01): 88–93+107. Цзоу Су. Исследование особенностей и причин появления переводной литературы в Шанхае в период «Одинокого острова» // Иностранные исследования. 2016. Вып. 4, № 1. С. 88–93+107

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена особенностям восприятия пьесы А. Н. Островского «Гроза» и образа героини в переводе Фан Синя. Актуальность данного исследования обусловлена значением творчества А. Н. Островского в развитии драматургии, центральной ролью женских образов в художественном мире его пьес, вниманием современной науки к проблемам переводческой рецепции, в частности к китайским переводам: «из всех иностранных пьес «Гроза» – самая популярная у китайской публики и самая популярная в репертуаре китайских театров чаще всего». Материалом исследования выступил перевод пьесы «Гроза», выполненный Фан Сином. Отмечается, что его переводы «Грозы» А. Н. Островского, «Чайки» и «Дяди Вани» А. П. Чехова, «Ревизора» Н. В. Гоголя и «На дне» М. Горького широко известны в Китае.

Теоретической основой работы послужили труды таких российских и зарубежных исследователей, как М. Е. Шнейдер, И. А. Мощенко, Ю. А. Куприянова, Э. В. Браташова, А. Ф. Давлетбаева, Чэнь Циншэн, Го Ган, Лю Вэйвэй, Си Цзинь, Цзоу Су. Библиография составляет 14 источников, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. К сожалению, автор(ы) практически не апеллируют к актуальным научным работам, изданным в последние 3 года, что не позволяет судить о реальной степени изученности данной проблемы в современном научном сообществе. Методология исследования определена поставленной целью и задачами, носит комплексный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза; общелингвистические методы наблюдения и описания, культурно-исторический метод и методы сопоставительного анализа; методы дискурсивного и когнитивного анализа.

Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили автору(ам) сравнить перевод пьесы «Гроза» Фан Синя и предыдущий перевод, выполненный Гэн Цзичжи, и выявить ряд отличий. Особое внимание уделяется образу главной героини: «В переводе Фана сохранены мотивы любви, смерти и свободы, связанные с образом Катерины, а также мотивы патриархальных нравов и темного царства, сопровождающие образ Кабановой. Но в некоторых деталях перевод несколько отличается от оригинала, и здесь обнаруживаются особенности восприятия переводчиком образа героини». Отмечается, что Фан Синю удалось передать лирическое и народное начало речи Катерины, в том числе благодаря использованию идиом. Автор(ы) приходят к выводу, что «этот перевод очень точный, и очень лирический, именно поэтическое начало в пьесе и образе героини доминирует в нем», «особый поэтический характер образа Катерины в переводе отчасти определён опытом Фан Синя в переводе поэзии, а также его переводческим талантом». Выводы соответствуют поставленным задачам, сформулированы логично и отражают содержание работы.

Теоретическая и практическая значимость материала неоспорима и обусловлена его вкладом в решение современных языковедческих проблем, связанных с теорией перевода и переводческой практикой. Результаты исследования, представленные в

рецензируемом рукописи, могут быть применены в практике русско-китайского перевода и использованы в работе филологов-преподавателей, студентов и переводчиков, при разработке курсов по теории перевода, по интерпретации текста, в практике художественного перевода, а также курсов по истории русской литературы и культуры XIX века, истории русской драматургии и истории художественного перевода в Китае.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стил изложения тяготеет к научному типу. Конечно, в тексте рукописи встречаются стилистические недочеты: см «Его переводы ... широко известны влиятельными в Китае», «Мы подчеркиваем это время, потому что...», «Кроме того, он преподавал в театральном колледже и иногда ставил спектакли». Однако они не умаляют общего положительного впечатления от рецензируемой работы.

В целом, статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Муталов Р.О. Распространение процесса палатализации в даргинских языках // Филология: научные исследования. 2024. № 12. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.12.72758 EDN: YHZANH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72758

Распространение процесса палатализации в даргинских языках

Муталов Расул Османович

доктор филологических наук

профессор, главный научный сотрудник, Институт языкознания РАН

125009, Россия, г. Москва, пер. Большой Кисловский, 1/1

✉ mutalovr@mail.ru

[Статья из рубрики "Языкознание"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.12.72758

EDN:

YHZANH

Дата направления статьи в редакцию:

18-12-2024

Дата публикации:

29-12-2024

Аннотация: Статья посвящена исследованию процесса палатализации в даргинских языках (нахско-дагестанская группа языков). Основная цель работы заключается в выявлении случаев смягчения заднеязычных согласных в позиции перед гласными и, е в различных даргинских языках и диалектах. Достижение данной цели предполагается решением следующих задач: а) выявление даргинских языков и диалектов, в которых наличествует процесс палатализации; б) классификация даргинских диалектных единиц в зависимости от степени подверженности палатализации заднеязычных согласных; в) исследование процесса палатализации в идиомах с сильно выраженной палатализацией; г) изучение рассматриваемого процесса в идиомах со стандартной палатализацией; д) выявление диалектов с частичной палатализацией. Основное внимание уделено объяснению того факта, что степень подверженности палатализации

заднеязычных согласных в даргинских языках сильно различается. Для решения обозначенных задач целесообразным представляется использование следующих методов исследования: методы полевой лингвистики, сравнительно-исторический метод и метод синхронического анализа. Научная новизна работы заключается в том, что предложена гипотеза, согласно которой палатализация стала распространяться в южных и юго-западных даргинских идиомах после того, как носители диалектов мекегинского типа мигрировали на северо-восток и жили уже вдали от основной массы даргинцев. В результате исследования установлены идиомы, в которых наличествует процесс палатализации, и идиомы, в которых данное явление отсутствует. Процесс палатализации характерен для южных языков и диалектов и ряда диалектов северодаргинского языка. По степени подверженности палатализации заднеязычных согласных в разных даргинских языках и диалектах выделяются идиомы с сильно выраженной палатализацией (кайтагский), идиомы со стандартной палатализацией (кубачинский, цудахарско-сирхинский, чирагский), идиомы с частичной палатализацией (акушинский, урахинский, цугнинский). Данный процесс не встречается в северодаргинских диалектах мекегинского типа.

Ключевые слова:

кавказские языки, даргинские языки, диалект, миграция, фонетика, палатализация, спиранты, смычные согласные, аффрикаты, лабиализованные согласные

Даргинские языки относятся к нахско-дагестанской языковой семье и распространены в пяти районах Центральной части горного Дагестана – Акушинском, Левашинском, Дахадаевском, Сергокалинском и Кайтагском. Даргинцы проживают также в других районах и городах республики и страны; общее число говорящих, согласно переписи 2021 года, 625 тысяч человек.

Традиционно даргинские идиомы рассматривались в качестве диалектов одного языка, хотя еще в классификациях 30-х годов прошлого века кубачинский и кайтагский считались отдельными языками. Между тем, даргинские идиомы имеют множество отличительных особенностей как в фонетике и грамматике, так и в лексическом составе. Поэтому в последние десятилетия они считаются самостоятельными языками, образующими даргинскую языковую группу. Базируясь на лексикостатистическом методе, в одной из последних классификаций Ю.Б. Коряков выделяет 15 языков даргинской группы. [\[4, с. 144\]](#).

Использование комплексного подхода, сочетающего особенности лексикостатистики и грамматики, позволило нам выделить шесть языков даргинской группы: *северодаргинский* (диалекты: акушинский, урахинский, мекегинский, губденский, мюрегинский, кадарский, мугинский, муиринский, гапшиминский), *мегебский*; *цудахарско-сирхинский* (диалекты: цудахарский, усишинский, бутринский, тантынский, сирхинский, худуцкий, амухский, кункинский, санжинский, ицаринский, амузгиширинский и т.д.), *кайтагский* (диалекты: верхнекайтагский, нижнекайтагский, шаринский, чахри-санакаринский), *кубачинский* (диалекты: кубачинский, аштынский, сулевкентский), *чирагский* [\[7, с. 20\]](#). Данная классификация принята за основу при разграничении даргинских языков и в Списке языков России.

Палатализация в лингвистике рассматривается как подъём средней части спинки языка к твердому нёбу и продвижение всего языка вперёд, сопровождающие губную, переднея

зычную или заднеязычную артикуляцию согласного: *друг – дружить, рука – вручить. могу – можешь*. Палатализованные согласные по сравнению с непалатализованными обычно воспринимаются на слух как более высокие. В исторической фонетике палатализация рассматривается как качественное звуковое изменение, в результате которого перед гласными переднего ряда либо *й* твёрдый согласный становится мягким. Так, в праславянском языке различают три палатализации заднеязычных согласных.

В отдельных даргиноведческих работах палатализация рассматривается в качестве чередования согласных, которое имеет место в ряде даргинских диалектов. В классической работе «Грамматика даргинского языка (фонетика и морфология)» С.Н. Абдулаев пишет: «Чередование согласных наблюдается лишь в диалектах цудахарской группы. Что же касается других диалектов, то здесь такого чередования нет» [1, с. 54]. Далее он приводит примеры подобных чередований: *кабикай* «упавший» – *кабичиб* «упал»; *вак1ай* «пришедший» – *вач1е* «приходи»; *барккай* «нашедший» – *барччиб* «нашел». В работе [3] отмечается, что «процесс перемещения вперед места образования переднемягконечных спирантов и спирантоидов перед палатальными гласными *и, е* и дифтонгами *ви, ве* характерен для диалектов цудахарского типа, а также для диалектов, переходных от цудахарского к диалектам акушинского и урахинского типов [3, с. 245].

При описании процесса палатализации Ш.Г. Гаприндашвили предлагает разграничивать в диалектах цудахарского типа два звука *г* – смычного *г* и спирантоида *г̣*: «Звуку *г* диалектов урахинского типа в цудахарском соответствуют как гемината *кк*, так и *г*, дающий, обычно, перед палатальными гласными и дифтонгами спирант *ж*. Наличие двух разных звуков в качестве соответствия урахинскому *г* говорит о том, что и в цудахарском следовало бы различать, до процесса геминации, два разных варианта переднемягконечного смычного *г*: один из них, судя по результатам геминации, был смычно-взрывным, а другой – спирантоидом, вроде урахинского *г̣*, который поныне сохранился в данном диалекте. Лишь спирантоподобный звук, артикулируемый в передней части мягкого неба, мог в результате палатализации переместиться вперед и перейти в альвеолярный спирант *ж*» [3, с. 246].

В большинстве даргинских языков процесс палатализации получил широкое распространение. Смягчению подвергаются, как правило, заднеязычные согласные в позиции перед гласными переднего ряда *и, е* [1, с. 54]. Палатализованными в различных даргинских языках могут быть смычные *к, кк, к1* и спиранты *г, хь, хьхь*. В позиции перед гласными *и, е* они переходят в переднеязычные звуки: *г – ж, хь – ш, хьхь – шш, к – ч, кк – чч, к1 – ч1: кейгарай* «сесть» (ицар.) – *кейжи* «садись», *кабикарай* «упасть» – *кабичиб* «упал», *барккуй* «найти» – *барччиб* «нашел», *бак1арай* «вырасти» – *бач1иб* «выросло», *бахьарай* «ходить» – *ваши* «идем», *вихьхьарай* «заснуть» – *вишшиб* «заснул».

Палатализируются данные звуки и в позиции перед показателем каузатива *-ахь/-яхь*: *бакуй* «смазать» – *бач-ахь-уй* «заставить смазать», *бляк1янай* «искривиться» – *бляч1-яхь-уй* «искривить». В кайтагском языке показателем каузатива выступает *-ах/-ях*; в данной речи «в формах каузатива перемещение вперед места образования заднеязычных происходит независимо от фонетической позиции, т.е. не только перед *и, е*, но и перед *а, у*, ср.: *ивхьара* «открыть» – *ившахара* «заставить открыть», *ившуху* «заставит открыть»; *бархьара* «прицепить» – *баршахара* «заставить прицепить», *биршуху* «заставит прицепить»; *вахьхьара* «ходить» – *вашшахара* «заставить ходить»; *кабихьхьара* «положить» – *кабишшахара* «заставить положить», *кабиршуху* «заставит

положить» [\[10, с. 43\]](#).

Имеется отличие в палатализации спирантов и смычных: заднеязычные спиранты *г, хь, хьхь* переходят в переднеязычные спиранты *ж, ш, шш*, а смычные *к, кк, к1* переходят в аффрикаты *ч, чч, ч1*. «Процесс перемещения вперед места артикуляции переднеязычных спирантов существенно отличается от процесса аффрикатизации и перемещения вперед места артикуляции мередиантеязычных смычно-взрывных. В первом случае характер звука не меняется, спирант остается спирантом, меняется только место образования последнего: переднеязычный спирант становится альвеолярным. Во втором случае, при переходе *к – ч, кк – чч, к1 – ч1*, меняется не только место артикуляции исходных звуков, но и характер последних: смычно-взрывные мгновенные дают аффрикаты» [\[3, с. 249\]](#). Автор объясняет это тем, что «аффрикатизация здесь обусловлена физиологической невозможностью артикуляции у передних альвеол полноценных смычно-взрывных звуков» [\[3, с. 249\]](#).

Исследователь фонетики даргинских языков Ш.Г.Гаприндашвили полагает, что палатализация встречается лишь в тех даргинских диалектах, где представлены геминированные звуки (диалекты цудахарского типа) [\[3, с. 255\]](#). Между тем, распространение процесса палатализации в даргиноязычном ареале представляет собой довольно пеструю картину.

Процесс палатализации характерен для цудахаро-сирхинского, кубачинского, кайтагского, чирагского языков и ряда диалектов севернодаргинского языка – акушинского, муиринского, урахинского. Степень подверженности палатализации заднеязычных согласных в разных даргинских языках и диалектах разная. В этом плане их можно разбить на 3 группы: а) идиомы с сильно выраженной палатализацией: в них палатализуются и лабиализованные звуки; б) идиомы со стандартной палатализацией; в) идиомы с частичной палатализацией.

К идиомам с сильно выраженной палатализацией относятся прежде всего диалекты и говоры кайтагского языка. Процесс палатализации в них получил наибольшее распространение. «Хайдакский (кайтагский) относится к диалектам даргинского языка с сильно выраженным процессом перемещения вперед заднеязычных: в нем и лабиализованные согласные переходят в лабиализованные же согласные более переднего образования» [\[10, с. 42-43\]](#).

Палатализация лабиализованных спирантов в кайтагском: *гв – жв, хьв – шв, хьхьв – шшв*: *эргвара* «просверлить» – *эржвахара* «заставить просверлить»; *кергвара* «просеять» – *кержвахара* «заставить просеять»; *бевгвана* «продубить» – *бевжвахана* «заставить продубить»; *берхьвара* «покрасить» – *бершвахара* «заставить покрасить»; *ихьхьвара* «выстрелить» – *ишшвахара* «заставить выстрелить»; *кабихьхьвара* «убить» – *кабишшвахара* «заставить убить» [\[10, с. 43\]](#).

Лабиализованные заднеязычные смычно-взрывные в кайтагском, как отмечается в работе [\[11\]](#) «в формах каузатива перед гласным *а* переходят в лабиализованные аффрикаты: *кв – чв, к1в – ч1в, ккв – ччв*: *берквана* «съесть» – *берчвахана* (кауз.); *белквана* «стереться» – *белчвахана* (кауз.); *ик1вара* «говорить» – *ич1вахара* (кауз.); *белк1вана* «написать» – *белч1ахана* (кауз.); *бикквара* «сжечь» – *биччвахара* (кауз.); *белкквана* «перепечься» – *белччвахана* (кауз.)» [\[11, с. 18\]](#).

Как отмечает А.А. Магомедов, «сильно выражена палатализация в тех диалектах

даргинского языка, где перед палатальными гласными палатализации подвергаются не только лабиализованные, но и лабиализованные заднеязычные. Такое состояние характерно для хайдакского, цудахарского диалектов, ряду говоров сирхинского и муиринского диалектов» [6, с. 253].

Палатализация широко распространена также в шаринском диалекте кайтагского языка: *хь – ш* (*бархъара* «прицепить» – *баршив* «прицепил»), *хьхь – шш* (*ивхъхъара* «открывать» – *ившшив* «открыл»), *г – ж*, *гал* «мальчик» – *жиле* (мн.ч.), (*кигара* «сесть» – *кижив* «сел»), *к – ч* (*укана* «есть» – *учи* «ешь»), *кк – чч*, (*беккара* «отдать» – *беччив* «отдал»), *кI – чI*: *уркIи* «сердце» – *урчIе*. [8, с. 635].

Основная часть даргинских языков и диалектов, в которых функционирует процесс смягчения согласных, можно отнести к идиомам со стандартной палатализацией. В них лабиализованные заднеязычные звуки перед гласными *и*, *е* не палатализуются. Это кубачинский и чирагский языки, а также диалекты муиринского и цудахарско-сирхинского языков, в частности, санжинский [12] и тантынский [9].

«Лабиализованные заднеязычные перед гласными переднего ряда в кубачинском не подвергаются палатализации. Момент лабиализации *w* в лабиализованном согласном играет роль согласного, препятствующего смягчению заднеязычных перед гласными переднего ряда» [5, с. 55].

В идиомах с частичной палатализацией заднеязычные согласные в ряде случаев подвергаются смягчению, а в других случаях нет. К таковым относятся акушинский и урахинский диалекты. О наличии процесса палатализации в них свидетельствует факт сравнения материала данных диалектов с материалом диалектов мекегинского типа, в которых палатализация отсутствует: *кебаъиб* «увидел» (мекег.) – *чебаъиб* (акуш.); *уталике* «на стул» – *уталичи*. Но сравнение с материалом цудахарского диалекта показывает, что заднеязычные согласные в позиции перед палатальными гласными не всегда переходят в переднеязычные: *вачIиб* «пришел» (цуд.) – *вакIиб* (акуш.), *вебчIиб* «умер» – *вебкIиб*.

В урахинском диалекте процесс палатализации сменился спирализацией: *кебаъис* «увидеть» (мекег.) – *чебаъес* (акуш.) – *шибаъис* (урах.).

В цугнинском говоре цудахарско-сирхинского языка «при наличии процесса палатализации глухих переднемягконебных отсутствует переход *г – ж*... Причиной отсутствия перемещения вперед места образования *г – ж* в цугнинском не может служить, что этот согласный является не спирантоидом, а смычным, ибо в этом случае мы из *г* должны были получить аффрикату *дж*» [3, с. 247]. «Об ограниченности процесса палатализации-аффрикатизации в речи аула Цугни говорит и тот факт, что кроме отсутствия перехода *г – ж* в ней отсутствует и процесс передвижения вперед и аффрикатизации глухих переднемягконебных смычно-взрывных перед гласным *е* и дифтонгами *ве* и *ви*. Указанный процесс налицо только перед гласным *и*» [3, с. 248].

Идиомы с частичной палатализацией занимают промежуточное состояние между идиомами с палатализацией и с идиомами, в которых нет палатализации.

Палатализация не встречается в севернодаргинских диалектах мекегинского типа – мекегинском, кадарском [2], губденском, мюрегинском, мугинском, а также в мегебском языке [12]. Не подвергаются данному процессу также согласные звуки различных говоров, традиционно относящихся к муиринскому и урахинскому диалектам –

харбукского, дейбукского, мугринского, меусишинского. Более того, палатализация нехарактерна и для ряда диалектов цудахаро-сирхинского языка – ширинско-амузгинского и бутринского.

В качестве объяснения того факта, что процессы палатализации выявлены в одних даргинских диалектах и отсутствуют в других, можно было бы предложить следующую интерпретацию.

Первоначальное место обитания даргинцев, на наш взгляд, находилось примерно в верховьях реки Уллучай. Был один древнедаргинский язык со своей фонетической системой и грамматикой. Позднее произошли первые крупные миграции даргинцев на восток и северо-восток, в частности, в мекегинские пещеры и ущелья. Возможно, это переселение происходило постепенно, с промежуточными поселениями в местностях Харбук, Дейбук, Мугри и т.д.

Различия между диалектами стали углубляться. Наряду с новыми грамматическими формами стали возникать и распространяться различные фонетические процессы и явления. В частности, возник процесс палатализации, который получил распространение в большинстве даргинских диалектов, однако он не коснулся диалектов мекегинского типа, носители которых уже жили вдали от основной массы даргинцев.

Процесс палатализации стал распространяться в южных и юго-западных идиомах – цудахарско-сирхинском, кубачинском, чирагском, и в наибольшей степени в кайтагском. Палатализация проникла также в некоторые севернодаргинские диалекты, которые граничат с южнодаргинскими – акушинский, муиринский, урахинский. Но данный процесс так и не получил распространения в нескольких архаичных диалектах и говорах цудахарско-сирхинского языка. В итоге имеем пеструю картину распространения процесса палатализации в даргинских языках и диалектах.

Таким образом, в статье рассмотрены процессы палатализации в даргинских языках. Исследованы все функционирующие случаи смягчения заднеязычных согласных в позиции перед гласными *и*, *е* в различных даргинских идиомах. В результате проведенного исследования выявлены идиомы, в которых представлен процесс палатализации, а также языки и диалекты, в которых заднеязычные согласные не подвергаются процессу палатализации. Процесс палатализации характерен для южных языков и диалектов и некоторых диалектов севернодаргинского языка.

По степени подверженности палатализации заднеязычных согласных выделяются языки и диалекты с сильно выраженной палатализацией (кайтагский), идиомы со стандартной палатализацией (кубачинский, цудахарско-сирхинский, чирагский) и идиомы с частичной палатализацией (акушинский, урахинский, цугнинский). Данный процесс нехарактерен для севернодаргинских диалектов – мекегинского, кадарского, губденского, мюрегинского, мугинского, а также для мегебского языка. Нет палатализации в некоторых говорах муиринского и урахинского диалектов – харбукского, дейбукского, мугринского, меусишинского. Палатализация отсутствует также в ряде диалектов цудахаро-сирхинского языка – ширинско-амузгинском, бутринском. В статье предложена гипотеза, согласно которой палатализация стала распространяться в южных и юго-западных даргинских идиомах после того, как носители диалектов мекегинского типа мигрировали на северо-восток и жили уже вдали от других даргинцев.

Библиография

1. Абдуллаев С. Н. Грамматика даргинского языка (фонетика и морфология). Махачкала:

- Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР, 1954. 216 с.
2. Вагизиева Н. А. О некоторых фонетических особенностях кадарского диалекта даргинского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 7-2 (61). С. 65-69.
 3. Гаприндашвили Ш. Г. Фонетика даргинского языка. Тбилиси: Мецниереба, 1966. 317 с.
 4. Коряков Ю. Б. Даргинские языки и их классификация // Дурхъаси хазна: сборник статей к 60-летию Р. О. Муталова. М.: Буки-Веди, 2021. С. 139-154.
 5. Магомедов А. А. Кубачинский язык: исследование и тексты. Тбилиси: Издательство Академии наук Грузинской ССР, 1963. 340 с.
 6. Магомедов А.А. Палатализация заднеязычных в диалектах даргинского языка//Арнольду Степановичу Чикобава (Сборник, посвященный 80-летию со дня рождения). – Тбилиси, 1979. С. 249-258.
 7. Муталов Р. О. Классификация даргинских языков и диалектов // Социоллингвистика.М., 2021. № 3 (7). С. 8-25.
 8. Муталов Р.О. Фонетические особенности шаринского диалекта даргинского языка // Мир науки, культуры, образования. № 6 (79). Горно-Алтайск. 2019, С. 634-636.
 9. Сумбатова Н. Р., Ландер Ю. А. Даргинский говор селения Танты: грамматический очерк, вопросы синтаксиса: монография. М.: Языки славянской культуры, 2014. 752 с.
 10. Темирбулатова С. М. Хайдакский диалект даргинского языка. Махачкала: Издательство типографии Дагестанского научного центра Российской академии наук, 2004. 304 с.
 11. Темирбулатова С.М. Перемещение вперед места артикуляции заднеязычных спирантов и смычно-взрывных согласных в диалектах даргинского языка // Вопросы современной дагестанской лексикологии и лексикографии. Махачкала, 2021. С. 16-21.
 12. Daniel M., Dobrushina N., Ganenkov D. (Eds.) The Mehweb language: Essays on phonology, morphology and syntax (Languages of the Caucasus 1). Berlin: Language Science Press. 2019. 365 p.
 13. Forker D. A Grammar of Sanzhi Dargwa. Berlin: Language Science Press, 2020. 606 p.
 14. Sumbatova N. R., Mutalov R. O. A Grammar of Icarl Dargwa. München – Newcastle: LINCOM Europa, 2003. 257 p

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступает процесс палатализации в даргинских языках. Отмечается, что «даргинские языки относятся к нахско-дагестанской языковой семье», «традиционно даргинские идиомы рассматривались в качестве диалектов одного языка, хотя еще в классификациях 30-х годов прошлого века кубачинский и кайтагский считались отдельными языками. Между тем, даргинские идиомы имеют множество отличительных особенностей как в фонетике и грамматике, так и в лексическом составе. Поэтому в последние десятилетия они считаются самостоятельными языками, образующими даргинскую языковую группу». Актуальность данной работы не вызывает сомнения: как свидетельствуют многочисленные исследования даргинских идиомов, проблема разграничения даргинских языков и диалектов остается одной из актуальных: до сих пор нет общепринятой классификации этих идиомов. Нерешенным остается также вопрос о статусе даргинских идиомов: являются ли они самостоятельными языками или же они диалекты одного языка: «даргинские идиомы имеют множество отличительных особенностей как в фонетике и

грамматике, так и в лексическом составе».

Теоретической основой исследования выступили работы таких отечественных и зарубежных ученых, как С. Н. Абдуллаев, Н. А. Вагизиева, Ш. Г. Гаприндашвили, Ю. Б. Коряков, А. А. Магометов, Р. О. Муталов, С. М. Темирбулатова, М. Даниэль, Н. Добрушина, Д. Гаенков, Д. Форкер и др. Библиография статьи составляет 14 источников, в целом соответствует специфике рассматриваемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Так, апеллируя к точке зрения исследователя фонетики даргинских языков Ш. Г. Гаприндашвили о том, что палатализация встречается лишь в тех даргинских диалектах, где представлены геминированные звуки (диалекты цудахарского типа), автор(ы) отмечают, что «между тем, распространение процесса палатализации в даргиноязычном ареале представляет собой довольно пеструю картину».

Методология исследования продиктована комплексным подходом к изучаемому материалу: применяются общенаучные методы анализа и синтеза, описательный и сравнительно-сопоставительный методы, а также лексикостатистический метод.

Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили автору(ам) изучить случаи палатализации в даргинских языках, в частности все функционирующие случаи смягчения заднеязычных согласных в позиции перед гласными и, е в различных даргинских идиомах; выявить идиомы, в которых представлен процесс палатализации, а также языки и диалекты, в которых заднеязычные согласные не подвергаются процессу палатализации: процесс палатализации характерен для южных языков и диалектов и некоторых диалектов северодаргинского языка.

Теоретическая и практическая значимость работы состоит в том, что ее результаты способствуют более глубокому пониманию специфики звукового строя, морфологической структуры и лексики даргинского языка. Результаты исследования могут быть использованы в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике, а также при разработке вузовского курса по диалектологии даргинского языка»

Стиль статьи отвечает требованиям научного описания, содержание соответствует названию, логика изложения материала четкая. Однако объем материала слишком мал для раскрытия темы. Рекомендуем автору(ам) его расширить, в том числе за счет теоретического анализа актуальных работ по изучаемой проблематике.

Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования» после устранения указанных выше замечаний.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья касается вопроса палатализации в даргинских языках. Суть палатализации сводится к тому, что «в лингвистике она рассматривается как подъём средней части спинки языка к твердому нёбу и продвижение всего языка вперёд, сопровождающие губную, переднеязычную или заднеязычную артикуляцию согласного: друг – дружить, рука – вручить. могу – можешь. Палатализованные согласные по сравнению с непалатализованными обычно восприимчивы на слух как более высокие. В исторической фонетике палатализация рассматривается как

качественное звуковое изменение, в результате которого перед гласными переднего ряда либо й твёрдый согласный становится мягким. Так, в праславянском языке различают три палатализации заднеязычных согласных». Очевидна практическая направленность данного труда, при этом автору удается систематизировать и теоретические данные. На мой взгляд, материал органично сложен, позиция / точка зрения исследователя представлена объективно, серьезные разночтения не выявлены. Стиль работы соотносится с научным типом: например, «процесс палатализации характерен для цудахаро-сирхинского, кубачинского, кайтагского, чирагского языков и ряда диалектов севернодаргинского языка – акушинского, муиринского, урахинского. Степень подверженности палатализации заднеязычных согласных в разных даргинских языках и диалектах разная. В этом плане их можно разбить на 3 группы: а) идиомы с сильно выраженной палатализацией: в них палатализируются и лабиализованные звуки; б) идиомы со стандартной палатализацией; в) идиомы с частичной палатализацией», или «Первоначальное место обитания даргинцев, на наш взгляд, находилось примерно в верховьях реки Уллучай. Был один древнедаргинский язык со своей фонетической системой и грамматикой. Позднее произошли первые крупные миграции даргинцев на восток и северо-восток, в частности, в мекегинские пещеры и ущелья. Возможно, это переселение происходило постепенно, с промежуточными поселениями в местностях Харбук, Дейбук, Мугри и т.д.». Иллюстративный фон достаточен: «в большинстве даргинских языков процесс палатализации получил широкое распространение. Смягчению подвергаются, как правило, заднеязычные согласные в позиции перед гласными переднего ряда и, е [1, с. 54]. Палатализованными в различных даргинских языках могут быть смычные к, кк, к1 и спонты г, хь, хьхь...». Логика научной наррации выдержана, цитации даются в соответствии с требованиями издания. Тема работы раскрыта, ибо обобщен и проанализирован большой языковой материал. Думаю, что материал может стать серьезным подспорьем при дальнейшей оценке фонологической системы даргинских языков. В итоге автор приходит к выводу, что «По степени подверженности палатализации заднеязычных согласных выделяются языки и диалекты с сильно выраженной палатализацией (кайтагский), идиомы со стандартной палатализацией (кубачинский, цудахарско-сирхинский, чирагский) и идиомы с частичной палатализацией (акушинский, урахинский, цугнинский). Данный процесс нехарактерен для севернодаргинских диалектов – мекегинского, кадарского, губденского, мюрегинского, мугинского, а также для мегебского языка. Нет палатализации в некоторых говорах муиринского и урахинского диалектов – харбукского, дейбукского, мугринского, меушишинского. Палатализация отсутствует также в ряде диалектов цудахаро-сирхинского языка – ширинско-амузгинском, бутринском». Список источников достаточен, формальная правка излишня. Статья «Распространение процесса палатализации в даргинских языках» может быть рекомендована к открытой публикации в журнале «Филология: научные исследования» ИД «Nota Bene».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Халимзода З.А. Статус русского языка в современном Таджикистане // Филология: научные исследования. 2024. № 12. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.12.69737 EDN: GWMWNC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69737

Статус русского языка в современном Таджикистане

Халимзода Зиёвидин Амирхуджа

аспирант кафедры иностранных языков Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 19

✉ daler.halimov.95@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.12.69737

EDN:

GWMWNC

Дата направления статьи в редакцию:

02-02-2024

Аннотация: Данная статья исследует статус русского языка в современном Таджикистане. В рамках представленного исследования рассмотрены ключевые аспекты, такие как история использования русского языка, его наличие в образовании и массовых коммуникациях, а также социолингвистические аспекты его использования. В статье представлен анализ ситуации с русским языком в Таджикистане, а также ситуации с его изучением в школах и университетах страны, где он изучается как второй язык, начиная со 2-го класса. Статья также рассматривает проблемы и вызовы, связанные с сохранением и развитием русского языка в условиях укрепления национальной идентичности и языка таджикского народа. Исследователи анализируют различные подходы к изучению русского языка, наличие русскоязычных школ и учреждений в Таджикистане, а также роль и значимость русского языка в международной коммуникации и глобальных связях. Материалы и методы исследования для анализа статуса русского языка в современном Таджикистане включали систематический обзор научных исследований, статистических данных, законодательства и других публикаций, касающихся русского языка в Таджикистане. Это включало академические статьи, книги, государственные документы, отчеты и другие письменные источники.

Подавляющее большинство таджикской интеллигенции, включая высокопоставленных государственных чиновников, демонстрируют стремление сохранить общее с Россией культурное, научно-образовательное и информационное пространство. В результате исследования выявлены основные характеристики статуса русского языка в Таджикистане, такие как его использование в образовательной среде и в публичных выступлениях, а также снижение его популярности в повседневном общении. В заключении статьи, автор делает выводы о статусе и перспективах русского языка в Таджикистане, подчеркивая его значение в разных сферах жизни, несмотря на изменения в политическом и социокультурном контексте. Он отмечает необходимость сохранения и развития русского языка как языка межэтнического общения и инструмента международного взаимодействия в современном многоязычном мире.

Ключевые слова:

постсоветское пространство, язык международного общения, внутренняя мотивация, диалог культур, лингвокультурная компетенция, титульный язык, трудовые мигранты, русистика в Таджикистане, конституция, язык

ВВЕДЕНИЕ

Тема "статус русского языка в современном Таджикистане" является актуальной по нескольким причинам.

Во-первых, Таджикистан является многонациональной страной, где различные языки взаимодействуют и оказывают влияние на языковую политику и межэтнические отношения. Изучение статуса русского языка в контексте этой мультикультурной среды позволяет понять, как языки взаимодействуют и каким образом общество относится к языкам различных групп.

Во-вторых, статус русского языка в Таджикистане имеет исторический и культурный контекст, связанный с предыдущим наличием Советского Союза и советским наследием. Изучение изменений в статусе русского языка после распада СССР позволяет понять, каким образом эти изменения влияют на современное общество и языковые предпочтения.

В-третьих, русский язык все еще остается значимым языком в сфере образования, массовой информации и бизнес-коммуникаций в Таджикистане. Изучение статуса русского языка помогает понять, каким образом это влияет на доступ к образованию и информации в разных сферах жизни.

Наконец, изменение статуса русского языка отражает более широкие проблемы, связанные с языковой политикой, национальной идентичностью и социальной интеграцией в многонациональных обществах. Изучение этих вопросов в контексте Таджикистана может быть полезным для понимания похожих процессов, которые происходят в других регионах мира.

Таким образом, тема "статус русского языка в современном Таджикистане" остается актуальной и имеет значение для изучения языковой политики, межэтнических отношений и культурного многообразия в Таджикистане и за его пределами.

Несмотря на распад Советского Союза, русский язык остается международным языком и одним из шести языков ООН. На языке Лермонтова и Пушкина говорят и выражаются

более 350-ти миллионов жителей планеты, которые живут в разных частях земного шара, в том числе и в Таджикистане. В Республике русский язык является языком межнационального общения. Его особый статус закреплен даже во второй статье конституции страны. О важности поддержки и изучения русского языка часто говорит и президент республики Эмомали Рахмон в ходе своих публичных выступлений.

Однако, в свете политических и социокультурных изменений, статус русского языка может измениться.

Цель данной статьи – исследовать современный статус русского языка в Таджикистане, рассмотреть его использование в образовании и массовых коммуникациях, а также проанализировать социолингвистические аспекты использования русского языка.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалы и методы исследования для анализа статуса русского языка в современном Таджикистане включали следующие компоненты:

Анализ литературы: Систематический обзор научных исследований, статистических данных, законодательства и других публикаций, касающихся русского языка в Таджикистане. Это включало академические статьи, книги, государственные документы, отчеты и другие письменные источники.

Для исследования были проанализированы научные работы, статистические данные и проведены интервью с носителями русского языка в Таджикистане. Использовались как качественные, так и количественные методы исследования.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Проблема развития таджикского языка как государственного и русского как языка межнационального общения является одним из приоритетных направлений политики правительства Республики Таджикистан, что закреплено Конституцией страны и законом о государственном языке. Языковая политика страны реализуется в конкретных мероприятиях, имеющих социальное значение, и в системе образования (закон «Об образовании» в новой редакции был принят в 2004 г.) [\[2\]](#).

Эмомали Рахмон, президент Республики Таджикистан, отметил, что "русский язык для нас был и остается окном в науку, средством общения с внешним миром, и потеря этого капитала нанесет нам вред" (Усмонов, 2012, с. 5).

Использование различных языков в Таджикистане имеет специфические особенности, которые отражают политические, социально-исторические процессы 20-го и 21-го веков. Согласно "Закону о языке" 1989 года, государственным языком является таджикский, а русский необходим для полноценного межэтнического общения. То же самое говорится в Законе о языке 1991 года. "В 2009 году Маджлиси Оли (Парламент Таджикистана, высший законодательный и представительный аппарат национального правительства) издал указ, в котором говорилось, что только государственный язык (таджикский) является приемлемым для общения с органами государственной власти" (Затулин, 2012, с. 205). Таким образом, он уравнился в правах с другими языками на территории страны, и весной 2010 года вышел указ, отменяющий обязательную публикацию законодательных актов или других нормативных документов на русском языке (Султанов, 2013). Однако в 2011 году принятие дополнительного законопроекта вернуло русский язык на прежние позиции. В настоящее время государственным языком является

таджикский, но Конституция Республики Таджикистан 1994 года (статья 2) признает русский язык средством межэтнического общения и разрешает его использование в некоторых случаях для оформления официальных документов.

"В 2003 году Президент Таджикистана подписал указ об обязательном введении учебных часов для изучения русского и английского языков во всех общеобразовательных школах страны" (Кудоярова, 2010, с. 36). Однако нехватка учителей в отдаленных районах и отсутствие практического использования иностранного языка затрудняют выполнение этого указа. Если ученик слышит иностранные слова и выражения только на уроке, а дома и со сверстниками общается на родном языке, он теряет способность запоминать новые слова и не закрепляет грамматические правила. В Таджикистане есть еще одна примечательная особенность: в повседневной домашней жизни жители используют таджикский или узбекский языки, но стараются отдавать своих детей в школы с преподаванием на русском языке.

В кризисный период 1990-х годов, когда 70% русскоязычного населения покинуло Таджикистан, противоречивые процессы дерусификации в системе образования, делопроизводстве и промышленной сфере привели к заметному упадку и отставанию научного и промышленного секторов экономики. "После распада Советского Союза русский язык долгое время существовал без какой-либо поддержки на постсоветском пространстве, что вызвало признаки необратимого разрушения языка в ряде новых независимых государств" (Карабалина и др., 2018, с. 119). Начало нового века ознаменовалось постепенным восстановлением русскоязычной сферы распространения. Это связано с такими факторами, как миграционные процессы, социально-экономические связи и общественные настроения в Таджикистане, где проживает много национальностей (таджики, узбеки, киргизы, туркмены и русские).

В свете вышеизложенного, вопросы качественного преподавания русского языка, методики и содержания занятий по русскому языку, содержания школьных программ по русскому языку на федеральном и региональных уровнях сегодня особенно актуальны в Таджикистане. Кроме того, интересно изучать функционирование русской речи в различных сферах публичного общения.

Если мы обратимся к практическим аспектам русского языка, то можем выделить следующие области: органы власти публикуют документы на таджикском, русском и узбекском языках; различные учреждения и организации, предприятия любой формы собственности ведут делопроизводство и переписку на любом языке, в зависимости от национального состава, поэтому можно выбрать таджикский, узбекский или русский. Гражданин может выбрать русский язык в качестве языка оформления бланков документов, выдаваемых государственными органами, почтовым отделением или другими официальными организациями.

Таким образом, государственные органы Таджикистана в полной мере обеспечивают право граждан на выбор языка для общения, образования и офисной работы. Это связано с традиционным образом жизни, когда многим народам приходится сосуществовать друг с другом.

Однако тенденция к сокращению русскоязычной среды сохраняется, что зависит от следующих социально-экономических факторов: вымирания бывшего "советского" поколения и переселения многих молодых людей трудоспособного возраста в другие регионы.

На 2022 год в Таджикистане насчитывалось 26 русских школ, 6 из которых находятся в

столице, Душанбе, и в 132 школах преподавание ведется на смешанных языках, включая русский. Около 45 000 студентов обучаются на русском языке, что составляет 2,5 % от общего числа студентов. Эти цифры составляют 35 000 человек среди студентов.

Самое главное, что русский язык сохраняет равные позиции в сфере научной репрезентации, что способствует продуктивному общению ученых из разных стран.

С 2005 года все кандидатские и докторские диссертации дублируются на русском языке. В академической среде русский язык имеет фундаментальное значение, поскольку научные работы таджикских ученых могут проходить через Всероссийскую высшую аттестационную комиссию (ВАК). Научное заключение, полученное от Высшей аттестационной комиссии России, является экспертным и значительно повышает научный статус диссертации или статьи. С 2017 года ученые Таджикистана получили научные звания и степени от Высшей аттестационной комиссии Российской Федерации и Высшей аттестационной комиссии Таджикистана. Местный ВАК, созданный в 2011 году, принимает работы только на русском или английском языках по приказу Министерства образования и науки Таджикистана в 2017 году.

В этом контексте заметным явлением является Российско-Таджикский (Славянский) университет (РТСУ) в сочетании с Российско-таджикской школой, действующей с 2008 года и предоставляющей общее (9 лет) или полное (11 лет) среднее образование. Это учебное заведение имеет российские образовательные стандарты, а это значит, что любой вуз в России учитывает результаты обучения. Кроме того, в стране открыты такие университеты с преподаванием на русском языке, как филиал Московского института стали и сплавов и филиал Московского государственного университета. Во многих других высших учебных заведениях есть кафедры, где преподавание ведется на русском языке.

К сожалению, нехватка учителей русского языка в общеобразовательных школах не обеспечивает эффективную реализацию программы по расширению русскоязычной среды. "Учитель является одним из основных источников знаний, роль преподавателя иностранного языка гораздо важнее в процессе изучения языка" (Печенкина и Вепрева, 2020, с. 181). Это связано с низкими заработными платами, с депопуляцией русскоязычного населения за последние 25-30 лет. Кроме того, во многих школах, особенно в отдаленных районах, отсутствуют учебные материалы по русскому языку.

Тот факт, что между лидерами России и Таджикистана произошло определенное сближение политических позиций, немного обнадеживает. В связи с этим Правительство Российской Федерации планирует построить несколько русскоязычных школ в Республике Таджикистан за счет федерального бюджета, в том числе пять учебных заведений, число которых в будущем должно увеличиться. Важным фактором, значительно повышающим интерес к изучению русского языка, является обучение таджикских студентов в российских вузах. Российское образование является ключом к стабильной занятости и динамичной карьере, что крайне важно в условиях затяжного экономического кризиса. Следуя последним выступлениям российского президента, можно вспомнить такие обещания, как ускоренное получение гражданства иностранными специалистами, которые будут официально трудоустроены в России.

Правительство России (Россотрудничество) квотирует количество иностранных студентов в российских вузах за счет бюджетных средств. Как мы видим, количество квот для таджикских студентов постепенно увеличивается: в 2018 году было выделено 618 квот, а в 2019-2020 годах - более 630.

Влияние русского языка широко распространено в издательском бизнесе, средствах массовой информации, на русском языке издается около 50 периодических изданий, действуют 2 русскоязычных телеканала и 2 русскоязычные радиостанции. Многие газеты и новостные сайты дублируют информацию на русском и английском языках.

На русском языке есть много новостных и аналитических материалов: о национальной и международной политике, о бизнесе и экономике, о культуре, о различных событиях (Усмонов, 2014).

Согласно правительственной программе, цели и задачи преподавания русского языка в таджикских школах включают следующее: учащиеся должны приобрести достаточные знания и навыки владения русским языком в стандартных жизненных ситуациях, в социальной, экономической и других сферах общения, а также ознакомиться с русской культурой и мировым творческим наследием (Кудоярова, 2010). Конечно, для этого требуется знание и понимание лексики, грамматики, письменной и устной формы речи.

В системе образования русский язык фактически находится на положении иностранного, потому что, во-первых, сокращено количество учебных часов, в школах не преподают русскую литературу (как это было в советское время), а во-вторых, практически отсутствует русскоязычная среда, особенно в сельской местности. Особая трудность возникает из-за того, что классы не разделены на подгруппы, как требуется, и учитель работает в классе с 35 детьми или более (Гусейнова, 2015).

В дополнение к традиционным урокам русского языка, таджикские общеобразовательные школы используют методику преподавания русского языка, основанную на литературных произведениях. Преподавание русского языка основано на принципе интеграции на основе текстов из русской литературы учителя сами определяют объем материала по литературе, поскольку в программе этот аспект не оговаривается. "Комплексный подход дает многомерное понимание реальности и роли иностранного языка как элемента культуры, мотивирует учащихся к овладению языком и формированию гуманистического мировоззрения" (Атнабаева, 2015, с. 135). Преподавание различных жанров русской литературы помогает выучить и понять красоту языка, увидеть практическое применение речи, овладеть определенными языковыми навыками, запомнить правила, которые учащиеся изучали на занятиях. Она учит, как применять русскую речь в практических ситуациях, как понимать и выражать свое мнение.

Каждую неделю по вторникам в общеобразовательных школах проводится "День русского языка", во время которого ученики и учителя общаются только на русском языке. Более 200 000 учащихся средних и высших учебных заведений изучают русский язык в качестве обязательного предмета в соответствии с приобретенной профессией.

Во многих высших учебных заведениях Таджикистана существуют отдельные факультеты для подготовки филологов, преподавателей русского языка и литературы, русско-таджикских переводчиков. Русский язык также укрепляется благодаря совместным культурным, образовательным, научно-методическим и другим проектам (концерты, фестивали, дни русской культуры, фестивали русской литературы, выездные семинары и лекции). В 2007 году на основании двустороннего межправительственного соглашения Таджикистан объявил Год русского языка. 6 июня, в день рождения Пушкина, Таджикистан отмечает День русского языка как одного из 6 официальных языков ООН.

В 2017 году был успешно реализован проект по поддержке преподавания русского языка, курируемый Советом Федерации. В 2017 году 29 русских учителей отправились в Таджикистан преподавать русский язык, а также математику, физику, химию и биологию,

а в 2018 году их было 50. В 2019 году прибыла еще одна обучающая миссия, которая была распределена по регионам республики. Правительство Таджикистана предоставляет жилье учителям, платит в среднем по стране, а российское правительство осуществляет стимулирующие дополнительные выплаты.

Сотрудничество в области высшего образования между Москвой и Душанбе также развивается: 20 000 таджикских студентов учатся в России и еще 8 000 - в российских университетах или их филиалах в Таджикистане.

Россия является стратегически важным партнером Таджикистана в международных отношениях, политике и экономика, наука и культура. Присутствие трудовых мигрантов на территории России и постоянный приток иностранной валюты с их стороны позволяют поддерживать стабильные, долгосрочные отношения между странами. "Проблема миграции не только остается на повестке дня, но и становится все более актуальной... мы должны понимать, что преподавание русского, как и любого другого языка в данной ситуации, дает положительный эффект"(Шаклеин, 2014, с. 59). Русский язык играет огромную роль в укреплении межэтнических отношений в Таджикистане и за его пределами.

Действующая система поддержки русского языка в Таджикистане через создание различных общественных организаций, объединяющих преподавателей русского и русскоязычных специалистов в различных областях деятельности, способствует расширению сотрудничества между вузами, школами и другими образовательными учреждениями России и Таджикистана.

Значимые шаги предпринимаются посольством РФ и представительством Россотрудничества в направлении поддержки русского языка среди граждан Таджикистана, для которых русский является родным или языком межнационального общения, как основы сохранения и развития их культурных и профессиональных связей с родиной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение русского языка в Таджикистане продолжает играть решающую роль. В то время как в большинстве профессиональных сфер используется русский язык, уровень владения русским языком в Республике снижается.

Как и во времена Советского Союза, русский язык остается в сознании жителей как инструмент, дающий перспективу карьерного роста. Миграция таджикской молодежи в Российскую Федерацию подтверждает важность знания русского языка для людей, которые намерены жить, работать и учиться в России.

Развитию русского языка в РТ могут способствовать такие мероприятия, как:

- увеличение часов преподавания русского языка в таджикоязычных школах;
- улучшение подготовки учителей русского языка;
- обеспечение трудоустройства русскоязычных студентов в Таджикистане.

Сегодня русский язык в Таджикистане динамично развивается, он достаточно прочно укоренился в городских условиях, и спрос на русскоязычное образование высок. Однако значение русского языка уступает советскому периоду. Русский язык остается языком межнационального общения в Таджикистане и используется главным образом в тех

областях, где он приобрел научную и практическую значимость.

Таким образом, правовой статус русского языка определен в основном законе Республики Таджикистан так: язык межнационального общения. При этом отмечаем зависимость динамики статуса русского языка от воли руководства Республики Таджикистан, которая закрепляется в текущем законодательстве. В июне 2011 г. в Республике Таджикистан был принят законопроект, который подтвердил конституционный статус русского как «языка межнационального общения».

Несмотря на частичную утрату позиций в стране, русский язык остается достаточно востребованным, и для улучшения его положения существуют следующие объективные причины: сохранение у подавляющей части таджикской интеллигенции, в том числе и руководящих работников государственных органов, стремления к сохранению общего с Россией культурного и информационного пространства; сохранение за Таджикистаном на длительный период времени статуса «страны – экспортера рабочей силы»; осуществление практических мер, направленных на расширение российско-таджикского экономического сотрудничества в освоении гидр энергоресурсов, а также в других областях; активное участие Таджикистана в интеграционных процессах на постсоветском пространстве.

Хочется привести в заключение прекрасные слова, сказанные выдающимся русским писателем К.Г. Паустовским: «Русский язык открывается до конца в своих поистине волшебных свойствах и богатстве лишь тому, кто кровно любит и знает «до косточки» свой народ и чувствует сокровенную прелесть нашей земли»; «Некоторые русские слова сами по себе излучают поэзию, подобно тому как драгоценные камни излучают таинственный блеск». В этих удивительных по силе воздействия, проникновенных строчках – ключ к разгадке высокой востребованности русского языка во всем мире.

Библиография

1. Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 года (в ред. референдума от 26.09.1999 г., от 22.06.2003 г., от 22.05.2016 г.). URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112213?cl=ru-ru> (дата обращения: 16.10.2023).
2. Книга закон Республики Таджикистан от 22 июля 2013 года №1004 "Об образовании"/Редакция от 23.12.2021, принята документом Закон Республики Таджикистан О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Таджикистан Об образовании № 1832 от 23/12/2021//https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=61988
3. Книга закон Республики Узбекистан «О государственном языке» (в новой редакции) от 21 декабря 1995 г. № 167-I. URL: <https://parliament.gov.uz/ru/laws/adopted/84/3491/> (дата обращения: 16.10.2023).
4. Государственная программа Совершенствование преподавания и изучение русского и английского языков в Республике Таджикистан на период до 2030 года.
5. Нагзибекова М. Б. Статус русского языка в Республике Таджикистан // Языковая политика стран Содружества Независимых Государств (СНГ): материалы II Международного конгресса / Алма-Ата, 26-28 октября 2021 г. Москва: Государственный институт русского языка им. А. С Пушкина, 2021. С 111-112.
6. Советские конституции: хрестоматия: в 4 ч. Ч. СССР, 1922–1936 гг. / сост. Д. В. Кузнецов. Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2015. С. 289. URL: <http://istfil.bgpu.ru/> (дата обращения: 16.10.2023).
7. Хуснутдинова Л .А . Особенности обучения русскому языку в школах Таджикистана (из опыта работы учителя) // Русский язык в глобальном научном и образовательном пространстве: сборник материалов Международного научного конгресса / Москва, 6–10

декабря 2021 г. Москва: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2021. С. 93-94.

8. Шипилов А. В. Правовой статус русского языка в новых независимых государствах Центрально-Азиатского региона // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2014. № 2 (196). С. 70.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Проблема актуализации изучения русского языка в последнее время становится все значимее. Да, язык преподается в странах связанных с Российской Федерацией, да, не исключается из сетки предметов «русский язык», да, студенты изучают язык в российских вузах, но вектор анализа проблемы все же есть. Следовательно, научные исследования в указанной иерархии необходимы, нужны, востребованы. Предваряя работу, автор уточняет, что «цель статьи – исследовать современный статус русского языка в Таджикистане, рассмотреть его использование в образовании и массовых коммуникациях, а также проанализировать социолингвистические аспекты использования русского языка», «тема "статус русского языка в современном Таджикистане" остается актуальной и имеет значение для изучения языковой политики, межэтнических отношений и культурного многообразия в Таджикистане и за его пределами». Работа имеет достаточно выверенный вид, ее структура соотносится с т.н. научным проектом, серьезной правки в режиме жанра работы нет. Материал доступен, объективен, выверен; большая часть информационных данных выверена, должный ссылочный вариант имеется, неплохо, на мой взгляд, построен и режим связности т.н. фактической номинации и аналитического звена. Например, «несмотря на распад Советского Союза, русский язык остается международным языком и одним из шести языков ООН. На языке Лермонтова и Пушкина говорят и выражаются более 350-ти миллионов жителей планеты, которые живут в разных частях земного шара, в том числе и в Таджикистане. В Республике русский язык является языком межнационального общения. Его особый статус закреплен даже во второй статье конституции страны. О важности поддержки и изучения русского языка часто говорит и президент республики Эмомали Рахмон в ходе своих публичных выступлений», или «проблема развития таджикского языка как государственного и русского как языка межнационального общения является одним из приоритетных направлений политики правительства Республики Таджикистан, что закреплено Конституцией страны и законом о государственном языке. Языковая политика страны реализуется в конкретных мероприятиях, имеющих социальное значение, и в системе образования (закон «Об образовании» в новой редакции был принят в 2004 г.)» и т.д. Дан в начале и должный вариант методологии: «анализ литературы: Систематический обзор научных исследований, статистических данных, законодательства и других публикаций, касающихся русского языка в Таджикистане. Это включало академические статьи, книги, государственные документы, отчеты и другие письменные источники. Для исследования были проанализированы научные работы, статистические данные и проведены интервью с носителями русского языка в Таджикистане. Использовались как качественные, так и количественные методы исследования». Положительным моментом исследования становится и факт введения статистики, она вводится верно, этот уровень также необходим и важен: например, «на 2022 год в Таджикистане насчитывалось 26 русских школ, 6 из которых находятся в столице, Душанбе, и в 132 школах

преподавание ведется на смешанных языках, включая русский. Около 45 000 студентов обучаются на русском языке, что составляет 2,5 % от общего числа студентов. Эти цифры составляют 35 000 человек среди студентов». Считаю, что все основные / фактические составляющие выверены; тема исследования раскрывается полновесно, причем одновременно формируется и эффект пролонгации изучения вопроса: «С 2005 года все кандидатские и докторские диссертации дублируются на русском языке. В академической среде русский язык имеет фундаментальное значение, поскольку научные работы таджикских ученых могут проходить через Всероссийскую высшую аттестационную комиссию (ВАК). Научное заключение, полученное от Высшей аттестационной комиссии России, является экспертным и значительно повышает научный статус диссертации или статьи...». Это значимо для исследований смежной направленности, работ одной / полярной группы. Удачно, на мой взгляд, представлен и проблемный вектор изучения русского языка в Таджикистане, дается это грамотно / конструктивно: «к сожалению, нехватка учителей русского языка в общеобразовательных школах не обеспечивает эффективную реализацию программы по расширению русскоязычной среды. "Учитель является одним из основных источников знаний, роль преподавателя иностранного языка гораздо важнее в процессе изучения языка" (Печенкина и Вепрева, 2020, с. 181). Это связано с низкими заработными платами, с депопуляцией русскоязычного населения за последние 25-30 лет. Кроме того, во многих школах, особенно в отдаленных районах, отсутствуют учебные материалы по русскому языку...», или «В системе образования русский язык фактически находится на положении иностранного, потому что, во-первых, сокращено количество учебных часов, в школах не преподают русскую литературу (как это было в советское время), а во-вторых, практически отсутствует русскоязычная среда, особенно в сельской местности. Особая трудность возникает из-за того, что классы не разделены на подгруппы, как требуется, и учитель работает в классе с 35 детьми или более». В целом же работа имеет явно выраженный практический характер, в ней целостно раскрыта суть, т.н. исследовательская задача также решена продуктивно. В заключительном блоке дан ряд практических рекомендаций по решению указанной ситуации: «развитию русского языка в РТ могут способствовать такие мероприятия, как: увеличение часов преподавания русского языка в таджикоязычных школах; улучшение подготовки учителей русского языка; обеспечение трудоустройства русскоязычных студентов в Таджикистане. Сегодня русский язык в Таджикистане динамично развивается, он достаточно прочно укоренился в городских условиях, и спрос на русскоязычное образование высок. Однако значение русского языка уступает советскому периоду. Русский язык остается языком межэтнического общения в Таджикистане и используется главным образом в тех областях, где он приобрел научную и практическую значимость...». Тема соотносится с одной из рубрик издания, основные требования учтены, текст имеет должную новизну, он очевидно актуален. Рекомендую статью «Статус русского языка в современном Таджикистане» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Голованивская М.К., Ефименко Н.А. Понятие "добро" в русском и китайском языках // Филология: научные исследования. 2024. № 12. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.12.72506 EDN: GSBOGW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72506

Понятие "добро" в русском и китайском языках

Голованивская Мария Константиновна

доктор филологических наук

Профессор, Кафедра региональных исследований, Факультет иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, стр. 13

✉ golovanivskaya@gmail.com

Ефименко Николай Александрович

ORCID: 0000-0002-4003-5887

Студент, Кафедра Региональных исследований, Факультет иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, стр. 13

✉ efimenko200205@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.12.72506

EDN:

GSBOGW

Дата направления статьи в редакцию:

29-11-2024

Аннотация: В статье исследуется понятие «добро» в двух языковых картинах мира – русской и китайской. Исследование является контрастивным, и полученные результаты сопоставляются для выявления специфических особенностей каждой культуры. Описание каждого понятия производится по четкому и последовательному алгоритму: исследуется этимология слова, мифологические корни понятия, его сочетаемость, из которой вычленяется вещественная коннотация, опираясь на работы В. А. Успенского, а также проводится сопоставление словарных дефиниций понятия в различных языках. Цель исследования заключается в том, чтобы на материале семантических полей в

русском и китайском языках выявить особенности представления понятия «добро» в этих культурах, а также проанализировать, как это понятие изменяется в разных культурных контекстах и какие философские и моральные основы лежат в его восприятии. Далее проводится сопоставление, цель которого – увидеть как сходства, так и различия в мировоззренческой картине разных народов, что позволит понять, как концепт «добра» отражает мировоззрение и ценностные ориентации русской и китайской культур. Научными методами исследования являются такие методы, как сравнительно-исторический метод, метод обобщения, метод семантического анализа, а также контекстуальный анализ, который помогает глубже понять, как слово «добро» взаимодействует с другими лексическими единицами в каждом языке. Полученные результаты будут содействовать установлению взаимопонимания между культурами, образуя своего рода понятийный мост для представителей разных культур и языков, а также могут быть использованы при чтении учебных курсов по регионоведению, сравнительному изучению культур, философии и в ходе преподавания соответствующих языков. Это исследование поможет углубить знания о культурных различиях и сходствах в восприятии моральных и этических понятий, что, в свою очередь, способствует лучшему пониманию культурной специфики и способствует межкультурной коммуникации.

Ключевые слова:

языковая картина мира, лингвокультурология, филология, добро, китайский язык, контрастивное исследование, русский язык, вещественная коннотация, национальный менталитет, семантический анализ

Русское понятие добра не соотносится ни с каким персонажем славянской мифологии. Происхождение этого слова неизвестно, есть версия, что оно, возможно, восходит к праславянскому корню *dob, связанным с идеей времени.

Существующие сегодня производные слова датированы XVII и более поздними веками и восходят к идее "добротности, доброкачественности, годности" [3, с. 174-176],[5].

Активная мифологизация понятий добра и зла связана также с новым временем, развившим мотивы отождествления зла с сатаной, Люцифером, а добра с Богом. Производные со значением "сострадательный, милосердный" возникли значительно позже других значений, что позволяет нам сделать вывод о том, что современные понятия добра и зла относительно новые, а в историческом времени – совсем молодые и могут трактоваться как специфические характеристики мышления и сознания современной цивилизации, начало которой с согласия многих культурологов относится именно к периоду конца XVIII века, к тому времени, когда атеизм оформился в самостоятельное и хорошо очерченное философское течение.

Первое значение слова добро - вещественно. Добро – это имущество, достаток. Иной оттенок значения этого слова появляется при его соотнесении с синонимом благо. В. И. Даль отмечает, что добро, благо – это то, что честно и полезно, то, чего требует от нас долг человека, гражданина, семьянина, то, что противоположно худу, злу [2]. Здесь можно порассуждать: если имущество нажито честно, то будет хорошо, не будет плохого, от этого оно и называется добро. Но если нечестно, то добра не будет, ни в прямом, ни в переносном смысле. Добро на протяжении нескольких веков было центральным

гражданственным понятием и именно в этом качестве было поставлено в соответствие пятой букве алфавита, о которой получал представление российский ребенок в возрасте пяти-семи лет. Добрый человек, по свидетельству Владимира Даля – это человек "дельный, сведущий, исправный, добро любящий, добро творящий, а также мягкосердный, жалостливый и иногда слабый умом". Доброта же – это соответствующее качество человека, относительно которого Даль приводит следующий афоризм: Доброта без разума пуста.

Читая определения Даля, касающиеся слабого ума, современный человек может удивиться: откуда такое могло взяться? Ответ, очевидно, нужно поискать в истории русского юродства, который и именовался как дурак (см. слав. оуродъ – дукак, безумный – [2]) и действовал постоянно вопреки корысти, совершая как бы религиозный подвиг.

Но обратимся к современному значению. Во-первых, в современном языке совершенно утерян гражданский аспект значения этого слова, во-вторых, в современном языке добро и благо существенным образом разнятся, в третьих, добро никак в нынешнем употреблении языка не ассоциируется со слабоумием.

Понятия "добра и блага" были описаны "В новом объяснительном словаре синонимов" под редакцией Ю. Д. Апресяна [4], и принципиальные моменты этого описания выглядят следующим образом: добро и благо – это то, что хорошо для людей. Синонимы различаются по следующим смысловым признакам: добро абсолютно, благо относительно, добро этически ценно и связано с доброй волей человека, благо – не этическая категория, а некий положительный результат, исход дела. Добро в отличие от блага – высшая нравственная ценность.

Добро абсолютно, представление о нем может измениться только вместе со всей ценностной шкалой человека, представления о добре и рациональны, и нравственны, и интуитивны. Благо же сугубо рационально. Для добра главное – соответствующее душевное движение, для блага – холодный расчет. В основе представлений о добре и благе лежит ориентация на разные ценностные шкалы и на разных субъектов оценки: представление о благе связано с человеческим судом, с точкой зрения людей вообще, подобно представлениям о справедливости и правде, а добро, подобно истине, связано с абсолютной, высшей, может быть, божественной точкой зрения на мир. Оно рассматривается как абсолютная ценность и поэтому способно обозначать абстракцию высокого уровня.

Мы присоединяемся к этому анализу, различая два вида добра – абсолют и характеристика, оценка нравственного поведения человека.

Посмотрим на русскую сочетаемость этого слова:

Добро делают, несут, приносят, творят, сеют, настраивают на добро.

Добро укореняется, разрастается, живет в человеке, разлито в мире, ходит по свету, борется со злом, побеждает, ретируется перед грубой силой, торжествует и дает всходы.

Добра желают, добром отвечают на добро (зло), к добру призывают;

Царство добра, Империя "добра" (как антоним империи "зла"), силы добра;

Свет добра, сила добра, апология добра, взаимная проницаемость добра и зла, плацдармы добра, довести до добра.

Добро должно уметь себя защищать (быть с кулаками), что-то не кончится добром.

Свет добра, дитя добра и света, озаренный добром.

Добро проявляется, растворено в каждом поступке.

Рассмотрим подробнее образы, стоящие за сочетаемостью:

1. **Колос/сорняк.** У понятия добро отчетливо проглядывается коннотация растения (его сеют, оно укореняется, дает всходы, его жнут и так далее). Мы предполагаем, что за этим неопределенным растением может стоять колос или иное растение, дающее человеку его «хлеб». Такая ассоциация могла бы считаться базовой и системной, ибо, как мы увидим дальше, зло надделено той же коннотацией – растение (поговорка, идущая из античности: вырвать зло с корнем) – но растение это плохое, сорняк.

2. **Имущество.** Из этого образа логично проистекает образ предмета, объекта, имущества: добро делают, несут, принимают, отвечают добром на добро. Этот образ вплотную подходит к одному из толкований, на которое мы указывали у Даля.

3. **Солнце.** Прототипический образ урожая, стоящий за растением колосом, логично влечет за собой (или наоборот) образ солнца, света, без которого нет жизни, нет пищи. Именно поэтому добро светит, согревает, озаряет, освещает путь и так далее.

4. **Вода.** Вода, традиционно коннотирующая эмоциональную сферу и олицетворяющая одну из стихий (мы это увидим далее), представлена и в сочетаемости слова «добро»: добро разлито в мире, волны добра и так далее. В этом смысле, когда добро мыслится как внутренний процесс (добро родилось в нем), оно в метафорическом описании подобно эмоции (добрые чувства захлестнули его и так далее). Если рассматривать сочетание «добро разлито в мире», уподобляющее добро питательной среде, то здесь мы также склонны относить это к прототипической ситуации сева и урожая, которые без воды, как и без солнца не могут быть успешными. Контекст, где добро из-за своей ассоциации с водой мыслится растворимым (добро растворено в каждом его поступке – то есть является частью их) – это производный контекст, от базовой ассоциации добра с водой.

5. **Войско.** Представление добра как системы сил происходит из христианства и является одним из производных этого мифа.

На содержательном уровне понятия «добро» существуют любопытные нюансы, приоткрываемые соответствующим прилагательным "добрый".

По нашему убеждению, «добрый» (о человеке) означает не только способность давать безвозмездно, но и умение проявлять жалость и всепрощение. Мы можем предположить, что в значении «умеющий прощать» традиционно эти качества рассматривались на Руси как чисто женские. Поэтому мы можем сказать "она добрая женщина", "Он / она добрый человек" (с немаркированным полом в слове "человек", но плохо будет сказать "Он добрый мужчина" именно в силу названных особенностей значения этого слова).

Отметим, что понятия добра, доброты являются обиходными для русского языкового сознания и часто употребляется для характеристики людей, их намерений. Само это качество – доброта – социально одобряется, люди, проявляющие бескорыстное намерение помочь другому, оценочно поддерживаются социумом.

Конечно, этот мировоззренческий концепт имеет даже в бытовом сознании нюансы,

суммирующиеся в библейском выражении «благими намерениями вымощена дорога в ад» или в упрощенном виде – «Не делай хорошо, чтобы не было плохо», но это уже предмет отдельного анализа, в ходе которого следовало бы обязательно указать на тот факт, что прототипически из двух братьев один всегда плохой, а другой хороший (добро и зло, Каин и Авель и так далее), и как бы не различались векторы их потенции, они все равно остаются родственниками, то есть нередко встречаются, соединяются, пускай даже в ретроспективе.

Понятие “добро” в китайской языковой картине мира

Основополагающей семой для понятия «добро» в китайском языке является 善. Иероглиф 善 является иероглифом идеографической категории, впервые был использован в письменности цзиньвэнь. Факт того, что иероглиф использовался в письменности цзиньвэнь, а не в изначальной письменности цзягувэнь, говорит о том, что понятие в изначальном, самом глубоком китайском мировоззрении, еще не было сформировано, а появилось под влиянием новой общественной структуры, которая как раз тогда и возникла (цзиньвэнь стали использовать с первой доказанной династии Китая Шан, примерно XIII–X вв. до н. э.). Изначально иероглиф писался как 𠄎, состояв из верхней части 羊 и нижней части 言, и изначальное значение было “добро”, противопоставляемое злу [7, с. 196].

Конечно, использование данных частей иероглифа является абсолютно не случайным, и причины такого состава внутри иероглифа будут понятны при детальном анализе. Если рассматривать верхнюю часть 羊 отдельно, то она будет иметь значение “овца” [9]. Овца очень часто появляется в китайской мифологии, является символом хорошего и благополучия и считается предметом счастья.

В философском трактате «Лунь хэн» Ван Чжуна из династии Хань (II в. до н. э. – II в. н. э.) есть упоминание легенды о “божественной овце” времен Яо. Во времена Яо был судейский чиновник Гао Тао, у которого была божественная однорогая овца, способная различать добро и зло; когда на суде решалось, в чью сторону склоняется вина, Гао Тао всегда отправлял овцу для определения вины: “Если виновен, овца его коснется рогом, если не виновен, не коснется”. Впоследствии судьи приносили с собой овечьи рога, чтобы обладать божественной силой овцы, и это влияние прослеживалось до времен Цинь и Хань (III в. до н. э. – II в. н. э.). Именно потому, что у овцы были такие качества, с ее культурным образом стали ассоциироваться честность и справедливость. Древние люди почитали овцу, а кожаная одежда, сделанная из овцы, служила парадной одеждой для крупных чиновников, что означало, что и чиновники также добродетельны подобно овце [13]. Таким образом, в данном элементе иероглифа овца также является символом справедливости [9].

Нижняя часть 言 jìng, по данным из первого словаря китайского языка и его последующих редакций, берет свое начало в эпоху Восточная Хань (25–220 гг. н. э.). Давалось следующее определение этому иероглифу: 言, 犹二人直持其说, 各不相让, 盖争言也 “спор двух людей, не готовых отступить ни на шаг” [10, с. 366-367].

Таким образом, если соединить обе части, то значение будет «овца, справедливо решающая спор двух людей, которые без нее бы этот спор не разрешили».

Конечно, есть исследователи, которые пришли к другим выводам. Например, в статье Сун Цзиньлань было высказано мнение, что иероглиф 善 является первоначальной формой иероглифа 膳 «еда», так как верхняя часть иероглифа могла иметь значение

“баранина”, а нижняя часть имела значение “процесс питания”. Поскольку пища в Китае всегда ассоциировалась с хорошим, данный иероглиф имеет значение “добрый”, “хороший” [11, с. 57-59].

Но если судить с точки зрения философской картины мира, то для этимологии может быть возможен только первый вариант, то есть добро как показатель справедливости. Овца в данном случае играет роль судьи, который определяет, что такое добро, а что такое зло. А именно, если взять конфуцианское представление о мире, то роль судьи играет совесть, которая является ключевым понятием в конфуцианском мировоззрении.

Данное представление о лексеме имеет большую связь с даосским и конфуцианским мифологическим сознанием. В даосизме имеется следующее представление о добре: 反者道之动, 弱者道之用”. Когда развитие события достигает предела, оно должно идти обратно. Покориться естественному и таким образом показать свою слабость – это соответствует дао [12].

Лаоцзы считал, что люди обычно определяют “добро” как “хорошее в противовес плохому”, но эта концепция односторонняя и нарушает природу. Он не проводил сопоставление добра и зла, потому что считал, что их оба невозможно познать. Для него добро было то, что движется по естественному пути, соответствуя своей природе.

Если говорить о конфуцианстве, то после смерти Конфуция был многолетний спор о природе человека. У Мэн-цзы была теория доброй природы [16], которую позднее китайский чиновник династии Сун 王应麟 Ван Ёнглин объединил в простую мысль:

“人之初, 性本善” - «при рождении человека его природа добра» [17].

А у Сюнь-цзы, напротив, была теория злой природы человека:

“人之性恶, 其善者伪也” - «при рождении человека его природа зла, а доброта – результат приобретенной среды и воспитания» [15][18].

Также и понятие совести подходит только конфуцианской философии: совесть играет роль судьи, измеряющего добро и зло внутри человека. Следовательно, мы видим, что представление об иероглифе соответствует идеям конфуцианства, точнее, конфуцианскому мифологическому сознанию.

Анализ сочетаемости лексемы добро в современном китайском языке

В современном китайском языке с помощью частотного словаря выявлено две лексемы со значением «добро»: 善良 shànlíáng и 良善 liáng shàn. Две лексемы состоят из одних и тех же морфем и имеют абсолютно одинаковое значение – «добро» [8], и, по данным словаря 新华字典, имеют единственное значение «доброта, без всякой злобы» [6].

Если посмотреть на две морфемы, то 善 означает добро, а 良 обозначает совесть. Мы видим, что конфуцианская концепция, где добро познается с помощью совести, имеет отражение и сейчас, но, если посмотреть на вещественную коннотацию, перед нами предстанет иная картина. Были выделены следующие лексемы по сочетаемости с глаголами с помощью корпуса древнего и современного китайского языка:

利用善良 (lìyòng shànlíáng) «использовать добро»; 欺压善良 (qīyā shànlíáng) «притеснять добро»; 保护善良 (bǎohù shànlíáng) «защищать добро»; 维护善良 (wéihù shànlíáng) «поддерживать добро»; 守护善良 (shǒuhù shànlíáng) «охранять добро»; 呵护善良 (hēhù

shànlíáng) «беречь добро»; 发现善良 (*fāxiàn shànlíáng*) «найти добро»; 展现善良 (*zhǎnxiàn shànlíáng*) «проявлять добро»; 体现善良 (*tǐxiàn shànlíáng*) «отражать добро»; 培养善良 (*péiyǎng shànlíáng*) «воспитывать добро»; 传递善良 (*chuándì shànlíáng*) «передавать добро»; 实践善良 (*shíjiàn shànlíáng*) «практиковать добро»; 倡导善良 (*chàngdǎo shànlíáng*) «провозглашать добро»; 褒扬善良 (*bāoyáng shànlíáng*) «восхвалять добро»; 颂扬善良 (*sòngyáng shànlíáng*) «прославлять добро»; 张扬善良 (*zhāngyáng shànlíáng*) «распространять добро»; 宣扬善良 (*xuānyáng shànlíáng*) «пропагандировать добро»; 诬陷善良 (*wūxiàn shànlíáng*) «клеветать на добро»; 团结善良 (*tuánjié shànlíáng*) «сплачивать добро»; 唤起善良 (*huànjǐ shànlíáng*) «побудить добро»; 举起善良 (*jǔ qǐ shànlíáng*) «поднять добро» [14].

Из данного сопоставления лексем была выявлена следующая вещественная коннотация:

1. **Народ.** Это живое существо, так как его можно защищать, побуждать к действию, оклеветать, его часто используют. Оно является беззащитным, так как его постоянно пытаются использовать или притеснять, и оно требует защиты, поддержки, охраны и бережного отношения. Также оно не является неподвижным, его можно воспитывать, сплачивать и восхвалять за какие-то поступки.

Кроме сочетаемости с глаголами, также важно отметить его самую частую форму прилагательного – 善良的 (*shànlíáng de*) – «добрый». С помощью корпуса было обнаружено, что чаще всего встречаются следующие три словосочетания:

- 善良的人民 (*shànlíáng de rénmín*) – «добрый народ»;
- 善良的老百姓 (*shànlíáng de lǎobǎixìng*) – «добрый простой народ»;
- 善良的农民 (*shànlíáng de nóngmín*) – «добрые крестьяне» [14].

Чаще всего перед этими словосочетаниями используются следующие глаголы:

剥削 «эксплуатировать», 杀害 «губить», 掠夺 «грабить».

Тут мы видим, что добро воспринимается как народ, который может развиваться, сплачиваться и объединяться, т. е. мог бы стать большой силой, но без этого является беззащитным, благодаря чему правительству удобнее всего его притеснять.

2. **Флаг.** Это предмет, который можно беречь, передавать, можно восхвалять, охранять, пропагандировать. Если он потерялся, то его можно найти и поднять. Такое представление добра как раз отражает другую сторону отношений между народом и властью. Основоположник ортодоксального конфуцианства Дун Чжуншу 董仲舒 (179–104 гг. до н. э.) в книге 公羊传 "Комментарий Гунъяна" дал следующее представление о китайском обществе:

屈民而伸君, 屈君而伸天 (*Qū mín ér shēn jūn, qū jūn ér shēn tiān*)

«Император подчиняет народ, небо подчиняет императора».

Есть 3 актора: небо, император и народ. Однако представление о небе в каждую эпоху объяснялось по-разному, так как оно зависело от определения неба конфуцианцами. Обычно правитель имеет право властвовать над народом единолично, но, когда он перестает выполнять свои обязанности, народ считает своим долгом свергнуть императора и выбрать нового. Такое действие именно связано с восприятием китайцами понятия добра в его даосской форме. Если Император неправильно выполняет свою функцию, то есть не идет по своему естественному пути, тогда народ имеет право

перестать подчиняться и свергнуть его, затем выбрать другого, идущего по естественному пути, правителя.

Несмотря на то что исконное понятие подчеркивает чисто конфуцианскую мысль, в современном китайском языке, даже с морфемами, которые также показывают конфуцианские традиции, все равно чувствуется даосское мифологическое сознание.

Заключение

Из предпринятого описания мы можем сделать следующие выводы:

Добро в современном русском языке понимается как высшая нравственная ценность, связывающая сознание и поведением человека с идеями бескорыстности и всепрощения. Современное сознание овеществляет и одушевляет это понятие. Добро ассоциируется со светилом, растением, воинствующей, но уязвимой силой. Понятие добра для носителя русского языка является частотным и обиходным.

Зло – антоним добра, также понятие обиходное. Оно также овеществляется и одушевляется. Овеществляется в виде растения, одушевляется в виде воинствующего начала, по отношению к которому человек активен и враждебен.

Русский менталитет, формировавшийся под влияние православия, не прошедший через горнило многократно сменявшихся эпох, бесконечно ведущих диалог с античными истоками, и пребывавший долгое время в средневековой, небуржуазной идеологии, не усвоил многих рациональных и прагматичных взглядов и отражает во многих своих проявлениях сознание не конкурентное, а мировое, в котором процветают понятия добра, любви и дружбы, интерпретируемые в терминах равенства и подобия, нежели в терминах индивидуализма, связанного с идеей успеха, обогащения и материального процветания.

В китайской языковой картине мира добро может быть только пассивным, добро унижают, добро нуждается в защите, и тут добро имеет образ народа, который чаще всего эксплуатируется властью, но также добро передается, добро можно поднять, добро можно воспитать, так же, как и народный дух, который не падает, пока не достигнет цели. Тут с помощью китайской философской картины мира можно увидеть влияние даосского мифологического мышления, которое проходит через призму конфуцианского. Правитель имеет власть над народом, а небо имеет власть над правителем; но что такое небо, опять обговаривается народом (конфуцианцами), поэтому, если любая из этих ветвей не может идти по своему естественному пути, то есть показать добро с точки зрения даосов, то вся общественно-политическая система Китая рухнет.

Базовые признаки	Русская ментальность	Китайская ментальность
Источник	Не известен	Овца, решающая спор двух людей (справедливость)
Актуальные взаимосвязи	Бескорыстие	Совесть Справедливость
Образ	Жатва, колос	Народ Знамя
Членение	2 термина: благо, добро	善良 良善

Влияние ситуации	Зермина. Благо, добро (материальное/нематериальное)	Хуи / Хун (добро и совесть)
Влияния	Христианское	Даосское Конфуцианское
Человек	Активен: давать, прощать	Активная (добро поднимают, притесняют)

Библиография

1. Большой Китайско-Русский Словарь. URL: <https://bkrs.info/> (дата обращения 24.02.24).
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: М.О. Вольф, 1955.
3. Иванов В. В. Близнечные мифы, В: Мифы народов мира: Энциклопедия, М.: 1980. Т. 1. С. 174-176.
4. Новый объяснительный словарь синонимов. М., 1995.
5. Штенберг Л.Я. Античный культ близнецов в свете этнографии. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936.
6. Институт лингвистики Китайской академии социальных наук. Словарь «Синьхуа» (12-е издание). Пекин: коммерческая полиграфия, 2020: 699 с. (дата обращения 11.02.24). (на кит. яз.)
7. Ли Сюэцин. Происхождение иероглифов: Издательство древних книг Тяньцзинь, Народное издательство Ляонин, 2013. (на кит. яз.)
8. Институт преподавания языков, Пекинский институт языка. Словарь частотности современного китайского языка. Пекин: Издательство Пекинского института языка, 1986. (на кит. яз.)
9. У Дунпин. История китайских иероглифов. Пекин. Издательство «Новый мир». 2006.09: с. 368-369. (на кит. яз.)
10. Сюй Шен, Тан Кэцин. Современное толкование «Шовэнь цзецзы». Чанша: Издательство Юэлу, 1997.07. с. 366-367. (на кит. яз.)
11. Сон Джинлань. Происхождение иероглифа «善» с точки зрения этимологии. Конструкция китайского языка, 1999, (выпуск 6). с. 57-59. (на кит. яз.)
12. Рон Шилунь. Современный перевод и толкование «Дао дэ цзина». Пекин: Издательство Хуалин, 2022. 357 с. (на кит. яз.)
13. Хуан Хуэй. Критические аннотации к «Луньхэну». Пекин: Издательство Чжунхуа, 2018. 1623 с. (на кит. яз.)
14. Корпус современного и древнекитайского языка Пекинского университета [электронный ресурс]. URL: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/ (дата обращения 09.04.24). (на кит. яз.)
15. Сюнь-цзы. Сюнь-цзы. Пекин: Пекинская объединенная издательская компания, 2015. 158 с. (на кит. яз.)
16. Мэн-цзы. Мэн-цзы. Наньчан: Народное издательство Цзянси, 2017.06. (на кит. яз.)
17. Ван Инлинь. Троеслоие [Электронный ресурс]. URL: https://so.gushiwen.cn/shiwenv_63bcf81b5d09.aspx (дата обращения 16.04.24).
18. Сюнь-цзы. Человеческая природа зла [электронный ресурс]. URL: <https://www.jrgsc.com/mingju/4541.html> (дата обращения 16.04.24). (на кит. яз.)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметная область рецензируемой статьи соотносится с точечным анализом лексемы «добро». В качестве основных языковых систем выбран русский и китайский языки. Думаю, что компаративный принцип вполне актуален и конструктивен. Автор выстраивает работу в режиме двучастности: первый блок ориентирован на дешифровку слова «добро» в русском языке в режиме разных ситуативных условий. Вторая часть – предметный разбор использования слова «добро» в китайском языке. В целом части равнозначны, соразмерны. Как отмечает автор, «добро» в современном русском языке понимается как высшая нравственная ценность, связывающая сознание и поведением человека с идеями бескорыстности и всепрощения. Современное сознание овеществляет и одушевляет это понятие. Добро ассоциируется со светилом, растением, воинствующей, но уязвимой силой. Понятие добра для носителя русского языка является частотным и обиходным», «в китайской языковой картине мира «добро» может быть только пассивным, добро унижают, добро нуждается в защите, и тут добро имеет образ народа, который чаще всего эксплуатируется властью, но также добро передается, добро можно поднять, добро можно воспитать, так же, как и народный дух, который не падает, пока не достигнет цели. Тут с помощью китайской философской картины мира можно увидеть влияние даосского мифологического мышления, которое проходит через призму конфуцианского». Основная цель работы заключается в дифференциации понимания лексемы «добро» на уровне разных языковых площадок. На мой взгляд, работа самостоятельна, хотя и ощущается некая зависимость от уже имеющихся наработок. Однако, и некие «реферативные» блоки вполне уместны в научных изысканиях. Как уже было отмечено, методология исследования актуальна, сопоставительный тон выдержан на протяжении всего сочинения. Должная научная новизна заключается в режиме компаратива, приведения в некую цельность / системность рассматриваемого понятия. Стиль работы имеет научный тон, термины и понятия вводятся с учетом унифицированных коннотаций. Например, «Понятия "добра и блага" были описаны "В новом объяснительном словаре синонимов" под редакцией Ю. Д. Апресяна [4], и принципиальные моменты этого описания выглядят следующим образом: добро и благо – это то, что хорошо для людей. Синонимы различаются по следующим смысловым признакам: добро абсолютно, благо относительно, добро этически ценно и связано с доброй волей человека, благо – не этическая категория, а некий положительный результат, исход дела. Добро в отличие от блага – высшая нравственная ценность», или «Конечно, этот мировоззренческий концепт имеет даже в бытовом сознании нюансы, суммирующиеся в библейском выражении «благими намерениями вымощена дорога в ад» или в упрощенном виде – «Не делай хорошо, чтобы не было плохо», но это уже предмет отдельного анализа, в ходе которого следовало бы обязательно указать на тот факт, что прототипически из двух братьев один всегда плохой, а другой хороший (добро и зло, Каин и Авель и так далее), и как бы не разнились векторы их потенции, они все равно остаются родственниками, то есть нередко встречаются, соединяются, пускай даже в ретроспективе», или «если посмотреть на две морфемы, то 善 означает добро, а 良 обозначает совесть. Мы видим, что конфуцианская концепция, где добро познается с помощью совести, имеет отражение и сейчас, но, если посмотреть на вещественную коннотацию, перед нами предстанет иная картина. Были выделены следующие лексемы по сочетаемости с глаголами с помощью корпуса древнего и современного китайского языка...» и т.д. В работе достаточно примеров, следовательно, нет смысла расширять иллюстративный фон. Структура работы соотносится с жанровым каноном научного исследования, содержание информативно. Общие требования издания учтены, поставленные задачи

решены; текст в целом не нуждается в серьезной доработке и правке. Материал может быть применим при изучении сопоставительных граней русского и китайского языков. Библиографический список полон, положительно можно оценить включение в литературу изданий разных типов. Рецензируемая статья «Понятие "добро" в русском и китайском языках» может быть рекомендована к публикации в журнале «Филология: научные исследования» ИД «Nota Bene».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Долгополова Л.А., Мустафаева А.Х. Особенности вербализации креолизованного текста журнала «Der Spiegel» // Филология: научные исследования. 2024. № 12. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.12.72899 EDN: GRKAMC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72899

Особенности вербализации креолизованного текста журнала «Der Spiegel»

Долгополова Лилия Анатольевна

ORCID: 0000-0003-1327-2454

доктор филологических наук

профессор, кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова

295044, Россия, республика Крым, г. Симферополь, ул. Бастионная, 41, оф. –

✉ lilian2000@mail.ru

Мустафаева Алие Хайрединовна

старший преподаватель; кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации; Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова

295015, Россия, республика Крым, г. Симферополь, Учебный пер., 8

✉ alie_mail@mail.ru

[Статья из рубрики "Коммуникации"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.12.72899

EDN:

GRKAMC

Дата направления статьи в редакцию:

28-12-2024

Аннотация: Статья посвящена выявлению особенностей вербализации текстов обложки, анонсирующих центральную статью журнала на ранних этапах его становления. Предметом исследования являются структурно-функциональные особенности вербализации креолизованных текстов. Объектом исследования является вербализованный элемент (основной и второстепенный тексты-подписи) креолизованного текста обложки журнала. Материалом для исследования послужили

номера немецкого журнала «Der Spiegel» за 1946-1949 гг. в период его становления. Задачи исследования: установить особенности локации вербализованного текста обложки журнала; выявить специфику функционирования основного и вспомогательного текстов во взаимосвязи с невербальными средствами обложки; определить структурные особенности вербализованного текста обложки журнала. Авторы подробно рассматривают роль основной и вспомогательной подписи в организации креолизованного текста. Особое внимание уделяется выбору основной темы журнальной обложки, обусловленному культурно-историческими условиями создания журнала. Основой исследования послужили методы структурного и функционального анализа, а также методы обобщения, систематизации и классификации, контекстологический и компонентный анализы концептуальных особенностей обложки. Впервые материалом исследования являются креолизованные тексты обложки журнала «Der Spiegel» 1946-1948 гг.; новым является выявление специфики функционирования и выбора языковых средств вербализованного текста во взаимосвязи с изображением и культурно-общественными условиям послевоенной Германии. Определены основные функции креолизованных текстов журнала и средства их выражения. Установлено, что традиции оформления обложки журнала в целом заложены с его первого номера, однако оформление и расположение вербализованного текста со временем менялось. Основной текст выделялся графически и выполнял номинативную, информативную и презентативную функции. Лексико-стилистические средства не отличаются разнообразием, практически отсутствуют ирония, сарказм, каламбуры; редко используются идиомы. В структурном плане отмечено широкое употребление именных словосочетаний. Второстепенный текст дополняет, обобщает, уточняет содержание основного текста и отсылает к содержанию анонсируемой статьи журнала. Относительная невыразительность вербализованной части креолизованного текста обложки «Der Spiegel» в период его становления связана отчасти с отсутствием необходимости борьбы за привлечение широкого круга читателей.

Ключевые слова:

креолизованный текст, вербализация, номинативная функция, информативная функция, презентативная функция, именное словосочетание, прямая номинация, непрямая номинация, структура, идиома

Введение

Динамичное развитие средств массовой информации, которое пришлось на вторую половину XX века, способствовало появлению нового лингвистического направления, получившего название медиалингвистики. Ее объектом становится язык СМИ, а для его исследования привлекаются наработки прагматики, теории речевой коммуникации, журналистики, политической лингвистики, психолингвистики, лингвокультурологии и других наук.

На сегодняшний день медиалингвистика располагает собственной терминологией и методами исследования. В то же время появление нового вида медиатекста, а именно – электронного, дает новый импульс к изучению перспективы эволюции языка средств массовой информации. В этой связи проблема становления и развития медиатекста в конкретных языках приобретает особую актуальность. Анализ исторических изменений помогает выявить тенденции развития форм и языковых средств и роли медийного текста, а также обозначить перспективы его развития.

Цель данной статьи – установить особенности вербализации анонса журнала.

Методология

Теоретической базой интерпретации вербализации креолизованного текста послужили работы отечественных лингвистов Е. Е. Анисимовой и О. А. Блиновой, а также наработки Т. Г. Матулевич и др.

Практическая часть исследования базируется на материале первых выпусков немецкого журнала «Der Spiegel» (1946-1948 гг.) [\[8\]](#). Всего – 110 номеров.

Исследование и результаты

Титульный лист или обложка журнала играет важную роль в привлечении внимания потенциальных читателей. Перед издателем, как правило, стоит задача, с одной стороны, создания своего неповторимого «лица» журнала, с другой стороны, соответствия запросам современного читателя. Создание обложки предполагает совместное участие специалистов различного профиля – дизайнера, графика, фотографа, журналиста и др., поскольку именно обложка в большей степени отражает концепцию издания и привлекает «потенциальных читателей своей красочностью и демонстрацией содержания номера» [\[4, с. 32\]](#).

Несмотря на тот факт, что именно с обложки начинается знакомство читателя с журналом, интерес к ней как объекту научного исследования сформировался относительно недавно – на рубеже XX-XXI веков, что, в свою очередь, проявляется в дискуссионном характере выбора соответствующего термина. Сегодня обложку чаще всего рассматривают как мультимодальный [\[3\]](#) или креолизованный текст [\[5; 6\]](#). Его особенность проявляется в привлечении для его создания вербальных и невербальных средств [\[7, с.180\]](#).

При этом, соотношение вербальных и невербальных средств может быть различным. В зависимости от роли вербальных средств подписи Е. Е. Анисимова выделяет три основные группы текстов:

- креолизованные тексты, состоящие из изображения и подписи (или ряда изображений и подписей под ними);
- креолизованные тексты, не включающие в свой состав подписи;
- креолизованные тексты, состоящие из вербального (основного) текста, изображения и подписи (или ряда изображений и подписей под ними) [\[2, с. 65-67\]](#).

На обложке современных англоязычных журналов изображение может доминировать, в то время как текстовый элемент дан не вблизи, а «отложен» во времени и пространстве» [\[3, с. 15\]](#), послужило основанием для О. А. Блиновой выделить дополнительную группу креолизованных текстов.

Журнал «Der Spiegel» позиционирует себя как информационно-политический с самым большим тиражом в Германии и Европе. Его первый номер вышел 16 ноября 1946 года под названием «Diese Woche», концепция которого во многом соответствовала англоязычному журналу «Time». С названием «Diese Woche» вышло 6 номеров, а с января 1947 года журнал стал выходить как «Der Spiegel» [\[1\]](#).

Традиция оформления обложки, где доминируют три цвета: красный, черный (темный) и белый, была заложена уже в 1946 году. На титульной странице журнала располагается фотография или изображение, занимающие основную площадь обложки. Название журнала и его выходные данные находятся вверху. Местонахождение вербализованного текста-подписи, анонсирующего актуальную тему журнала, со временем поменялось. В рассматриваемый нами период подпись находилась внизу и имела такие особенности оформления: сначала подавался основной текст заглавными буквами, а на следующей строке шло пояснение / уточнение в виде вспомогательного текста и отсылка к рубрике, где помещалась анонсируемая информация, напр.:

MIT DEM HUT IN DER HAND –

wird man ein befreites Land. Österreichs Gesandter Dr. Kleinwächter vor dem Weissen Haus (sieh „Ausland“) (1/47).

По классификации Е. Е. Анисимовой такой креолизованный текст скорее относится к третьему типу, где подпись «выступает в качестве вспомогательного, однако особо функционально емкого компонента текста, “отвечающего за идентификацию изображения и связь с основным текстом”» [\[2, с. 67\]](#).

Таким образом, основную смысловую нагрузку на обложке «Der Spiegel» 1946-1948 гг. несет изображение, поскольку оно занимает центральное положение, так как согласно канонам верстки медиатекстов наиболее важная информация располагается вверху и в центре. На всех выпусках журнала того периода помещены исключительно фотографии людей, которые в той или иной мере причастны к анонсируемой статье. Такой формат обложки в 1946-1948 гг. остается неизменным.

Предварительный анализ показывает, что основной текст преимущественно выполняет номинативную функцию. При этом он может быть ориентирован на 1) содержание самого изображения, 2) содержание фотографии и основного вербального текста, 3) содержание основного текста [\[2, с. 67-68\]](#).

Рассмотрим некоторые особенности их реализации.

1) текст, ориентированный на содержание фотографии. Данный тип встречается в рассматриваемых нами журналах достаточно редко. В этом случае может использоваться фотография-сюжет или постановочная фотография, отражающие содержание анонсируемой статьи.

Креолизованный текст с фотосюжетом и текстом-названием представлен на обложке журнала 3/46:

FRAUEN AM STACHELDRAHT

"Schickt uns unsere 6 Millionen Gefangene zurück", fordert Kurt Schumacher.

Основной текст *FRAUEN AM STACHELDRAHT* Женщины за колючей проволокой' сопровождает фотографию женщин разного возраста за колючей проволокой, держащих в руках листки бумаги. Представленный креолизованный текст не требует дополнительной интерпретации, поскольку связь между изображением и подписью прозрачна.

Вспомогательный текст "*Schickt uns unsere 6 Millionen Gefangene zurück*", fordert Kurt Schumacher 'Верните нам наших 6 миллионов пленных», требует Курт Шумахер' содержит

цитату популярного немецкого политика, одного из основателей ФРГ Карла Шумахера, бывшего заключенного концлагеря. Эта подпись соотносится с основной статьей журнала, где помещен соответствующий материал.

На обложке журнала 6/47 размещена постановочная фотография с мужчиной, выглядывающим из снежного отверстия. Подпись-название под снимком звучит как *Das Loch im eisigen Vorhang* 'Дыра в ледяном занавесе', что в полной мере соответствует изображению. Вспомогательный текст *999er kehren bei minus 15 Grad in die Ostzone heim* '999 человек возвращаются домой в восточную зону при температуре минус 15 градусов' анонсирует центральную тему журнала и раскрывает появление такой фотографии. Как и в предыдущем примере, снимок и основной текст в роли подписи-названия выступают автономно, но в то же время коррелируют с главной статьей журнала.

2) текст, ориентированный на содержание фотографии и на содержание журнальной статьи. Непосредственная связь с фотографией осуществляется с помощью основного текста подписи, а связь с журнальной статьей исполняет вспомогательный текст, напр.:

DER KUSS DES PATRIARCHEN

Erzbischof Athenagoras überreicht Präsident Truman das Großkreuz des heiligen Grabes (siehe Ausland) (8/47).

Основной текст *DER KUSS DES PATRIARCHEN* 'Поцелуй патриарха' располагается под фотографией мужчины в церковном одеянии, целующего в лоб другого. Вспомогательный текст *Erzbischof Athenagoras überreicht Präsident Truman das Großkreuz des heiligen Grabes* 'Архиепископ Афинагор вручает президенту Трумэну Большой крест Гроба Господня', во-первых, называет достаточно важное для мировой общественности событие; во-вторых, представляет известные мировые личности – президента США Трумэна и архиепископа Афинагора. В совокупности фотография и текст привлекают читателя необычностью запечатленного действия и основного текста, упоминающего высокий церковный сан.

На обложке номера 23/47 помещена фотография Вильгельма Пика с тростью, известного и популярного на тот момент политика. Основной текст к ней *Piek an Bebels Wanderstab* 'Пик с тростью Бебеля' также выполняет назывную функцию, которая сопровождается презентацией двух немецких политиков – самого Вильгельма Пика и его предшественника Августа Бебеля. Обоих политиков объединяют социал-демократические взгляды.

Второстепенный текст *"Man hat unsere Genossen behandelt wie Aussätzige"* 'С нашими товарищами обращались как с прокаженными' является цитатой В. Пика и отсылает читателя к основной статье журнала.

2) текст, ориентированный на содержание основного текста. Основной текст обложки журнала 32/48 *Das Land der Schwaben* 'Земля швабов' расположен под фотографией мужчины, рассматривающего через лупу глобус. Вспомогательный текст *Reinhold Maier* 'Райнхольд Майер', сообщает читателю имя изображенного на фотографии немецкого политика. Взаимосвязь текста и фотографии становится ясной при обращении читателя к статье, где Райнхольд Майер показан как министр-президент земли Баден-Вюртемберг, где проживает этническая группа немцев *швабы*.

Основной текст в номинативной функции, имеющий форму *именного словосочетания*, напр., *Demokratie unter Trümmern* (3/47), *Friede auf Erden* (5+6/46), *Unterm Kreuz* (20/47)

и др. подписи-названия в форме предложения, напр., *Max Reimann (KPD) reist nach London (9/47)*; *Kron-Kolonisten klopfen auf den Busch (35/47)*; *Tiefseetaucher ganz versunken (38/47)* встречаются реже.

Информативная функция основных текстов в рассматриваемых источниках реализуется в основном в роли подписи-обобщения. Она может быть оформлена как предложение *So schreibt man „Gerstenbergs“* 'Так пишутся „Gerstenbergs“', где автор подписи резюмирует информацию анонсируемой статьи об известном немецком актере Акселе фон Амбессере, к которой читателя отсылает второстепенный текст *Axel von Ambesser Stücke Münchener Theater* 'Спектакли Акселя фон Амбессера в Мюнхенском театре'.

Основной текст *Musik macht sie zu Königen* 'Музыка делает их королями' к фотографии двух известных музыкантов на обложке журнала 2/47 сопровождается высокой оценкой профессионалов, чьи имена презентует вспомогательный текст *Le Roi du Jazz Django Reinhardt besucht den King of Jazz Paul Whiteman* 'Король джаза Джанго Рейнхардт в гостях у короля джаза Пола Уайтмена'. Стоит отметить, что в основном и второстепенном текстах номинация *король джаза* употребляется на трех языках: немецком, французском и английском. Французское *Le Roi du Jazz* и английское *King of Jazz* указывают на принадлежность известных музыкантов к франкоязычному (Django Reinhardt) и англоязычному миру (Paul Whiteman). Для адекватного понимания такого креолизованного текста читателю необходимо владеть соответствующими фоновыми знаниями того времени в области мировой культуры.

Обобщение может иметь также форму словосочетания, напр., сравнения: *Wie im Film* 'Как в кино'. В креолизованный текст входит фотография известных французских артистов Мориса Шевалье и Марсель Деррьен. Их имена и дополнительную информацию, анонсирующую содержание центральной статьи журнала, сообщает вспомогательный текст обложки: *Maurice Chevalier und Marcelle Derrien nach ihrem Brüsseler Triumph* 'Морис Шевалье и Марсель Деррьен после триумфа в Брюсселе'. Очевидно, что читателю основной текст и снимок артистов недостаточны для понимания главной темы журнала. Раскрытие значения подписи *Wie im Film* возможно лишь после ознакомления с полным текстом статьи.

Основной текст обложки журнала может функционировать как презентация человека, которому посвящена центральная статья номера. Креолизованный текст в этом случае включает его фотографию. В период 1946-1948 года лицами для обложки становились чаще всего немецкие политические и государственные деятели того времени Курт Шумахер, Макс Рейман, Якоб Кайзер, обер-бургомистр Берлина Артур Вернер, а также представители мировой политики: президент США Г. Трумэн, британский политический и государственный деятель Уинстон Черчилль, принцесса Великобритании Елизавета, министр по делам Германии и Австрии Джон Хайнд, премьер-министр Франции Жорж-Огюстен Бидо, комендант советского сектора Берлина А. Г. Котиков; переводчик главы ООН Каминкер; религиозные деятели папа Пий XII, спортсмены Нойзель, писатели Э.-М. Ремарк, Томас Манн; немецкие актеры Хайди Шарф и всемирно известные актеры Ингрид Бергманн, Грета Гарбо и др.

Основной текст подписи может быть представлен в виде цитаты с указанием ее автора, напр.,

„GEHEN WIR ANGELN“

Reservist Dwight D. Eisenhower (7/48)

Цитата *GEHEN WIR ANGELN* 'Пойдем на рыбалку' взята из интервью с начальником штаба США (1945-1948) Дуайтом Д. Эйзенхауэром, на тот момент широко известным политиком и военным. Его имя на обложке номера названо во вспомогательном тексте, который вместе с репликой формируют единый текст. Такое оформление подписи в журнале того времени достаточно распространено.

Реже встречается схема, где имя употребляется в основном тексте, а вспомогательный текст представлен в виде реплики, как, напр.,

KAPITÄN KUBEL

Nein, meine Messe lass ich nicht (21/48)

Такое оформление могло появиться по причине того, что немецкий капитан Вильгельм Кубель, несмотря на свою воинскую доблесть в вермахте, не был широко известен обществу.

Чаще всего для презентации реализуется следующая схема, где в основном тексте представлена непрякая номинация личности, а его имя присутствует во вспомогательном тексте. Непрякая номинация может быть в виде *метафоры* (13/48):

ITALIENSSTRESEMANN

Graf Sforza öffnet die Tür

В основном тексте *ITALIENS STRESEMANN* 'Итальянский Штреземанн' итальянский политик граф Карло Сфорца назван по имени немецкого политика Густава Штреземана. Известно, что оба политика возглавляли на тот момент министерство иностранных дел своих государств.

Презентация может быть реализована с помощью идиом, напр.: *DER SCHWARZ MALER* 'пессимист' (дословно: *черный художник*) о Уинстоне Черчилле. Вероятно, что в этом случае мы имеем дело с игрой слов, поскольку вспомогательный текст *Winston Churchill schreibt Geschichte* 'Уинстон Черчилль творит / пишет историю' может указывать на то, что в процессе создания истории доминируют темные краски.

Имя персоны может отсутствовать как в главном, так и вспомогательном тексте. Идентификация в этом случае происходит исключительно при помощи изображения или каких-либо отсылок во вспомогательном тексте, напр.: основной текст номера 10/47 *Sein Name bedeutet Hammer* 'Его имя означает «молоток»', располагается под фотографией министра иностранных дел СССР В. М. Молотова. Во вспомогательном тексте *Auf dem Teller liegt die deutsche Konkursmasse* 'Дело о банкротстве Германии находится на рассмотрении' его фамилия отсутствует. Идентификация В. М. Молотова возможна благодаря тому, что министр был хорошо известен немецким читателям ещё с довоенных времен. Кроме того, на фамилию Молотова указывает ее немецкое соответствие *Hammer* 'молоток'.

В журнале 47/47 *Friedens Marshall* 'Маршал мира' также использована игра слов, на что указывает вспомогательный текст *Sein Name wurde Programm* 'Его имя стало программой'. Речь идет о государственном секретаре США Дж. К. Маршалле, с чьим именем связана программа оказания иностранной помощи странам Европы после Второй мировой войны. Именно второстепенный текст дает понять, что *Marshall* – не звание, а фамилия.

В большинстве случаев презентация имеет форму словосочетания и указывает на характер деятельности персоны, напр., *Der Meister vom Dom* (51+52/47), *Dolmetscher des Volkswillen* (36/47), *Vizekönig über ein viertel Deutschlands* (39/47), *Senior Partner* (50/47), *Ein grosser Bühnenbildner* (44/47); подает информацию в виде обобщения, напр., *Politiker ohne Feinde* (13/47), *Kolumbus der Lüfte* (18/47) "*Erste Dame der Lichtstadt*" (31/47), *US Reporter Nr.1.* (43/47), *Abgott von Paris* (45/47) и др.

Выводы

Таким образом, немецкий журнал «Der Spiegel», появление которого приходится на послевоенное время, на начальном этапе своего становления формирует креолизованный текст, элементы которого сохраняются и по сей день. Невербальная часть обложки 1946-48 гг. представлена исключительно фотографией. Вербальная часть состоит из основного текста, который графически выделен и находится под снимком, и второстепенного текста, который дополняет, обобщает или раскрывает совокупность изображения и основного текста. Основной текст выполняет номинативную, информативную и презентативную функции. Его структура компактна и оформлена в виде именных словосочетаний или простых нераспространенных предложений. Лексико-стилистические средства как аллюзии, игра слов, ирония, сарказм и пр., а также заимствования и фразеологизмы используются крайне редко. Незначительное употребление смысловых глаголов придает вербальному тексту статичность. Тематика креолизованных текстов рассматриваемого периода включает внутреннюю и внешнюю политику, мировую и немецкую культуру.

Достаточно скромное оформление вербализованного текста обложки и преимущественное употребление в нем прямой номинации можно объяснить повышенным интересом населения того времени к информационно-политическим средствам массовой информации, что не требовало от издателей журналов дополнительных средств вербализации для привлечения читателя.

Библиография

1. Александрова Е. Правдивое зеркало эпохи: журналу «Шпигель»–75. URL: <https://germania-online.diplo.de/ru-dz-ru/gesellschaft/medien/2509212-2509212>.
2. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) / Е. Е. Анисимова. Москва: Академия, 2003. 128 с.
3. Блинова О. А. Обложка журнала как мультимодальный текст // Научный диалог. 2019. № 5. С. 9-24.
4. Гапонова Ж. К., Ежова Т.И. Обложка как отражение концепции современного издания (на примере научно-популярного журнала «наука и жизнь» // Сборник трудов конференции «Человек в информационном пространстве». Ярославль, 13-15 ноября 2014, Ярославль : Ярославльский государственный педагогический университет имени К. Д. Ушинского. С. 26-32.
5. Исхакова О. С. Динамика развития журнала моды как креолизованного текста (на материале английского глянцевого журнала Harper's Bazaar) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 7(61). Ч 2. С. 104-106.
6. Матулевич Т. Г. Вербальный компонент обложечного креолизованного анонса в журнале «The Economist» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 11(89). Ч 2. С. 360-372.
7. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. Москва: Наука, 1990. С. 180-186.
8. Spiegel Antiquariat. URL: <https://www.spiegel-antiquariat.de/spiegel-zeitung-1946->

1959/.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования рецензируемой статьи касается особенностей вербализации креолизованного текста на примере журнала «Der Spiegel». Автор дает полновесную разверстку первых выпусков немецкого журнала 1946-1948 годов. Считаю, что определенная фундаментальность и объективность в этом есть, да и наработанный материал можно продуктивно использовать далее. Статья дробится на ряд обязательных смысловых блоков, это дает возможность читателям следить за логикой развития исследовательской мысли. Суждения по ходу работы выверены, стиль соотносится с научным типом: например, «несмотря на тот факт, что именно с обложки начинается знакомство читателя с журналом, интерес к ней как объекту научного исследования сформировался относительно недавно – на рубеже XX-XXI веков, что, в свою очередь, проявляется в дискуссионном характере выбора соответствующего термина. Сегодня обложку чаще всего рассматривают как мультимодальный [3] или креолизованный текст [5; 6]. Его особенность проявляется в привлечении для его создания вербальных и невербальных средств [7, с.180]», или «Журнал «Der Spiegel» позиционирует себя как информационно-политический с самым большим тиражом в Германии и Европе. Его первый номер вышел 16 ноября 1946 года под названием «Diese Woche», концепция которого во многом соответствовала англоязычному журналу «Time». С названием «Diese Woche» вышло 6 номеров, а с января 1947 года журнал стал выходить как «Der Spiegel» [1]» и т.д. Как видим формальный грейд выдержан, цитации / сноски верифицированы. На мой взгляд, методология исследования актуальна, принцип целостной оценки с учетом систематизации дает возможность раскрыть суть вопроса, да и тему представить в рамках полновесной рецепции. В свою очередь актуальность данного труда в том, что креолизованный текст явление многоуровневое, вербальная и невербальная части вступают друг с другом в определенный компромисс, который в частом случае может быть интерпретирован по-разному. Следовательно, данный материал нов, интересен, значим. Новизна исследования заключается в том, что журнал «Der Spiegel» 1946-1948 годов впервые рассматривается в подобной синкретике. Работа наукообразна, оригинальна, самостоятельна; ее можно использовать при изучении ряда курсов гуманитарного профиля подготовки. Вектор аналитики имеет высокий уровень: например, «На обложке журнала 6/47 размещена постановочная фотография с мужчиной, выглядывающим из снежного отверстия. Подпись-название под снимком звучит как Das Loch im eisigen Vorhang 'Дыра в ледяном занавесе', что в полной мере соответствует изображению. Вспомогательный текст 999er kehren bei minus 15 Grad in die Ostzone heim '999 человек возвращаются домой в восточную зону при температуре минус 15 градусов' анонсирует центральную тему журнала и раскрывает появление такой фотографии. Как и в предыдущем примере, снимок и основной текст в роли подписи-названия выступают автономно, но в то же время коррелируют с главной статьей журнала» и т.д. Структура текста выдержана в рамках жанра, комбинация удобна для полновесного восприятия материала. Библиография к работе достаточна, хотя работ теоретического порядка могло быть более. Выводы не противоречат основной части, автор отмечает, что «немецкий журнал «Der Spiegel», появление которого приходится на послевоенное время, на начальном этапе своего становления формирует креолизованный текст, элементы которого сохраняются и по сей день. Невербальная

часть обложки 1946-48 гг. представлена исключительно фотографией. Вербальная часть состоит из основного текста, который графически выделен и находится под снимком, и второстепенного текста, который дополняет, обобщает или раскрывает совокупность изображения и основного текста. Основной текст выполняет номинативную, информативную и презентативную функции. Его структура компактна и оформлена в виде именных словосочетаний или простых нераспространенных предложений. Лексико-стилистические средства как аллюзии, игра слов, ирония, сарказм и пр., а также заимствования и фразеологизмы используются крайне редко...». Цель данной работы достигнута, считаю, что аргументация позиции автора полновесна, т.о. серьезных замечаний к тексту нет. Рекомендую рецензируемую статью «Особенности вербализации креолизованного текста журнала «Der Spiegel» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Яремчук А.В. Прагматическая функция неологизмов в современном российском медиадискурсе // Филология: научные исследования. 2024. № 12. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.12.72721 EDN: GPAREK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72721

Прагматическая функция неологизмов в современном российском медиадискурсе

Яремчук Александр Владимирович

аспирант; кафедра русского языка и культуры речи; Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

344113, Россия, Ростовская область, г. Ростов-На-Дону, пр-т Королева, 13

✉ alex.v.yaremchuk@gmail.com

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.12.72721

EDN:

GPAREK

Дата направления статьи в редакцию:

15-12-2024

Аннотация: Предметом исследования данной статьи является прагматическая функция неологизмов в современном российском медиадискурсе. Работа посвящена изучению механизмов интеграции как внутриязыковых, так и иноязычных неологизмов в медиапространство России, их роли в создании выразительности и эффективности коммуникации. Особое внимание уделяется анализу лексических единиц, способных адаптироваться к изменяющимся социальным и культурным условиям. Исследуются их влияние на формирование общественного восприятия, реализация различных функций в медиатекстах и их связь с актуальными событиями. Примеры включают неологизмы, такие как «антимасочник», «удалёнка», «сторителлинг» и «коворкинг». Анализ демонстрирует, как эти элементы способствуют модернизации языка, его обогащению и отражению текущих реалий. Работа акцентирует внимание на важности медиадискурса как инструмента распространения и закрепления языковых инноваций. В работе применяются методы контекстуального анализа, лексико-семантической классификации и интерпретации языковых единиц, что позволяет систематизировать и классифицировать неологизмы по их функциям в медиадискурсе. Научная новизна

исследования заключается в выявлении прагматической функции неологизмов в медиадискурсе, демонстрирующей их ключевую роль в формировании современных медийных текстов. Автор выявляет, что внутриязыковые неологизмы способствуют сохранению культурной идентичности, создавая эмоциональную выразительность текстов, в то время как иноязычные заимствования акцентируют международный характер событий и модернизацию языка. Работа раскрывает, что интеграция неологизмов позволяет медиадискурсу оставаться актуальным, модернизированным и коммуникативно эффективным. Сделан вывод, что использование неологизмов в СМИ обогащает русский язык, способствует развитию культурного контекста и формирует новые способы восприятия информации. Это исследование может стать основой для создания лексикографических и переводческих решений, а также для оптимизации стратегий медийной и рекламной коммуникации.

Ключевые слова:

прагматическая функция неологизмов, лингвистика, прагматика, семантика, семиотика, синтактика, медиадискурс, иноязычные неологизмы, информативная функция, заимствования

Лингвистическая прагматика и прагматическая функция слова

Язык давно не просто система звуковых и словарно-грамматических средств, которые закрепляют результаты работы мышления. С помощью языка и речи носители общаются друг с другом, а также обмениваются мыслями и выражают свое отношение к тем или иным вещам. Раздел семиотики, который занимается изучением отношений между такими знаковыми системами и теми, кто их использует, называется **прагматика**. Само понятие ввел философ Чарлз Уильям Моррис в 1938 г., когда был опубликован его научный труд «Signs, Language and Behavior» [\[21\]](#). В нем он не только развивал идеи американского прагматизма и аналитической философии, но и вывел такое понятие как семиотика (науки о знаках). В своей работе Ч.Моррис создал теорию знаков, а также пытался объяснить их природу, функции и взаимодействие в различных системах. В итоге, он рассмотрел семиотику как синтез трех разных направлений:

- **Семантика** — наука, которая изучает значение знаков и отношений между ними, а также объектами, которые они обозначают.
- **Синтактика** — наука, изучающая отношения между знаками в знаковых системах.
- **Прагматика** — наука, которая изучает отношений между знаками и их пользователями.

Таким образом, «Прагматика» как раздел семиотики и лингвистики изучает то, как ведут себя знаки (в том числе слова и выражения) в коммуникативных процессах. Прагматика также про способность носителей языка выразить с помощью отдельных слов или синтаксических конструкций свои собственные намерения и понимать намерения собеседника; т.е. зачем и почему он произнес то или иное высказывание, исходя из контекста, ситуации, в которой было произнесено высказывание. Это позволяет один и тот же объект, или предмет, называть по-разному. Б.Ю. Норман в качестве примера приводил лексемы, которыми можно назвать активного и непослушного ребенка: от «сорванца» до «сорвиголовы» [\[13\]](#).

Среди российских ученых, которые изучали функционирование прагматики и ее функций

в русском языке, были Ю.М. Лотман, В.В. Виноградов, А.М. Пятигорский и др. На основе трудов Чарлза Морриса, а также Джона Остина, русские лингвисты смогли внести значительный вклад в развитие общей теории прагматики, применяя ее концепции к особенностям русского языка и расширяя понимание прагматической функции языка в целом.

Если рассматривать конкретно русский язык, то в нем отводится большая роль реализации той или иной прагматической функции. В устной речи это делают при помощи лексических средств (слова-маркеры; оценочная лексика; эмоционально окрашенные слова и выражения), интонаций, грамматических и паралингвистических средств, а также при помощи модальных слов и частиц. В письменной речи средств куда больше: помимо вышперечисленных, можно также упомянуть синтаксические средства, вводные конструкции, союзы, графические средства, тропы, цитаты и ссылки. Однако если мы рассматриваем то, как реализуется прагматическая функция в медиадискурсе, то здесь ситуация обстоит иначе.

Особенности реализации прагматической функции в контексте медиадискурса

Само понятие медиадискурса подразумевает под собой синергию продуктов и процессов речевой деятельности в такой сфере, как массовые коммуникации. Благодаря медиадискурсу можно получить культурный и языковой срез общества в его нынешнем положении [2]. Медиадискурс является своеобразным зеркалом общества, а также его участников. По медиадискурсу можно считывать общественные настроения и отношение к тем или иным темам. В конце XX в. была сформирована коммуникационная модель, по которой медиадискурс «работает» до сих пор. Состоит она из следующих компонентов [4-5]:

- **Отправитель сообщения** (в нашем случае это СМИ, т.е. адресант);
- **Получатель сообщения** (аудитория СМИ, т.е. адресат);
- **Канал** (это может быть газета, интернет-портал, радио, телевидение и т.д.);
- **Сообщение** (новость, заметка, материала, которые сформированы отправителем);
- **Обратная связь** (формируется **получателями** в рамках реакции на сообщение **отправителя**);
- **Кодирование и декодирование;**
- **Контекст.**

Конкретно на этом контексте нам бы и хотелось остановиться, ведь именно он оказывает влияние не только на действительность, но и на прагматическую функцию сообщения, а также отправителя и получателя. Если текст и устная речь имеют пересечения лишь в некоторых средствах для реализации прагматической функции, то в медиадискурсе буквально нет ограничений на использование языковых средств: ведь сам по себе медиадискурс является комплексным и мультимедийным явлением.

Как уже ранее отмечалось, медиадискурс обладает различными каналами для предоставления сообщений адресатам. Среди них присутствуют периодические издания, телевидение, радио и интернет [17]. Благодаря радио и звуку, любому информационному сообщению, в рамках медийного дискурса, можно придавать ту или иную прагматическую функцию, используя паралингвистические средства, интонации и др. Телевидение же

позволяет использовать те же инструменты, но также визуально сопровождать текст и рассказ диктора. Интернет не только объединяет вышеупомянутые средства реализации, но и позволяет более предметно и детально работать с контекстом, а также с обратной связью, которая прямо или косвенно поступает и влияет на дальнейшее формирование сообщения и медиадискурс в целом. Однако ключевым фактором в рамках реализации прагматических функций в медиадискурсе, на наш взгляд, являются неологизмы.

Сами по себе неологизмы могут быть заимствованиями, новыми фразеологизмами и словами, которые постоянно появляются в языке. Как отмечает в своем словаре А.Н. Николюкин, отследить историю возникновения таких лексем, а конкретно общеязыковых неологизмов, зачастую трудно, так как большая их часть возникает анонимно [12]. Сами же неологизмы классифицируются как по источнику появления, назначению и способам возникновения. Также в языке присутствуют индивидуально-авторские неологизмы, которые формируются исходя из конкретных художественных целей. Однако в рамках проведенного нами анализа и изучения других исследований мы можем заключить, что по большей части неологизмы формируются для того, чтобы называть новые явления и предметы. Помимо этого, неологизмы способны реализовать те или иные прагматические функции, как и любая другая часть речи в языке.

Если же говорить о самом медиадискурсе и его связи с неологизмами, то стоит отметить тот факт, что сам по себе медиадискурс очень сильно зависит от актуальности и общей информационной и новостной повестки [21]. Его участникам, как адресантам, так и адресатам, важно оперативно и четко реагировать на те или иные события, которые в дальнейшем становятся частью медийного дискурса. Помимо этого, сохраняется необходимость реализовывать какую-то конкретную прагматическую функцию, по средствам использования не только устоявшихся в русском языке лексем, но и новых слов. Таким образом, неологизмы, попадая и становясь частью медийного дискурса, решают сразу несколько спорных моментов для отправителя и получателя:

- Возрастает оперативность получения информации;
- Обогащается язык реципиента (в нашем случае это русский язык);
- Отправителю удается создать более тесный контакт с получателем информации;
- Ускоренная интеграция в глобальные языковые процессы носителей языка реципиента;

Мы не отрицаем, что на каждый положительный аспект можно найти и отрицательный, к примеру, обильное использование англицизмов может привести к засорению языка и его деградации. Поэтому все чаще и чаще из уст не только ученых, которые занимаются вопросами экологии языка, ученых-пуристов, но и политических деятелей звучат слова о необходимости «избавляться» от иностранных слов [22], а также как-то регулировать их использование в языке. Но, несмотря на конфликты, использование неологизмов (в том числе иноязычных) помогает, в первую очередь, формировать нужные образы и нарративы. Далее, в рамках анализа прагматической функции неологизмов в медиадискурсе, мы бы хотели разделить неологизмы по двум следующим группам:

- Неологизмы, образованные за счет ресурсов русского языка
- Иноязычные неологизмы

Дело в том, что благодаря разнице между ними, в медиатекстах они решают совершенно

разные задачи и выполняют непохожие прагматические функции.

Примеры реализации прагматической функции в медиадискурсе на примере неологизмов, образованных за счет ресурсов русского языка

Взять, к примеру слово «**кинодел**» - неологизм, который возник в результате сложения двух основ: кино — основа, происходящая от греческого корня *kineo* (движение), которая в русском языке устоялась как сокращение от «кинематограф» и «дел» — суффиксально обрезанная часть основы, происходящей от глагола делать, что указывает на процесс или результат деятельности. Конкретно такое словообразование (через соединение частей) подчеркивает изначальное стремление к экономии языковых средств и созданию лаконично-разговорного наименования. Если взглянуть на материал «Звезда “Ведьмака” раскрыл свое отношение к постельным сценам» [23], то мы можем увидеть, какие прагматические функции были реализованы в контексте данного материала.

Если такие термины, как «режиссер» или «кинематографист», применяются для подчеркивания статуса, то лексема «кинодел» в своей семантике акцентирует внимание не на творческом потенциале, а на ремесленном, иногда даже механическом подходе к работе с кинематографом. Данный неологизм словно дистанцирует автора высказывания от объекта критики, выражая скептическое отношение к современным трендам в кино. «Кавилл заявил, что современные *киноделы* злоупотребляют постельными сценами. Большая часть из них, по мнению актера, не несет смысла и доставляет дискомфорт на съемочной площадке»: использование глагола «злоупотреблять», а также акцентирование внимания на том факте, что смысла в таких эпизодах нет, позволяет автору дополнительно подчеркнуть эмоционально окрашенный контекст.

В эпоху коронавируса в русском языке успело появиться множество неологизмов с эмоциональным контекстом. К примеру, один из них это «**Антимасочник**» — состоит из приставки «анти-» (указывает на противодействие, отрицание) и основы «масочник» (человек, который носит маску). Суффикс «-ник» имеет значение принадлежности. Обычно данную лексему применяли к тем, кто отказывался носить маску в общественных местах во время пандемии. В статье из «Московского Комсомольца» — «Поездка под охраной: в новгородских автобусах появятся тревожные кнопки» [24] данное слово встречается в следующем предложении: «В октябре пандемийного 2020 года 36-летний мужчина открыл стрельбу из травматического пистолета после того, как кондуктор попросила его надеть маску или выйти из салона, водитель отказался ехать дальше, а попутчики попробовали высадить *антимасочника*. Одна из четырех выпущенных пуль попала в ногу другого пассажира». Как мы видим, данное слово используется для описания пассажира, который отказался надеть маску по правилам санитарных норм. Использование данного неологизма в контексте описания конфликта лишь усиливает негативное отношение автора к асоциальному поведению человека. Оно также служит маркером социального явления, связанного с пандемией COVID-19, когда протесты против обязательного ношения масок были частью общественных дискуссий. Таким образом, данный неологизм в рассматриваемой статье выполняет несколько функций:

1. Информативная — термин обозначает конкретный тип поведения, связанный с отказом от ношения масок, что в контексте пандемии стало значимым явлением.
2. Оценочная — слово имеет негативный оттенок, который выстраивает ассоциацию с антиобщественным поведением и нарушением правил. Дополнительное упоминание «стрельбы» лишь помогает усилить данную функцию.

3. Идентификационная — данная лексема позволяет выделить социальную группу людей, которые не признают обязательность санитарных норм, создавая основу для их обсуждения или осуждения.

Если подытожить, то «антимасочник» в статье выполняет важную функцию: оно не только обозначает конкретное явление, но и формирует отношение аудитории к описываемой ситуации. Данный неологизм во время пандемии отражал динамику современных социальных процессов и адаптацию русского языка к новым реалиям. При этом сама лексема сохранила выразительность и эмоциональную насыщенность.

Другим неологизмом, который также сохраняет определенную эмоциональную окраску и выполняет ряд прагматических функций, является «удалёнка». Оно представляет из себя разговорное сокращение от термина «удалённая работа». Образовано посредством суффиксального словообразования (-к-), которое характерно для образования разговорных форм с уменьшительно-ласкательным или упрощенным оттенком значения. В данном случае слово приобретает неформальный характер и используется для обозначения удалённого формата работы, особенно популярного в условиях пандемии COVID-19.

В статье издания news.ru, автор использует лексему для идентификации формата работы, который подразумевает участие в рабочих процессах из дома. С одной стороны, автор использует этот неологизм для того, чтобы подчеркнуть популярность и массовость данного явления, а с другой, его противоречивость: «Специалист по кибербезопасности Сергей Вакулин ранее предупредил, что веб-программистов и веб-дизайнеров в будущем может полностью заменить искусственный интеллект. По его словам, большинство программистов работают на удаленке, что выгодно для организаций, но чем выше численность работников компании, тем больше в ней бездельников» [25]. Как мы можем видеть, с одной стороны, автор, используя мнение эксперта, подчеркивает экономическую выгоду данного типа работы, а с другой — критически оценивается из-за возможности снижения производительности (роста числа «бездельников»).

По аналогии с лексемой «антимасочник», неологизм также реализует работу информативной, оценочной и идентификационной функции слова. Лексема обозначает четкий формат работы, позволяет использовать двойственное значение (в контексте предложения) и, помимо этого, реализует экспрессивную функцию через противопоставление и использование ассоциативной связи «программисты работают на удаленке»: «выгодно»; «чем их больше - тем больше бездельников»).

Реализация прагматической функции в медиадискурсе на примере иноязычных неологизмов

Среди неологизмов много иноязычных заимствований. Некоторые из них закрепились со временем и стали уже полноценной частью русского языка, остальные же естественным образом вышли из употребления и сохранились лишь в словарях и исследованиях. Сказать точно, что будет с неологизмами, которые мы рассматриваем, через несколько десятков лет, — проблематично. Однако, как в случае и с другими неологизмами-заимствованиями, их необходимость в русском языке покажет время. Сейчас же хотелось бы остановиться на анализе конкретных лексем в рамках изучения их прагматической функции.

Слово «сторителлинг» (от англ. storytelling) пришло из английского языка и подразумевает процесс «рассказа истории». В русский язык данная лексема попала без

изменения формы, сохранив семантическую и фонетическую идентичность. К примеру, в статье издания «Ведомости», а именно в материале «Драники с крабом и хинкали «Том-ям»: что попробовать в ресторанах Владивостока» [26] неологизм употребляется в следующем контексте: «Согласно сторителлингу команды проекта, хитрая нимфа Цирцея не хотела отпускать от себя красавца Улисса с острова Восход и создала место, в котором неизвестная ему азиатская культура перевернула его сознание. Насколько это так – вопрос спорный, но гостей ресторана точно впечатлят чайные церемонии, традиционные ритуалы Азии и свежайшие морепродукты». В данном фрагменте мы можем наблюдать, как неологизм используется в контексте описания маркетинговой концепции ресторана. «Сторителлинг» конкретно в этом случае обозначает не просто рассказ о проекте, а его стратегии, которая направлена на создание эмоциональной связи между брендом и аудиторией через увлекательную историю. С помощью этого термина автор статьи подчеркивает, что владельцы данного ресторана озаботились не только качеством продуктов и блюд, но и имиджем. Прагматическая функция неологизма «сторителлинг» в данном случае заключается в следующем:

1. Реализация информативной функции. Благодаря неологизму автор уточняет, что коммуникация ресторана с гостями строится не только на продуктах и услугах, но и на тщательно выстроенном эмоциональном фоне.

2. Слово добавляет тексту современный профессиональный оттенок. Благодаря ему автору удается подчеркнуть факт использования в заведении современных маркетинговых подходов.

3. Использование данного неологизма формирует ассоциацию с креативностью и инновационностью. Это позволяет аудитории воспринимать данный ресторан как заведение премиум-сегмента.

Таким образом, сторителлинг в данном тексте выполняет задачу обозначения современного подхода к продвижению бренда, акцентируя внимание на профессионализме команды проекта. Помимо этого, в тексте передается посыл актуальности объекта, принадлежности к международным маркетинговым трендам.

Другой неологизм, который, попав в русский язык, также стремится следовать международным трендам — «мерч». Сама лексема представляет собой сокращенную форму заимствования из английского языка «merchandise», которая в оригинале обозначает товары, обычно связанные с брендом или артистом. В русском языке оно стало активно употребляться в среде поклонников музыки, кино, видеоигр и других форм популярной культуры, а именно в контексте продажи сувенирной продукции, связанной с популярными личностями или событиями. В статье издания «Известия» оно применяется в следующем контексте: «Помимо живого качественного звука, фанаты «Алисы» получили новый мерч и комфортное времяпрепровождение» [27]. Помимо очевидного использования неологизма для указания на наличие атрибутики, посвященной группе, лексема также, в контексте статьи, выступает маркером принадлежности к современной лексике «фан-культуры». Это помогает сделать текст легким и неформальным, а также подчеркнуть соответствие события современным веяниям. Ведь наличие «мерча» на концерте группы является атрибутом того, что группа активно работает со своими поклонниками. Хоть и эмоциональная насыщенность термина «мерч» в данном контексте минимальна, она все равно сохраняет функциональный, почти нейтральный характер, функционируя исключительно как инструмент коммуникации. Однако у фанатов, хорошо знакомых с культурной коннотацией этого слова, оно вызовет положительные ассоциации, связанные с вовлечением в уникальный опыт, который предлагает группа

всем посетителям концерта.

Другой неологизм, который также пришел из английского языка, «коворкинг» (от англ. *coworking*). Данную лексику используют, когда речь идет о совместной работе или организации рабочего пространства. В русском языке термин был адаптирован без изменения формы, поэтому и сохранилась нейтральная эмоциональная окраска. В статье «Большинство работающих удалённо не хотят возвращаться в офис» [28], автор использует данное слово в следующем предложении: «Также выяснилось, что почти половина опрошенных не оборудовали полноценное рабочее место дома и работают где придётся: на диване, в кресле, в коворкинге, кафе. Ещё 52% респондентов трудятся за рабочим столом, а ещё 11% отвели для себя целый кабинет». Во-первых, неологизм выполняет функцию информирования (указывает на доступное решение для тех, кто не может или не хочет работать из дома), во-вторых, благодаря использованию термина автором статьи, он придает ей уже ранее упомянутую прогрессивность и современность, закрепляя за словом «коворкинг» символ нового подхода к организации труда, который стал возможен благодаря цифровым технологиям. Таким образом, коворкинг в данном тексте не только обозначает конкретное явление, но и становится символом трансформации трудовой культуры, где гибкость и разнообразие форматов работы становятся новой нормой. Э.Г. Куликова рассматривает «коворкинг» с точки зрения лингвоэкологии: «Новый вид бизнеса, названный в США *coworking* (co + working), во французском официальном языке называется *cotravail*, в испанском – *cotrabajo*, в каталанском – *cotraball*. В русском языке никто не отстаивает свое аналогичное слово *соробота*, оно представляется «русопятством», возвратом к шишковским «мокроступам». Может, в отношении данного слова это и так, но нет соответствующей практики и в случаях, когда русский аналог этически и эстетически вполне приемлем». Использование этого заимствования отражает не только языковые изменения, но и изменения в образе жизни, которые происходят в современной России, подчеркивая связь локальных реалий с глобальными трендами.

Заключение

После анализа актуальных неологизмов в российском медиадискурсе можно с уверенностью сказать, что они выполняют достаточно широкий спектр прагматических функций, которые отражают как социальные, так и культурные изменения в обществе и мире. В первую очередь, неологизмы служат инструментом для точного и выразительного донесения мысли. Однако их влияние на восприятие аудитории зависит не только от значения, но и от формы, происхождения и контекста использования.

Неологизмы, образованные за счет русского языка, такие как «кинодел», «антимасочник», «удаленка» зачастую оказываются эмоционально насыщенными и экспрессивными. Они позволяют автору выразить своё отношение к описываемому объекту или явлению, не скрывая при этом его позиции будь то насмешка, критика, одобрение или ирония. Данные лексемы, благодаря своей выразительности, создают культурный контекст, отражают менталитет и эмоциональную реакцию носителей языка. Они делают текст не только информативным, но и убедительным, позволяя установить контакт с аудиторией через эмоциональную идентификацию.

В то же время иноязычные заимствования, такие как «сторителлинг», «коворкинг», «мерч», воспринимаются как более нейтральные и «стерильные». Их основная функция заключается в информировании и обозначении явлений, которые очень часто связаны с глобальными трендами, технологиями или же заимствованиями в сфере культуры. Использование неологизмов конкретно этой группы, позволяет автору статей и текстов

создавать эффект «современности», демонстрировать собственную эрудицию и осведомленность, а также принадлежность к глобальному информационному пространству. Однако такие неологизмы редко содержат яркую эмоциональную окраску, что ограничивает их роль в выражении отношения к объекту.

Таким образом, в современном медиадискурсе иноязычные заимствования и внутриязыковые неологизмы выполняют дополняющие друг друга функции. Первые укрепляют связь с международной повесткой и подчеркивают модернизацию, тогда как вторые способствуют сохранению русского языка, создают экспрессию, передавая эмоциональность и тонкую игру смыслов. Это позволяет медиадискурсу не только быть информативным, но и изобразительным и выразительным.

Библиография

1. Баранова, И. В. Неологизмы в языке СМИ: функции и особенности. // Вопросы языка и культуры. – 2020. – № 2. – С. 45-50.
2. Грибовод Е. Г. Интернет-дискурс // Дискурс-Пи. 2013. – № 3. – С. 118-119.
3. Громова, Т. А. Язык медиа в эпоху неологизмов. // Современные проблемы науки и образования. – 2021. – № 6. – С. 12-15.
4. Добросклонская Т.Г. Лингвистические способы выражения идеологической модальности в медиатекстах // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 2. – С. 85-93.
5. Добросклонская Т. Г. Массмедийный дискурс как объект научного описания // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2014. № 13 (184). С. 181-187.
6. Заходина, Л. В. Медиадискурс как объект лексикологии. // Язык и культура. – 2019. – № 3. – С. 77-84.
7. Исаев, А. Н. Роль неологизмов в формировании современного языка. // Лексикология и лексикография. – 2022. – № 4. – С. 68-74.
8. Клименко, О. В. Особенности использования неологизмов в СМИ. // Журналистика и медиа. – 2021. – № 5. – С. 30-36.
9. Куликова Э.Г. Юридическая терминосистема в эпоху цифрового права: лингвоэкологический аспект // Материалы XVII Международной научно-практической конференции «Гармонизация национальных правовых систем в условиях современного развития Евразийского экономического союза». Республика Армения, Ереван, Российско-Армянский университет, Институт права и политики. 8-10 сентября 2022. Ростов-на-Дону: Издательство РГЭУ (РИНХ), 2023. С. 33-41; 34-35.
10. Королева, Е. А. Нейролингвистика и медиадискурс: точки пересечения. // Научный диалог. – 2022. – № 8. – С. 20-26.
11. Молитов, А. П. Неологизмы как отражение социального изменения. // Язык и общество. – 2023. – № 1. – С. 50-57.
12. Неверов, С. И. Возрастные и социокультурные аспекты неологизмов. // Социальные науки и современность. – 2020. – № 3. – С. 15-20.
13. Николюкин А.Н. Неологизм // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина. – Институт научной информации по общественным наукам РАН: Интелвак, 2001. – Стб. 639. – 1596 с.
14. Норман Б.Ю. Теория языка. Вводный курс. Учебное пособие / М.: Флинта: Наука, 2003. – 296 с.
15. Петрова, Н. Ю. Медиадискурс и его языковые инновации. // Вестник лингвистики. – 2021. – № 2. – С. 89-95.
16. Султанова, Р. Т. Функции языковых новшеств в контексте медиа. // Ученые записки. – 2022. – № 7. – С. 42-48.

17. Тихомиров, М. И. Язык социальных сетей и неологизмы. // Медиа и коммуникации. – 2023. – № 1. – С. 34-39.
18. Фролова, К. А. Игровая природа неологизмов в медиадискурсе. // Современный язык. – 2019. – № 5. – С. 11-17.
19. Чистякова, В. А. Стратегии восприятия неологизмов. // Новые горизонты языка. – 2021. – № 4. – С. 99-103.
20. Шаркова, Т. П. Язык медиа: от традиций к инновациям. // Технологии в языке. – 2020. – № 2. – С. 30-35.
21. Яковлева, О. С. Инновации в языке: медиа и общество. // Русский язык в современной культуре. – 2023. – № 3. – С. 78-84.
22. Morris, Charles W. Signs, language, and behavior. – New York: G. Braziller, 1955. – 365 с.
23. Матвиенко призвала законодательно избавить русский язык от засилья иностранных слов // ТАСС URL: <https://tass.ru/obschestvo/14995497> (дата обращения: 19.11.2024).
24. Звезда «Ведьмака» раскрыл свое отношение к постельным сценам // LENTA.RU URL: <https://lenta.ru/news/2024/02/07/zvezda-vedmaka-raskryl-svoe-otnoshenie-k-postelnym-stsenam/> (дата обращения: 19.11.2024).
25. Поездка под охраной: в новгородских автобусах появятся тревожные кнопки // МК.RU URL: <https://www.mk-novgorod.ru/social/2022/07/20/poezdka-pod-okhranoy-v-novgorodskikh-avtobusakh-poyavyatsya-trevozhnye-knopki.html> (дата обращения: 19.11.2024).
26. В Госдуме раскрыли истоки кризиса на российском рынке труда // NEW.RU URL: <https://news.ru/vlast/v-gosdume-raskryli-istoki-krizisa-na-rossijskom-rynke-truda/> (дата обращения: 19.11.2024).
27. Драники с крабом и хинкали с "Том-ям": что попробовать в ресторанах Владивостока // Ведомости URL: <https://www.vedomosti.ru/gorod/othercities/articles/poprovovat-restoranah-vladivostoka> (дата обращения: 19.11.2024).
28. Группа «Алиса» представила свой новый альбом «Гойда» в Петербурге // Известия URL: <https://iz.ru/1792417/2024-11-18/gruppa-alisa-predstavila-svoi-novyi-albom-goida-v-peterburge> (дата обращения: 19.11.2024).
29. Большинство работающих удалённо не хотят возвращаться в офис // RT URL: <https://russian.rt.com/russia/news/1398277-rabota-udalyonka-opros> (дата обращения: 19.11.2024)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена прагматической функции неологизмов в современном российском медиадискурсе. Под прагматикой понимается «раздел семиотики и лингвистики, который изучает то, как ведут себя знаки (в том числе слова и выражения) в коммуникативных процессах»; под медиадискурсом – «синергия продуктов и процессов речевой деятельности в такой сфере, как массовые коммуникации». Справедливо отмечается, что «медиадискурс является своеобразным зеркалом общества, а также его участников. По медиадискурсу можно считывать общественные настроения и отношение к тем или иным темам». По мнению авторов, «ключевым фактором в рамках реализации прагматических функций в медиадискурсе являются неологизмы». Несомненно, предмет исследования актуален: видится важным научное изучение и обоснование динамичного процесса обновления и пополнения словарного состава языка, а также специфики

функционирования новых слов, неологизмов, появление которых в языке вызвано непрерывным развитием общества, науки и техники, литературы и искусства.

Теоретической основой исследования обоснованно явились фундаментальные и актуальные работы таких российских и зарубежных ученых, как Б. Ю. Норман, Чарльз Уильям Моррис, И. В. Баранова, Е. Г. Грибовод, Т. А. Громова, Т. Г. Добросклонская, А. Н. Исаев, О. В. Клименко, М. И. Тихомиров, К. А. Фролова, В. А. Чистякова, Т. П. Шаркова, О. С. Яковлева и др. Библиография насчитывает 29 источников, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Следует заметить, что автор(ы) преимущественно апеллируют к научным трудам, изданным в последние 3 года, что в очередной раз подтверждает актуальность изучаемого предмета. Методология исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза; описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию, классификацию материала; методы и приемы семантического, дистрибутивного и контекстологического анализа неологизмов, а также компонентный подход к анализу формирующейся семантики неологизмов, функционирующих в современных российских СМИ.

Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили автору(ам) заключить, что актуальные неологизмы в российском медиадискурсе выполняют «достаточно широкий спектр прагматических функций, которые отражают как социальные, так и культурные изменения в обществе и мире»; причем «иноязычные заимствования и внутриязыковые неологизмы выполняют дополняющие друг друга функции. Первые укрепляют связь с международной повесткой и подчеркивают модернизацию, тогда как вторые способствуют сохранению русского языка, создают экспрессию, передавая эмоциональность и тонкую игру смыслов. Это позволяет медиадискурсу не только быть информативным, но и изобразительным и выразительным».

Теоретическая и практическая значимость исследования неоспорима и обусловлена его вкладом в решение современных языковедческих проблем, связанных с изучением особенностей функционирования неологизмов в медиадискурсе с прагмалингвистической точки зрения, а также в возможности использования полученных научных данных и результатов в вузовских курсах по лексикологии современного русского языка, стилистике и культуре речи, в лексикографической практике при актуализации и создании словарей новых слов.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую полноценному восприятию материала. Стиль изложения материала соответствует требованиям научного описания и характеризуется оригинальностью, логичностью и доступностью.

Обращаем внимание автора(ов) на опечатки в тексте (например, «в нашем случае»; «поэтому и и сохранилась»). Данное замечание носит рекомендательный характер и не влияет на общее положительное впечатление от рецензируемой работы.

Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Хэ Цэ. Конструкции с вторичной союзной связью в русских говорах Приамурья // Филология: научные исследования. 2024. № 12. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.12.72710 EDN: GPHNSN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72710

Конструкции с вторичной союзной связью в русских говорах Приамурья

Хэ Цээ

ORCID: 0009-0009-7317-497X

аспирант, высшая школа русской филологии; Тихоокеанский государственный университет
680001, Россия, Хабаровский край, г. Хабаровск, Монтажный пер., 5, кв. 5

✉ heshelize@yandex.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.12.72710

EDN:

GPHNSN

Дата направления статьи в редакцию:

14-12-2024

Аннотация: Объектом статьи является вторичная союзная связь, а ее предметом – конструкции с данным видом связи. Вторичная союзная связь имеет место при включении того или иного союза в синтаксические отношения между компонентами подчинительного словосочетания, что привносит в его семантику особые коммуникативно-прагматические смыслы. В качестве цели избрано описание этих конструкций на региональном диалектном материале в сопоставлении его с аналогичными конструкциями современного русского литературного языка. Эмпирической базой работы являются факты из "Словаря русских говоров Приамурья" и "Национального корпуса русского языка". Рассматриваются конструкции с элементарными сочинительными союзами "и", "но", "а", "да", ибо они являются древнейшими средствами синтаксической связи и поэтому предоставляют возможность анализировать имеющийся материал с учетом его прототипических особенностей. В статье используется методология Дальневосточной синтаксической школы, заключающаяся в разноаспектном описании средств синтаксической связи через конструкции, в организации которых они участвуют. Применяются также сравнительно-

сопоставительный и количественный методы анализа. Главным выводом по итогам проведенного исследования является следующее. В отличие от современного русского литературного языка конструкции с вторичной союзной связью в русских говорах Приамурья имеют ограниченный характер. Основной массив примеров зафиксирован с союзом "но" и с союзом "да" при его употреблении в противительном значении. Конструкции с другими элементарными союзами практически не отмечены, в том числе и с союзом "а", который, как и союз "но", также является носителем противительной семантики. Это, как мы полагаем, является следствием того, что союз "а" в сознании носителей русских говоров Приамурья еще тесно связан со своим исходным значением – соединительно-сопоставительным, тогда как вторичная связь тяготеет к противительно-уступительной семантике. Новизна исследования и личный вклад автора статьи заключаются в том, что впервые в русистике было сделано системное описание вторичной союзной связи на диалектном материале. Результаты проведенного исследования дают возможность лучше понять принципы функционирования вторичной союзной связи не только в русских говорах Приамурья, но и в системе русского национального языка в целом.

Ключевые слова:

синтаксис, союз, конструкция, конструктивные свойства, синтаксическая связь, синтаксические отношения, синтаксический ряд, говоры, семантика, прагматика

1. Введение

Статья посвящена синтаксическим конструкциям со вторичной союзной связью в русских говорах Приамурья, которая организуется элементарными сочинительными союзами «но», «а», «и», «да». При вторичной связи «союз выражает отношения между словами, уже вступившими в сочетание посредством словоформ» [12, с. 89-90]. Например: *пришел, но поздно (пришел поздно)*; *шампанское, да со льдом (шампанское со льдом)*; *взрослый, а дразнится (взрослый дразнится)*; *поет, и громко (поет громко)* и др.

Выбор данных конструкций в качестве объекта описания обусловлен следующими причинами. Конструкции со вторичной союзной связью (далее – КВС) отражают тенденцию ко всё большей дифференциации коммуникативных смыслов речи, передающихся с участием средств синтаксической связи. Этот процесс находит широкое распространение в современном русском литературном языке (см.: 4; 7; 17] и др.). Изучение КВС в говорах, в данном случае приамурских, позволит, как мы полагаем, увидеть эти процессы из самой основы национального русского языка – народной речи, что, в свою очередь, поможет лучшему пониманию КВС и в рамках литературного языка. Этим также обуславливается и выбор конструкций с элементарными союзами как самыми древними в морфолого-синтаксической системе русского языка средствами связи.

Вторичная союзная связь еще не была прямым объектом исследования не только в РГП, но и в работах, посвященных русским говорам в целом. Исходя из этого актуальность статьи определяется необходимостью исследовать КВС в русских говорах Приамурья. Дополнительным аспектом описания является их сопоставление с аналогичными конструкциями в современном русском литературном языке.

Теоретическую и методологическую основу исследования составляет концепция Дальневосточной синтаксической школы [23], заключающаяся в разноаспектном

описании служебных слов русского языка, в том числе и союзов, на основе синтаксических построений (конструкций), в организации которых они участвуют. Она представлена прежде всего в основополагающих работах А. Ф. Прияткиной (см.: [\[12, с. 89-109; 13, с. 103-106\]](#) и др.), а также в работах других представителей Дальневосточной синтаксической школы и их последователей (см.: [\[2; 4; 7; 17; 22; 24\]](#) и др.).

2. Материал и методы

Настоящая статья является продолжением начатого нами описания сочинительных средств связи в русских говорах Приамурья [\[3\]](#), которое осуществляется как на морфолого-синтаксическом, так и на коммуникативно-прагматическом уровнях. Русские говоры Приамурья (далее – РГП) являются сплавом «материнских забайкальских говоров XIX века» [\[14, с. 7\]](#) (см. также: [\[5; 10; 11\]](#)). Результатом исследования русских говоров Приамурья на сегодня являются два издания «Словаря русских говоров Приамурья». В статье представлен языковой материал из второго издания словаря [\[19\]](#), в основе которого лежит переработанное и дополненное первое [\[18\]](#). Кроме того, в качестве поискового ресурса в статье используется электронная версия данного словаря [\[20\]](#). Примеры предложений-высказываний с КВС из литературного языка получены посредством «Национального корпуса русского языка» [\[9\]](#).

3. Обсуждение результатов

Рассмотрим сначала факты функционирования КВС в современном русском литературном языке, а потом сравним с КВС в русских говорах Приамурья. Такое сопоставление должно дать более наглядную и объемную картину исследуемого явления.

3.1. КВС в современном русском литературном языке

В современном русском литературном языке КВС организуются всеми элементарными сочинительными союзами: соединительным «и», противительными «а», «но», а также союзом «да» в обоих употреблении (соединительном и противительном).

1. Соединительный союз «и» связывает словоформы, являющиеся в семантико-синтаксическом плане однородными (*день и ночь, синий и красный, читал и писал* и др.) или находящиеся в причинно-следственных отношениях (*постучал и вошел, проспал и опоздал*). И. Н. Кручинина отмечает, что сам по себе союз «и» передает это «в очень общем, крайне отвлеченном виде и сам по себе еще никак не информирует о внутреннем соотношении действий, например, об их взаимной временной ориентации» [\[6, с. 20\]](#).

В составе КВС соединительное значение «и» несколько ослабевает, а на первый план выходят различные оттенки усилительного характера (меры и степени, темпоральности, локальности, характеристики и др.):

«Группа «Ласковый май» на дискотеках не звучала, а «Машина времени», наоборот, звучала, и всюду» («Известия», 2002.11.24), *На самом деле подводное течение здесь есть, и мощное* (Л. Данилкин. Круговые объезды); *Стрепетов остановился, и вовремя. Хватит с него жен* (В. Маканин. Отдушина); *Значит, надо место жительства менять, менять, и срочно.* (П. Галицкий. Опасная коллекция); *–Я тебя с девушками познакомлю, у нас на танцах в клубе духовой оркестр шпарит, и с барабаном* (П. Проскурин. Судьба).

В контексте данных предложений-высказываний союз «и» ориентирует на

одновременность происходящих событий.

2. У противительного союза «но» специалисты выделяют значения «ненормального следствия» и «обманутого ожидания» [21, 171-206]. В КВС эта семантика «но» в целом сохраняется, однако при этом актуализируются различные оттенки уступительности (заместительность, компенсаторность, количественность и др.):

– Ты, наверное, думаешь: «Что же это за библиотека, если книг больше нет?» Книги **есть, но в капсулах** («Кот Шрёдингера», 2017); – Во времена регулярных революций княжение вообще **отменяли, но ненадолго** («Домовой», 2002.02.04); Этого рыжего мальчишку Корытин и прежде **видел, но мельком** (Б. Екимов. Пиночет); По студии я шел в костюме государя императора. Встречные **оглядывались, но редко** (С. Довлатов. Чемодан); Если дать им всем по очереди проехать на одной и той же машине, то разница **будет, но небольшая** («Русский репортер», № 22 (200), 2011). И т.д.

Конструкция есть, но капсулах предлагает слушающему изменить свой первоначальный выбор. Конструкции видел, но мельком; отменяли, но ненадолго; оглядывались, но редко ограничивают частотность и длительность событий. В свою очередь, конструкция будет, но небольшая ограничивает размер или величину чего-либо.

3. В значении союза «а» присутствует несколько семантических компонентов. В. З. Санников рассматривает три: «а» несоответствия; «а» сопоставления; «а» присоединительное, или обобщающее» [16, с. 266-267]. В КВС с данным союзом, как правило, эксплицируются семантические оттенки «а» несоответствия (сожаления, восхищения, упрека и др.):

Жизнелюбие Макса и его коварную сметку Даша недооценила, а зря. (Н. Черных. Слабые, сильные), *Высокое военное начальство этот интерес игнорирует, а напрасно.* (И. Николаев. Последний приказ генерала), *И вам, так же самое, – совет: выпиваете, а без закуски* (В. Шукшин. Печки-лавочки). И т.д.

Лексемы «зря» и «напрасно» уже в силу своей семантики выражают в зависимости от контекста упрек или сожаление, но во взаимодействии с союзом «а» данная семантика еще более усиливается: **а зря, а напрасно**. Что касается конструкции выпиваете, а без закуски, то фоновая информация сообщает слушающему, что выпивать без закуски вредно для здоровья, хотя это ничуть не отменяет вред алкоголизма как такового.

4. Союз «да» в зависимости от морфологического-синтаксического состава конструкции, как известно, может выражать два вида синтаксической связи: соединительную и противительную. Поэтому, «с одной стороны, он является своеобразным показателем отношений сходного, тождественного, аналогичного, с другой – показателем отношений разного, нетождественного, неаналогичного» [15, с. 68]. Главную роль в этом процессе играет лексическое наполнение частей предложения, связываемых союзом «да», ибо именно на основе этого и разграничиваются типы его употребления.

При выражении соединительной связи в КВС союз «да», как и союз «и», выражает эмоционально-экспрессивные оттенки усилительного характера:

А у Кости это решение вызывает неподдельное возмущение – ему бы еще ехать и ехать, да побыстрее (Отчёт о велосипедном походе (2001)); *Сколько лет эта ярка у богатея не ягнилась, а у нас сразу же обьягнилась, да двойней* (Ф. Абрамов. Трава-мурава); *Ах, вот вы какие туристы! – впервые улыбнулся шофер. Залезайте, да попроворнее* (С. Голицын. За березовыми книгами). И т.д.

При выражении противительных отношений в союз «да», как и союз «но», привносит в конструкцию различные уступительные оттенки:

*Да я тебя давно растормошить **пытаюсь, да жалко** (А. Берсенева. Полет над разлукой);
А теперь?! **Хватились, да поздно**. Так чего уж тут поздравлять! (Т. Коробьина. Дневник),
Бабка плакала, голосила, а дед ее урезонивал: «Ты **кричи, да в меру**.
(«Пермский строитель», 28.02.2003). И т.д.*

Таковы в общем и целом особенности употребления КВС с элементарными сочинительными союзами в современном русском литературном языке.

3.2 КВС в русских говорах Приамурья

Рассмотрим особенности функционирования КВС с союзами «но», «а», «да», «и» в РГП. Анализ проводился с использованием как типографического издания СРГП [19], так и его электронной версии [20]. Учитывалось только интерпозиционное расположение союзов. В итоге выявлено в пределах ста пятидесяти употреблений союза «но» и около трехсот союза «да» (в обоих значениях). Что же касается союзов «и» и «а», то сложность выявления их частотности состояла в том, что эти лексемы активно используются в СРГП не только в речи диалектоносителей, но и при подаче грамматического материала, а также при толковании значений слов. С учетом этого нами была определена ее нижняя граница – в пределах двух тысяч употреблений каждого союза соответственно, которая, как мы полагаем, является на данном этапе нашего общего исследования (описания сочинительных средств связи в РГП) вполне достаточной для получения базовых сведений о функционировании КВС в приамурских говорах.

Главной неожиданностью для нас стало то, что полученные результаты, сообщающие о частотности КВС в РГП, оказались значительно ниже предполагаемых. Самыми употребительными оказались КВС с союзом «но», хотя их было выявлено всего в пределах десяти неоспоримых примеров. И это при том, что предложений-высказываний с союзом «но» зафиксировано в СРГП в сравнении с другими союзами меньше всего (см. выше).

Значение выявленных КВС с «но» в целом такое же, как и в литературном языке, – противительное с различными оттенками уступительности:

*Ковшом накладывашь в листики и получáтся ярушничек гручúшный, он, как **хлеб, но из гречúхи** (Союз. Окт.); Эльма назывáтся, подвид косатки, жёлтая. Она большá, ловили в неводах. **Попадáт, но мало** (Пашк. Облuch.); Идёшь по лугу, выдалось **болото, но нетопкое**, обрастáт цветочками – это калтус (Джл. Скв.); Толстолоб – **рыба подвид сома, но не очень вкусная** (Кн-ка Кнст.); Хорóша **кисть, но с зеленью** (Алб. Скв.); Грабарки строили: обыкновенна **телега, но не развалюха** (Дал. Скв.).*

Выявлено также несколько фактов с союзом «да» противительным:

*Свёкор был **пьяница, да колготной** какой-то (Серг. Благ.); Старшой внук в девятой класс идёт, он-то спокойный **мальчик, да смековатый** такой (Лерм. Тамб.); Два раза **стрелял, да мимо**, а волк-то лы́скат, лы́скат зубами (Черн. Магд.).*

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в КВС с союзами «но» и «да» отражены коммуникативно-прагматические реалии труда и быта диалектоносителей: сельскохозяйственные (*хлеб, но из гречúхи*), окружающей среды (*болото, но нетопкое*), транспортные средства (*телега, но не развалюха*), промысловые (*стрелял, да мимо*) и

т.д.

Вместе с тем в СРГП практически отсутствуют данные о КВС с союзом «и», хотя частотность его на порядок выше, чем у «но» и «да». В нашей картотеке всего один пример с этим союзом, где он употреблен в сочетании с местоименной словоформой «то», и это при том, что данное соединение ряд исследователей считает самостоятельным союзом (см.: [\[16, с. 280-282; 17\]](#) и др.):

*У одних, я их зову большим семейством, постелишки спать, **и то** нету* (Алб. Скв.).

КВС с союзом «да» соединительным также не выявлены.

Однако самая большая неожиданность заключается в том, что в материалах СРГП нами не зафиксированы КВС союзом «а», что, учитывая его такую же высокую частотность, как и у союза «и», но при этом отнесенность к противительным средствам связи (как и союз «но»), требует определенных выводов.

Мы не исключаем наличия КВС с союзом «а» в РГП в целом (как и с соединительными «и», «да»), ибо имеющийся в нашем распоряжении на данном этапе исследования эмпирический материал из СРГП и в некоторой мере относительные критерии поиска в нем допускают определенные статистические погрешности, но тем не менее сформулируем наше понимание проблемы на основе того, что есть в настоящий момент в наличии. Значение союза «а», как известно, с одной стороны, соприкасается со значением «но», а с другой – с союзом «и». Однако, если союз «но» уже «содержит в структуре лексического значения оттенок уступки» [\[8, с. 128\]](#), то для союза «а» нужна соответствующая контекстуальная актуализация этого значения, т.е. союз «а» в силу своего «промежуточного положения может быть синонимичным “и” или “но” в зависимости от количественной стороны констатируемых различий» [\[1, с. 38\]](#). На это указывает также Е. В. Урысон, отмечая, что значение союза «а» «как бы растворяется в контексте» [\[21, с. 207\]](#).

Исходя из этого можно предположить, что в языковой картине мира носителей РГП у союза «а» отсутствует семантика ограничения, и этот союз в их речи скорее соединительно-сопоставительный, чем противительно-сопоставительный. Этот вывод справедлив и в отношении союза «и», а также «да» соединительного. Таким образом, основным выразителем вторичной союзной связи в РГП, если исходить из данных СРГП, является союз «но», чему способствует его противительная семантика, а сами КВС являются в РГП носителями противительно-уступительно уступительных отношений.

4. Заключение

Мы рассмотрели КВС в русских говорах Приамурья, сопоставив их с аналогичными конструкциями современного русского литературного языка. Результаты исследования подтвердили тезис о том, что «вторичная связь представляет собой отвлеченную грамматическую модель, обладающую широкими функциональными возможностями» [Прияткина, 2019, с. 106]. Вместе с тем выявленная нами особенность функционирования КВС в приамурских говорах – их ориентация на противительно-сопоставительную семантику на основе союзов «но» и «да» (= но) требует обоснования с привлечением новых данных. В связи с этим в перспективе дальнейшего изучения этого вопроса мы видим обращение к материалам фольклорно-диалектологического альманаха «Слово» [\[11\]](#). В этом альманахе публикуются различные материалы, связанные, в том числе, и с функционированием амурских говоров на рубеже XX-XXI

вв., которые не отражены в изданиях СРГП. Анализ этих материалов, безусловно, поможет не только более глубоко и всесторонне осмыслить проблему функционирования конструкций с вторичной союзной связью в русских говорах Приамурья, но и будет способствовать дальнейшему изучению амурских говоров как таковых, что, в свою очередь, будет способствовать более четкому представлению о них в системе русского национального языка в целом.

Библиография

1. Бакалова З. Н. Функционально-коммуникативный аспект сочинительных конструкций художественного текста (на материале романа М. А. Булгакова «Белая гвардия»): монография. Самара: СГПУ, 2007. 148 с.
2. Ван Инъин. Союз ДА И в лексикографическом аспекте: дис. ... канд. филол. наук. Владивосток: ДВФУ, 2019. 125 с.
3. Завьялов В. Н., Цзэ Хэ. Противительные союзы «а», «но», «да» в русских говорах Приамурья (коммуникативно-прагматический аспект // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Т. 10. № 2. С. 27-41.
4. Кириллова Л. Е. Особенности семантико-синтаксических отношений в конструкции с союзом «НО» при подчинении словоформ // Исследования по русскому языку: от конструкций к функционированию: сборник статей к 90-летию Аллы Федоровны Прияткиной / отв. ред. Е. А. Стародумова, А. А. Анисова, И. Н. Токарчук. Владивосток: ДВФУ, 2016. С. 96-115.
5. Кирпикова Л. В. К истории формирования русских говоров Приамурья // Народное слово Приамурья: Сборник статей, посвященный 20-летию публикации «Словаря русских говоров Приамурья». Благовещенск: БГПУ, 2004. С. 9-19.
6. Кручинина И. Н. Структура и функции сочинительной связи в русском языке. 2-е изд., испр. М.: URSS, 2009. 209 с. ISBN 978-5-397-00667-5.
7. Леонтьева В. Т. Союзная связь как выражение отношений между ремами // Исследования по русскому языку: от конструкций к функционированию: сборник статей к 90-летию Аллы Федоровны Прияткиной / отв. ред. Е. А. Стародумова, А. А. Анисова, И. Н. Токарчук. Владивосток: ДВФУ, 2016. С. 115-124.
8. Милованова М. С. Семантика противительности: Опыт структурно-семантического анализа. М.: ФЛИНТА, 2021. 348 с. ISBN 978-5-9765-2371-5.
9. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 25.09.2024).
10. Оглезнева Е. А. Современные русские говоры Приамурья как результат междиалектного взаимодействия // Материалы Региональной научно-практической конференции «Приамурье от первопроходцев до наших дней». Благовещенск: БГПУ, 2003. С. 107-110.
11. Оглезнева Е. А., Архипова Н. Г. Фольклорно-диалектологический альманах «Слово» как источник изучения живой русской речи и фольклора рубежа XX–XXI вв. // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы международной конференции. Благовещенск: АмГУ, 2024. С. 7-20.
12. Прияткина А. Ф. Вторичные союзные связи. К изучению союзных связей «вторичного характера» // Русский синтаксис в грамматическом аспекте (синтаксические связи и конструкции). Избранные труды. Владивосток: ДВГУ, 2007. С. 89-109.
13. Прияткина А. Ф. Русский язык. Синтаксис осложненного предложения: учеб. пособие. 2-е изд., стер. М.: Флинта, 2019. 175 с. ISBN 978-5-9765-3995-2.
14. Русские говоры Приамурья: коллективная монография / под ред. В. Т. Садченко. Хабаровск: ДВГГУ, 2011. 204 с. ISBN 978-5-87155-347-3.
15. Сакулина, Е. А. Условия формирования противительной семантики в однородных

рядах с союзом да // Семантика и функционирование языковых единиц разных уровней. Иваново: ИГУ, 2015. С. 68-73.

16. Санников В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянских культур, 2008. 624 с. ISBN 978-5-9551-0236-8.
17. Селюнина О. А. Полипредикативные конструкции с вторичной связью, формализованной релятивами И ТО, ДА И ТО, НО И ТО, ДА ЕЩЁ // Мир русского слова. 2012. № 3. С. 12-20.
18. Словарь русских говоров Приамурья / сост. Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова, Л. Ф. Путятина, Н. П. Шенкевец / отв. ред. Ф.П. Филин. М.: Наука, 1983. 341 с.
19. Словарь русских говоров Приамурья / О. Ю. Галуза, Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова, Л. Ф. Путятина и др. Изд. 2-е, испр. и доп. Благовещенск: БГПУ, 2007. 544 с. ISBN 978-5-8331-0143-8.
20. Словарь русских говоров Приамурья / О. Ю. Галуза, Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова и др. Изд. 2-е, испр. и доп. Благовещенск: БГПУ, 2007. 528 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://disk.yandex.ru/i/0Vcrpzga7BDSJQ> / (Дата обращения: 25.11.2024).
21. Урысон Е. В. Опыт описания семантики союзов: лингвистические данные о деятельности сознания: монография. Москва: Языки славянских культур, 2011. 336 с. ISBN 978-5-9551-0457-7.
22. Хэ Сыюань. Взаимодействие союза «А» с конкретизаторами в современном русском языке: конструктивно-семантический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Владивосток: ДВФУ, 2020. 146 с.
23. Шереметьева Е. С. Описание служебных слов в концепции Дальневосточной синтаксической школы и грамматика конструкций // Вестник АТАПРЯЛ. Владивосток. 2014. № 4. С. 19-21.
24. Шереметьева Е. С. Аксиологическая специфика градационно-присоединительных союзов с базовым компонентом «ДА» // Русский язык за рубежом. 2023. № 2 (297). С. 39-44. DOI: 10.37632/PI.2023.297.2.008.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступают синтаксические конструкции со вторичной союзной связью в русских говорах Приамурья, которая организуется элементарными сочинительными союзами «но», «а», «и», «да». Актуальность работы обусловлена, во-первых, недостаточной изученностью русских говоров Приамурья (в частности, «вторичная союзная связь еще не была прямым объектом исследования в русских говорах Приамурья»), во-вторых, важностью изучения конструкций со вторичной союзной связью, которые «отражают тенденцию ко всё большей дифференциации коммуникативных смыслов речи, передающихся с участием средств синтаксической связи». Как отмечают автор(ы), «изучение конструкции со вторичной союзной связью в говорах позволит увидеть эти процессы из самой основы национального русского языка – народной речи, что, в свою очередь, поможет лучшему пониманию данного явления и в рамках литературного языка».

Теоретической основой исследования составляет концепция Дальневосточной синтаксической школы, заключающаяся в разноаспектном описании служебных слов русского языка, в том числе и союзов, на основе синтаксических конструкций, в организации которых они участвуют. Она представлена в основополагающих работах А. Ф. Прияткиной и в трудах других представителей Дальневосточной синтаксической

школы и их последователей (Инъин Ван, Л. Е. Кириллова, В. Т. Леонтьева, О. А. Селюнина, Сыюань Хэ, Е. С. Шереметьева и др.). Автор(ы) также апеллируют к работам В. З. Санникова, З. Н. Бакаловой, Л. В. Кирпиковой, И. Н. Кручининой, Е. А. Оглезнево́й и Н. Г. Архиповой, В. Н. Завьялова и Цзэ Хэ, М. С. Миловановой и т. д. Библиография составляет 24 источника, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Методология исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза; описательный, количественный, сравнительный методы, а также семантический и коммуникативно-прагматический анализ, позволяющий рассмотреть коммуникативные особенности текста, появление которых обусловлено спецификой коммуникативной ситуации и прагматическими установками участников взаимодействия, а также употребление языка в процессе коммуникации. Основным источником эмпирического материала послужил «Словарь русских говоров Приамурья» (2007 г.). Примеры предложений-высказываний с синтаксическими конструкциями со вторичной союзной связью из литературного языка получены посредством «Национального корпуса русского языка». В работе обстоятельно рассматриваются факты функционирования синтаксических конструкций со вторичной союзной связью в современном русском литературном языке, потом они сравниваются с аналогичными конструкциями в русских говорах Приамурья. Такое сопоставление бесспорно дает более наглядную и объемную картину исследуемого явления.

Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили автору(ам) подтвердить тезис А. Ф. Прияткиной о том, что «вторичная связь представляет собой отвлеченную грамматическую модель, обладающую широкими функциональными возможностями» и выявить особенность функционирования синтаксических конструкций со вторичной союзной связью в приамурских говорах («в языковой картине мира носителей русских говоров Приамурья у союзов «а», «и», «да» соединительного отсутствует семантика ограничения, и этот союз в их речи скорее соединительно-сопоставительный, чем противительно-сопоставительный).

Теоретическая значимость исследования связана с определенным вкладом проделанной работы в изучение русских говоров Приамурья и вторичной союзной связи в них. Практическая значимость работы заключается в том, что ее материал и результаты могут быть полезны для общего изучения антропологии диалектной речи и найдут применение в курсах по региональной лингвистике и русской диалектологии.

Стиль статьи отвечает требованиям научного описания, содержание соответствует названию, логика изложения материала четкая. Рукопись имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Дроздова Е.А. Лингвопрагматика речевого акта обвинения в американском английском (на примере фильма "Зеленая книга") // Филология: научные исследования. 2024. № 12. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.12.72402 EDN: GMHDQS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72402

Лингвопрагматика речевого акта обвинения в американском английском (на примере фильма "Зеленая книга")

Дроздова Екатерина Александровна

старший преподаватель; кафедра социальной педагогики; Российский университет дружбы народов

117198, Россия, г. Москва, ул. Улица Миклухо-Маклая, 6

✉ drozdova_ea@pfur.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.12.72402

EDN:

GMHDQS

Дата направления статьи в редакцию:

20-11-2024

Аннотация: Предметом исследования является представление речевых актов обвинения в кинематографе с учетом дискурсивной ситуации, представленных в фильме взаимоотношений коммуникантов и их апперцепционной базы. Объектом исследования лингвопрагматика речевого акта обвинения в американском варианте английского языка. Автор подробно рассматривает такие аспекты темы, как выражение акта обвинения через прямое либо имплицитное представление деликта (преступления, проступка), последствий деликта, противопоставления образцу или альтернативной модели поведения. Особое внимание уделяется вопросам контекстной антитезы, проходящей через весь кинотекст анализируемого фильма, так как антитеза становится ведущим способом формулирования обвинения и соответствующей реакции на него – коммуникативного акта самозащиты, выражающегося в отрицании деликта, элиминировании его серьезности и последствий. В кинотексте подчеркнута противопоставление двух главных героев, и коммуникативная антитеза сопровождает их диалоги на протяжении всего фильма. В качестве материала исследования был выбран

фильм 2018 года "Зеленая книга" ("Green Book"), в котором содержится большое количество речевых актов обвинения. Для достижения целей исследования методом сплошной выборки в диалогах персонажей фильма были вычленены все речевые акты, содержащие в себе обвинение, а затем проанализированы способы его выражения. Основными выводами проведенного исследования являются выявленные сходства коммуникативных тактик двух главных героев: несмотря на существенную социальную разницу и значительные различия в лексическом и синтаксическом наполнении фраз, главные действующие лица фильма выбирают сходные тактики для выражения обвинения. Особым вкладом автора в исследование темы является вычленение двух ведущих средств формулирования обвинения в кинодискурсе: противопоставления "я" – "они", "вы – они", "мы – они" и кульминационного противопоставления в диалоге двух главных героев "я – ты", которое разрешается счастливым финалом фильма. Новизна исследования заключается в выявлении тактик обвинения в кинодискурсе. Ранее данные речевые акты исследовались на примере художественной литературы, в которой диалоги достаточно широко амплифицированы в отсутствие характерной для кинодискурса визуальной поддержки.

Ключевые слова:

речевой акт, лингвопрагматика, прагматика, дискурс, кинодискурс, обвинение, импликатура, антитеза, речевые тактики, диалог

Настоящее научное исследование посвящено выявлению лингвопрагматических стратегий речевого акта обвинения в английском языке на материале кинотекста. Актуальность исследования лингвопрагматики речевых актов иностранного языка обусловлена тем фактом, что при переводе и коммуникации человек, изучающий иностранный язык, не всегда может правильно считать коммуникативную интенцию говорящего и верно интерпретировать его слова. В современных условиях для подготовки переводчика особенно важно акцентировать внимание на умении считывать и интерпретировать негативно ориентированные речевые акты: наряду с открытым, эксплицитным обвинением, в международной коммуникации представлено скрытое обвинение, коммуникативная интенция которого может быть считана только через глубокое понимание контекста, импликатуры и внелингвистических факторов (жестикуляции, языка тела, контекста).

Целью настоящего исследования является выявление частотных стратегий речевых актов обвинения на английском языке. Объектом исследования является совокупность речевых тактик и лингвопрагматических стратегий, предметом исследования является преломление речевого акта обвинения в кинодискурсе, с привлечением в качестве материала исследования кинотекста, в котором явным образом выражено противопоставление «свой – чужой». Научная новизна проведенного исследования обусловлена выявлением тесной взаимосвязи речевого акта обвинения с антитезой «своего» и «чужого» в речевой тактике: выдвигая обвинение, говорящий редко представляет от лица себя как спикера, чаще всего он солидаризируется с некоей группой людей, от лица которых и выдвигает обвинение.

К теоретико-методологическим основам проведенного исследования следует отнести источники по лингвопрагматике: так, в отечественной лингвистике исследуются вопросы лингвопрагматической нейтрализации отрицательно маркированных речевых актов [\[1\]](#),

лингвопрагматика политического дискурса [2], дискурса финансовой прессы [3] и медиатекстов в целом [4]. Лингвопрагматический подход к изучению различных языковых явлений подразумевает "the study of language in its pragmatic function – as a means of influencing the behavior and consciousness of people in the process of communication. Special attention is paid to the factors that determine the choice of options for expressing a communicative intention; the conditions that determine the understanding of the communicative purpose of the statement" [5, с. 109] (изучение языка в его прагматической функции как средства воздействия на поведение и сознание людей в процессе общения. Особое внимание уделяется факторам, определяющим выбор вариантов выражения коммуникативного намерения; условиям, определяющим понимание коммуникативной цели высказывания – перевод наш – Е.Д.). З. Алиханова также отмечает, что исследование лингвопрагматики позволяет установить как универсальные паттерны диалога, так и варьируемые в зависимости от лингвокультурологического фона.

Речевые акты, в которых содержится негативный посыл, на материале английского языка исследованы в части несогласия [6], отказа [7;8], угрозы [9; 10]. Непосредственно речевой акт обвинения рассмотрен в отечественной и зарубежной науке в современный период в аспекте политического дискурса на материале видео, размещенных на видеохостингах [11], на материале английского языка и фарси в газетном дискурсе [12]. Отметим также, что большое внимание речевые акты обвинения привлекали в отечественной науке в начале 2000-х годов: так, в исследовании [13] (2007) рассмотрены речевые акты обвинения в парламентском дискурсе, в исследовании [14] (2006) – диалогическое единство речевых актов обвинения и оправдания и пр. Фундаментальная монография Т.В. Дубровской [15] вышла в 2003 году. В 2010-х и 2020-х гг. интерес к речевому акту обвинения снизился: в 2020-х гг. к сожалению, выявлено всего две работы, что обуславливает исключительную актуальность обращения к тематике актов обвинения в современной речевой практике.

Т.В. Дубровская, автор фундаментального исследования речевых актов обвинения в английском языке на материале англоязычных художественных произведений относит к распространенным тактикам обвинения:

1. эксплицитное наименование «деликта» (провинности, преступления), а также предъявление «ряда» деликтов;
2. перформативный акт обвинения («я обвиняю»);
3. обобщения с использованием таких слов, как «опять», «никогда» и пр.;
4. предъявление вины на будущее;
5. маскировка вины под видом притворного положительного отношения;
6. предъявление последствий деликта;
7. предъявление альтернативы неправильным действиям как способ имплицитно указать на правильные;
8. предъявление вины в отвлеченной от адресата форме.

Подводя итоги анализа русскоязычных и англоязычных речевых тактик обвинения, Т.В. Дубровская указывает, что «анализ материала позволяет выделить восемь тактик

обвинения, которые обладают разной степенью эксплицитности – от наибольшей, получающей выражение в лексике со значением деликта и глаголах-квалификаторах, до наименьшей, когда истинное значение необходимо вывести из языковых форм и знания ситуации» [15, с. 152]. Материалом для анализа речевых тактик обвинения в процитированной выше монографии в англоязычной речевой практике стали отрывки из художественных произведений на английском языке. Это представляется обусловленным в связи с подробным описанием контекста, характерным для художественной литературы: читатель понимает, каковы взаимоотношения героев, знает особенности коммуникативной ситуации и т.п.

Опираясь на репрезентативную классификацию Т.В. Дубровской с учетом новейших исследований в области лингвопрагматики считаем необходимым рассмотреть речевые акты обвинения на примере кинематографа, так как в кинофильме моделируется реальная дискурсивная ситуация, есть визуальная поддержка, зачастую акт обвинения сопровождается яркими мизансценами и музыкальным сопровождением.

В качестве материала для анализа возьмем фильм «Зеленая книга» режиссера Питера Фаррелли [16]. Фильм «Зеленая книга» ("Green book") вышел в 2018 году и был удостоен трех наград «Оскар» - в номинациях «лучший фильм», «лучший сценарий» и «лучшая мужская роль второго плана» [17]. Он поднимает актуальные для США вопросы расовой дискриминации в середине XX столетия и преодоления расовых предрассудков. Также он является источником информации о лингвопрагматике речевого акта обвинения при этом рассматриваемого через призму современного представления о расовых предрассудках и отношении к человеку с другим цветом кожи. Д.В. Муликова отмечает, что речевой акт обвинения неразрывно связан с противопоставлением «своего» и «чужого»: При обвинении происходит противопоставление отдельного человека всему социуму, одного человека другому, т. е. происходит деление мира на «свое» и «чужое». Анализ языкового материала показал, что обвинение или не высказывается вслух против близкого человека, или обвинитель ищет событийную причину в качестве объекта обвинения. Подобное поведение обусловлено законами природы, которые требуют защиты своего» [12, с. 189]. Поскольку в указанном фильме противопоставление «своего» и «чужого» заложено на различных уровнях, речевые акты обвинения в его дискурсе представляют особый интерес.

Сценарий фильма основан на реальной истории, при его создании авторы консультировались с сыном главного героя, уточняя детали. В основе сюжета – турне чернокожего пианиста по штатам, в которых действуют различные законы, ограничивающие передвижение чернокожих, запрещающие им использовать определенные гостиницы, рестораны и пр. Название «Зеленая книга» отсылает к путеводителю по этим штатам, в котором указывалось, где можно останавливаться и заказывать еду людям, не принадлежащим к белой расе.

Коллизия фильма «Зеленая книга» состоит в том, что чернокожий пианист-виртуоз – величайший мастер музыки, он играет в элитных концертных залах и ресторанах, в которые сам не может войти как посетитель. Главным героем фильма является телохранитель и водитель пианиста, представитель итальянской диаспоры, который в начале фильма крайне агрессивно настроен по отношению к чернокожим, однако на протяжении событий фильма его отношение меняется, он становится более толерантным. Солидаризация «свой/чужой» на протяжении развития сюжета не единожды меняется: для главного героя – водителя – его работодатель в зависимости от развития ситуации становится то «своим», то «чужим», и сходную метаморфозу переживает и сам

работодатель. Оба коммуниканта осуществляют речевой акт обвинения как по отношению друг к другу, так и по отношению к другим людям.

Фильм представляет максимальную концентрацию актов обвинения в моменты проезда пианиста с телохранителем по различным городам Америки: через обвинение авторы кинофильма привлекают внимание к вопросам расизма и необходимости их решения. Интересно, что в большинстве случаев акт обвинения в дискурсе анализируемого кинофильма является реактивным, то есть возникает как реакция на слово/действие (что характерно, в том числе, и для речевого акта согласия/несогласия [18]), однако в конце представлен речевой акт «глобального обвинения», когда два главных героя спорят о сущностных вещах.

Первый акт обвинения, звучащего в имплицитном формате, в кинофильме встречается в момент собеседования главного героя (телохранителя и шофера Тони Валлелонга) с его потенциальным работодателем пианистом Доном Ширли. Осознавая сложность возлагаемой на него задачи и возможные проблемы, Тони начинает торговаться (00-18-03):

So if you want me, it's a buck and a quarter a week. Or go hire the little Chink that just pranced out of here, see how far you get.

(Если Вам нужен я, то сотня с четвертью за неделю. Или давайте, нанимайте того китаёзу, который только что отсюда выскочил, посмотрим, как далеко вы с ним уедете – перевод наш – Е.Д.)

Тони Валлелонга отсылает к моменту своего появления на собеседовании: перед ним аналогичное собеседование проходил китаец, с которым он столкнулся в дверях. Поскольку потенциальные проблемы будут связаны с расовыми вопросами, китаец вряд ли сможет с ними справиться, и, понимая это, Тони использует паттерн «обвинения на будущее», артикулируя его через жаргонное “Chink” вместо литературного “Chinese”, а также использует глагол движения “to prance”, означающий “to walk or dance in a proud way, often because you want people to look at you” [19]. Использованный нами выше перевод «выскочить» не вполне точно передает семантику этого глагола, однако подчеркивает тот факт, что говорящий негативно характеризует способ передвижения претендента на вакансию.

В своей речи главный герой фильма Тони Валлелонга в целом часто использует жаргонные слова, грубую, обценную лексику. Его работодатель Дон Ширли практически всегда безупречно вежлив и выражает обвинение через указания на последствия деликта (00-30-03):

- Could you put out the cigarette please?

- Why?

- I can't breath back here.

- What are you talking about? Smoke's going into my lungs. I'm doing all the work here.

- Thank you.

(Могли бы Вы потушить сигарету?)

Почему?

Мне здесь нечем дышать.

Да Вы о чем вообще? Весь дым идет мне в легкие. Все тут у меня.

Спасибо. – перевод наш – Е.Д.)

Фактически, Дон Ширли даже не обвиняет Тони, а сразу убирает весь акт обвинения в имплицатуру, отмечая, что он не может дышать (что логически связано с предыдущей репликой «Могли бы Вы потушить сигарету?»). Его речь строится как вежливая формулировка с использованием условного наклонения.

Далее Дон формулирует свой речевой акт обвинения уже через указание на альтернативный вариант поведения. Его раздражает, как много говорит его напарник, и он спрашивает (00-31-45):

- Tony. How about some quite time?

- Sure. It's amazing you said that. How about some quite time? Dolores, my wife, she used to say that all time, well not all the time, but you know... She says it when I come off from work some time, you know, she's been with the kids all that day. And she would say, Tony... How about some quite time? Exactly like how you said it. It means... amazing.

(Тони, как насчет немного тишины?)

Да, конечно. Удивительно, что Вы так сказали. Долорес, моя жена, все время так говорит, ну не все время, но Вы понимаете... Она это говорит, когда я прихожу с работы, знаете, а она целый день была с детьми. И она говорит: Тони, как насчет немного тишины? Вот именно так как Вы сказали. То есть... поразительно. – перевод наш – Е.Д.)

В этом, как и в предыдущем речевом акте, интересна реакция Тони на предъявляемое ему имплицитное обвинение. Он как бы не принимает его, не реагирует на него отменой деликта: так, в первом случае он в итоге выбрасывает сигарету, однако сначала раздражается тирадой о том, что весь дым идет ему в легкие. Во втором случае он и вовсе поступает прямо противоположным образом: в ответ на просьбу о тишине продолжает говорить (этот паттерн общения с Доном повторяется на протяжении фильма несколько раз).

Сходным образом строится диалог и по поводу манеры общения Тони. Он говорит с заметным итальянским акцентом, использует сниженную и жаргонную лексику, и на протяжении дороги Дон старается переориентировать его (00-35-51):

We will be attending many events before and after the concerts interacting with some of the wealthiest and most highly-educated people in the country. It is my feeling that your diction however charming it may be in the tri-state area, could use some finessing.

(Мы будем посещать различные мероприятия до и после концертов, общаться с разными очень богатыми и самыми образованными людьми страны. И у меня есть ощущение, что Ваша дикция – как бы прекрасно она ни звучала в южных штатах – нуждается в оттачивании. – перевод наш – Е.Д.).

Дон Ширли использует длинные фразы с придаточными предложениями и множеством эпитетов и вводных конструкций (however charming it may be). Он подчеркивает, что манера говорить его телохранителя не соответствует тому обществу, в котором ему придется бывать, и предлагает "finessing" – «оттачивание», «уточнение».

Фильм поднимает сложную тему интеграции «чужого» в общество, отличающееся расовыми предрассудками. Оба главных героя живут на севере США, где не так сильны расовые ограничения, и им предстоит проехать по южным штатам, отличающимся малой толерантностью. Любопытно, что Тони Валлелонга для этого общества столь же чужой, как и Дон Ширли, что подчеркивается их диалогом относительно фамилии Тони (00-36-47):

- In my humble opinion Vallenga may be difficult to pronounce. So, I was thinking... Valle would be more appropriate. Tony Valle. Short and sweet.

...

- All these high-class people, so much smarter than me, with their intelligence and speaking abilities, you're telling me they can't pronounce my name? They don't like it, they can shove it up their ass, I'll just wait outside.

(По моему скромному мнению, «Валлелонга» трудно для произношения. Так что я подумал... «Валле» подойдет лучше. «Тони Валле». Коротко и ясно.

Все эти высокопоставленные люди, которые намного умнее меня, со всей их интеллигентностью и способностью говорить, не смогут произнести моего имени, думаете? Тогда пускай идут в задницу, я снаружи подожду. – перевод наш – Е.Д.).

Вся ситуация ориентирована в будущее: Дон беспокоится, что посетители его концертов не справятся с именем Тони, Тони в ответ обвиняет их, сопоставляя слова Дона "with their intelligence and speaking abilities", "so much smarter than me" с прагматикой – их потенциальной неспособностью произнести его итальянскую фамилию. В данном случае Дон для них – «свой», а Тони – «чужой», обладатель трудной для произношения фамилии. Это отсылает к коллизии в жизни актера Арнольда Шварценеггера: актер Марк Хэмил посоветовал начинающему актеру поменять фамилию, так как она была трудно произносима («Когда Арнольд Шварценеггер только начинал, он попросил у меня совета. Я сказал ему, чтобы он исправил акцент ради большего количества ролей, и посоветовал изменить фамилию, так как никто не мог её выговорить. Он сделал наоборот и стал одной из самых больших звёзд **ВООБЩЕ**»^[20]). Примечательно, что фамилия Шварценеггера содержит в себе элемент «черный» - Schwarz, что позволяет считать в диалоге Тони и Дона имплицитную отсылку к истории знаменитого актера.

Далее в кинофильме используются обвинения, выстраиваемые через антитезу: так, на 00-40-46 Дон обвиняет Тони в нечестной азартной игре, снова отсылая к противопоставлению «вы – эти люди» и подчеркивая, что Тони мог бы иначе выстраивать свою жизнь, он вовсе не обязан добывать деньги через шулерство и мошенничество.

К открытому обвинению с указанием деликта Дон Ширли переходит тогда, когда у него на глазах Тони крадет сувенир из магазина (00-44-55):

- You stole a jade stone from the store.

- No I didn't.

- He watched you do it.

- I didn't steal no stone.

- You picked it up and you put it in your pocket.

- I picked up a rock up off the ground. I didn't steal from the box.

(Вы украли нефрит из магазина.

Нет, не крал.

Он видел, как Вы это сделали.

Не крал я никакого камня!

Вы его взяли и положили себе в карман.

Я положил себе в карман камень с земли. Я не крал из коробки. – перевод наш – Е.Д.)

Дон Ширли прямо говорит «Вы украли», эксплицитно обозначая преступление, и Тони старается снять с себя обвинение, сначала утверждая, что он этого не делал, потом – что взял камень с земли и это самый обычный камень, а не нефритовый сувенир. Он отказывается от эксплицитно выражаемого обвинения,

В целом, речевые акты обвинения указывают на утонченность Дона Ширли: он значительно более широко образован, чем Тони, лучше разбирается в хороших манерах, старается приучить Тони не совершать плохих поступков. Тони постепенно погружается в мир Дона и начинает понимать, какие вещи для него принципиальны: так, в следующей сцене он обвиняет принимающую сторону в нарушении контракта и добивается, чтобы для выступления достали именно рояль «Стейнвей» (00-47-44). Тони использует обценную лексику, оценивая предоставленный рояль как "a piece of shit" и отсылая к условиям контракта. Сам деликт вновь уходит в импликацию: фраза «Вы нарушаете условия контракта» не звучит в диалоге эксплицитно:

- Does it really matter?

- Yeah, it does, to this contract.

- Come on man, these coons can play on anything you put in front of them.

- But it's a piece of shit. And there is garbage in there.

(Это действительно важно?

Да, это указано в контракте.

Брось, чувак, эти придурки сыграют на всем, что ты им дашь.

Но это же кусок дерьма. Ему место на мусорке. – перевод наш – Е.Д.)

Кульминационный момент, связанный с речевым актом обвинения, касается проходящей через весь фильм темы «двух миров», противостояния «своих» и «чужих». Практически каждое обвинение в тексте фильма «Зеленая книга» сводится к антитезе: «вы» (обвиняемый) – «они» (другие люди). При этом сами главные герои противопоставлены по двум ключевым параметрам: раса и благосостояние. Необычность разбираемой в фильме ситуации – в том, что Дон, будучи чернокожим, очень богат. Он отвергает прочтение своей личности через стереотипы «типичного чернокожего», отказывается есть «типичную» еду, слушать «их» музыку и т.д. В итоге под конец турне это приводит к следующему эмоциональному взрыву (01-31-35):

- Christ, I'm blacker than you.

- Excuse me?

- You don't know shit about your own people!

(Боже, да я чернее, чем ты!

Извини, что?

Ты ничего не знаешь о своих! – перевод наш – Е.Д.)

Тони утверждает, что он «чернее» Дона, эксплицитно обвиняя Дона в том, что тот ничего не знает о «своей» культуре. Далее он обвиняет Дона в его богатстве и роскоши (01-32-04):

I'm the asshole who's gotta hustle every goddamn day to put food out on table. You? Mr. Big Shot? You live on top of a castle traveling around the world doing concerts for rich people... I live on the streets, you sit on a throne.

(Я засранец, который носится взад-вперед каждый долбаный день, чтобы заработать на еду. А Вы? Мистер Большая Шишка? Живете в замке, мотаетесь по всему миру, даете концерты для богачей... Я живу на улице, а Вы сидите на троне. – перевод наш – Е.Д.)

Тони «не понимает» Дона, потому что не сталкивался в своей жизни с теми ограничениями, которые подробно показаны в фильме: он может пообедать в любом ресторане, сходить в туалет, где захочет. Дон «не понимает» Тони, потому что живет в роскоши и не вынужден ежедневно «крутиться», чтобы заработать себе на еду. Конфликтная ситуация обоюдного обвинения разрешается: Дон объясняет, как тяжело ему далось музыкальное образование и через что он был вынужден пройти, чтобы достичь того уровня жизни, который показан в фильме.

Акт обвинения, таким образом, используется для вскрытия истории персонажей: в рамках сюжета фильма демонстрируется противопоставление двух миров, которые коммуницируют через обвинение, но в сущности являются более схожими, чем представляется в начале киноленты. От взаимного обвинения стороны приходят к взаимному уважению. Фильм «Зеленая книга», активно задействующий сценарий противостояния двух миров, двух культур и двух различных социальных слоев, является. На наш взгляд, репрезентативным примером реализации разнообразных актов обвинения в речи. Говорящий, формулируя обвинение, тем самым осуществляет солидаризацию с одними и противопоставление другим, что многократно воспроизводится в контексте фильма.

Есть различия в оформлении акта обвинения в речи итальянца Тони и американца Дона, представляющих различные культуры. Тони, потомок мигрантов, плотно общающийся с итальянской диаспорой, широко использует бранную и непристойную лексику, включает в свою речь жаргонные лексемы, использует краткие синтаксические конструкции. Дон, пианист-виртуоз, энциклопедически образованный человек, строит сложные предложения, использует конструкции с придаточными, включает в свою речь слова, характеризующиеся как возвышенные и редко употребляемые. При этом оба персонажа часто не используют эксплицитное обвинение, а скрывают сам деликт в имплицитуре диалога и постоянно обращаются к идее антитезы («я» - «они», «вы» - «они», «мы» - «они»). Кульминационный диалог с взаимным обвинением и противопоставлением «я» - «ты» со стороны обоих собеседников оканчивается мирным разрешением лейтмотива фильма: больше до конца ленты диалогов-обвинений нет, и оба героя меняются внутренне. Тони осуждает неприятные высказывания о чернокожих, Дон поддерживает

Тони и других персонажей в их стремлении быть со своей семьей.

Интересно обыгран в фильме и способ обвинения через имплицитную информацию: когда Тони обнаруживает своего работодателя на свидании с женщиной (что в целом ставит под угрозу продолжение серии концертов), они оба не обсуждают эту ситуацию и ни слова не произносят о том, что произошло. Дон упрекает Тони в том, что последний подкупает полицейских, Тони в ответ огрызается, что не хочет прервать концертный тур, а причина, спровоцировавшая эту реакцию, вообще не обсуждается. Анализ сплошной выборки диалогов из фильма «Зеленая книга» позволил установить, что наиболее употребляемыми вариантами выстраивания лингвопрагматики речевого акта обвинения являются имплицитное противопоставление «свой» - «чужой», а также указание на альтернативный вариант поведения («я обвиняю тебя в том, что ты ведешь себя не так, как должен был бы») и на последствия деликта.

Таким образом, анализ кинодискурса позволил выявить типовую импликацию лингвопрагматики речевого акта обвинения и его наиболее распространенные тактики. Практику формулирования речевого акта через обвинение и имплицитную информацию, представленную в кинематографе, можно, вероятнее всего, обнаружить и в реальной жизни, когда у коммуникантов есть общие сведения об окружающей их коммуникативной ситуации и представление о противопоставлении себя – окружающим, часто характерное для импликации диалога. Фильм, анализ которого был произведен в настоящем исследовании, представляет собой кинотекст, в котором в силу особенностей его коллизии, сконцентрированы разнообразные варианты обвинения, противостояния разных типов коммуникантов и их динамическая смена ролей в диалоге. Это позволяет рассмотреть на его материале лингвопрагматику различных речевых актов обвинения.

Библиография

1. Мельникова К.А. Лингвопрагматическая нейтрализация дискриминационно маркированных языковых средств в медиадискурсе (на материале англо- и русскоязычных медиаисточников). Дисс. ... к.ф.н. Ярославль, 2024. 224 с.
2. Данилова В.С., Лобадзинская А.Д., Овчинникова Н.В. Лингвопрагматические характеристики политического дискурса. // Современные тенденции исследований в языкознании, литературоведении и журналистике. Сборник статей I Всероссийской научной конференции. Курск, 2024. С. 51-59.
3. Кормилина Н.В. Лингвопрагматические особенности употребления сленга и жаргона в англоязычных финансовых журналах. // Гуманитарные науки и вызовы нашего времени. Сборник научных статей по итогам VI Всероссийской (национальной) научной конференции с международным участием. Санкт-Петербург, 2024. С. 86-88.
4. Исакова С.С. Лингвопрагматический аспект изучения медиатекста. // *Alatoo Academic Studies*. 2024. № 2. С. 147-157.
5. Alikhasanova Z. Linguopragmatics and its conceptual framework // *Science and innovation*. 2024. Vol. 3. No. B4. P. 108-113.
6. Данилина Л.Ю. Лингвопрагматические особенности коммуникативных актов несогласия в диалогическом дискурсе: на материале английского и русского языков. Дисс. ... к.ф.н. М., 2019. 169 с.
7. Мечковская Н. Б. Отказ: что определяет диктум и модус в отрицательных реакциях на побуждение // *Логический анализ языка. Ассерция и негация* / отв. ред. Н.Д.Арутюнова. М.: Издательство «Индрик», 2009. С. 230-244.
8. Замышляева Д.Н. Анализ средств выражения отказа мужчин и женщин в английском языке // *Донецкие чтения 2019: Образование, наука, инновации, культура и вызовы*. Донецк: Донецкий национальный университет, 2019. С. 81-84.

9. Багдасаров С.А., Ленец А.В. Лингвопрагматические особенности реализации речевого акта угрозы в политическом дискурсе Германии и Испании. // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2020. № 1. С. 5-16.
10. Ермакова О.М. Условия реализации речевого акта угрозы и средства его оформления. // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна. 2010. № 3 (28). С. 94-98.
11. Муликова Д. В. Структурно-семантические особенности реплик обвинения в современном английском языке на примере видеохостингов / Д. В. Муликова, Н. В. Овчинникова // Язык, культура, ментальность: проблемы и перспективы филологических исследований: сборник материалов III Международной научной конференции, Курск, 08–09 апреля 2021 года. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2021. С. 187-192.
12. Nozadi Z.S., Pishghadam R., Fatemi A.H. Delving into the Speech Act of Accusation: A Case of Persian and English Newspapers and Magazines. // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Vol. 6. No. 4. Pp. 388-396.
13. Сапрыкина Е.В. Структура речевого действия «Обвинение» в рамках парламентского дискурса. // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 15. С. 128-132.
14. Лаврентьева Е.В. Речевые акты обвинения и оправдания в диалогическом единстве. Автореферат дисс. ... к.ф.н. Новосибирск, 2006. 26 с.
15. Дубровская Т.В. Речевые жанры «осуждение» и «обвинение» в русской и английской лингвокультурах. Пенза: издательство ПГУ, 2014. 272 с.
16. Green Book. 2018.
17. Nordine M. TIFF 2018 Awards: 'Green Book' Wins the People's Choice Award, Upsetting 'A Star Is Born' // URL: <https://www.indiewire.com/features/general/tiff-2018-awards-green-book-peoples-choice-1202004060/> (дата обращения 20.11.2024).
18. Архипова Е.В. Согласие/несогласие как реакция на комиссивные речевые акты в английском языке // Вестник ВГУ. 2012. № 2. С. 13-15.
19. Cambridge dictionary // URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (дата обращения 20.11.2024).
20. Марк Хэмилл рассказал, как однажды дал неправильный совет Арнольду Шварценеггеру // URL: <https://dtf.ru/cinema/24785-mark-hemill-rasskazal-kak-odnazhdy-dal-nepravilnyi-sovet-arnoldu-shvarceneggeru> (дата обращения 26.11.2024).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступает речевой акт обвинения в американском английском, актуальность изучения которого обусловлена интенсификацией интереса лингвистики к семантико-прагматическому описанию речевых жанров обвинения и оправдания. Как отмечают автор(ы), «речевой акт обвинения мало изучен в отечественной лингвистике», однако «лингвопрагматика речевого акта обвинения представляет большой интерес в связи с тем, что при переводе и коммуникации человек, изучающий иностранный язык, не всегда может верно считать коммуникативную интенцию говорящего и верно интерпретировать его слова». В связи с этим становится понятным выбор эмпирического материала, а именно: фильм «Зеленая книга» ("Green book") режиссера Питера Фаррелли, который является превосходным

«источником информации о лингвопрагматике речевого акта обвинения при этом рассматриваемого через призму современного представления о расовых предрассудках и отношении к человеку с другим цветом кожи».

Теоретическую основу исследования обоснованно составили труды таких российских ученых, как Т. В. Ларина, Т. В. Дубровская, Л. Ю. Данилина, Е. В. Архипова, Н. Б. Мечковская, С. А. Багдасаров, А. В. Ленец и др., охватывающие широкий круг вопросов по стилям коммуникации, лингвопрагматическим особенностям коммуникативных актов, речевым жанрам «осуждение» и «обвинение» в русской и английской лингвокультурах и пр. Библиография соответствует специфике изучаемого предмета и содержательным требованиям. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями («Высказанное соображение [речь идет о позиции Л. Ю. Данилиной относительно речевых актов с выражением несогласия] в полной мере можно экстраполировать на речевой акт обвинения, который также образуется и считывается за счет прагматики диалога и понимания коммуникативной ситуации в целом»). Однако обобщение и анализ теоретического аспекта изучаемой проблематики, на наш взгляд, все же недостаточные. Автор(ы) в основном апеллируют к работе Л. Ю. Данилиной и монографии Т. В. Дубровской, перечисляя рассмотренные там речевые тактики обвинения, называют источники ([2],[3] и [4]), в которых подробно рассматриваются речевые акты отказа в английском языке. Далее представлено практическое обоснование изучаемой проблемы.

Методология проведенного исследования в работе не раскрывается, но очевиден ее комплексный характер. С учётом специфики предмета, объекта, цели и задач работы использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный и сравнительно-сопоставительный метод, контекстологический и компонентный анализ языковых единиц, метод сопоставления переводов, а также функционально-семантический метод, учитывающий внутренние связи между разноуровневыми языковыми элементами.

В результате исследования выявлены различия в оформлении акта обвинения в речи итальянца Тони и американца Дона: Тони широко использует бранную и непристойную лексику, включает в свою речь жаргонные лексемы, использует краткие синтаксические конструкции. Дон строит сложные предложения, использует конструкции с придаточными, включает в свою речь слова, характеризующиеся как возвышенные и редко употребляемые. Сделаны выводы о том, что «акт обвинения используется для вскрытия истории персонажей: в рамках сюжета фильма демонстрируется противопоставление двух миров, которые коммуницируют через обвинение, но, в сущности, являются более схожими, чем представляется в начале киноленты. От взаимного обвинения стороны приходят к взаимному уважению».

Результаты, полученные в ходе исследования, вносят определенный вклад в теорию коммуникации и лингвопрагматику, но имеют скорее практическую ценность: могут применяться в курсах по коммуникативной лингвистике, культуре речи, риторике, теории речевой коммуникации, а также в практике развития навыков диалогической речи в рамках курсов иностранных языков.

Библиография насчитывает 11 источников. Следует отметить, что автор(ы) совсем не апеллируют к актуальным научным работам, изданным в последние 3 года, что не позволяет судить о реальной степени изученности данной проблемы в современном научном сообществе. Считаем, что библиографию необходимо расширить за счет актуальных источников и тем самым усилить теоретическую часть статьи.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стиль изложения отвечает требованиям научного описания, содержание рукописи соответствует названию. Однако, по нашему мнению, примеры диалогов главных героев занимают слишком много места в статье. Обращаем также внимание на опечатку в

фамилии (см Т. В. Дубровская).

Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования» после устранения указанных выше замечаний.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Лингвопрагматика речевого акта обвинения в американском английском (на примере фильма "Зеленая книга")».

Предмет исследования – взаимосвязь прагматических факторов и лингвистических способов выражения обвинения в американском английском.

Методология исследования основана на анализе дискурсов главных героев фильма «Зеленая книга» с применением таких методов как лингвистический анализ, наблюдение и сравнение.

Актуальность исследования обусловлена важностью для современного общества изучения разнообразных феноменов языка и культуры в различных контекстах: изучение прагматического аспекта речи, установление связи между ситуативными факторами и их речевыми проявлениями, а также исследование личности человека как отправителя и получателя речи позволяют лучше понять национально-культурную специфику речевого поведения, что повышает эффективность межличностной и межкультурной коммуникации.

Научная новизна обусловлена тем, что исследование является попыткой прагмалингвистического анализа фильма «Зеленая книга» режиссера П. Фаррелли, результаты позволяют автору охарактеризовать и на наглядных примерах продемонстрировать национально-культурную специфику обвинений в американском английском.

Стиль изложения научный, структура, содержание. Статья написана русским литературным языком. Структура работы прослеживается, хотя автором не выделены основные смысловые части: введение (содержит постановку проблемы, автор аргументирует актуальность выбранной темы и приводит теоретическую базу исследования); основная часть (автор приводит классификацию речевых тактик обвинения, рассматривает речевой акт обвинения на материале фильма «Зеленая книга», для наглядности приведены иллюстративные примеры); заключение (автор делает общие выводы); библиография (включает 15 источников). Содержание в целом соответствует названию.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Исследование выходит за рамки лингвистики и культурологии, полученные результаты могут быть интересны тем, кто занимается выявлением универсальных и специфических характеристик речевого общения различных лингвокультурных общностей. Кроме того, результаты исследования могут быть использованы при изучении английского языка в высшей школе для демонстрации национально-культурного своеобразия американского варианта английского языка.

Рекомендации автору:

1. В статье не сформулированы цель, объект, предмет, научная новизна и теоретико-методологические основы проведенного исследования.
2. В начале статьи необходимо уделить большее внимание обзору и анализу научных работ, теоретический анализ источников является недостаточным (В тексте: Речевые

акты отказа в английском языке также подробно рассматриваются в [3],[4] и [5]. Также в отечественной науке исследованы речевые акты угрозы [6; 7].).

3. В начале статьи при цитировании иностранного источника уместнее использовать парафраз.

4. Необходимо унифицировать упоминания исследователей в тексте статьи (З. Алиханова, Л.Ю. Данилина), следуют упорядочить использование кавычек «» и "".

5. В статье приведена классификация речевых тактик обвинения, было бы интересно её спроецировать на результаты анализа дискурсов главных героев фильма и сделать выводы о частотности.

6. Возможно, примеры из фильма стоит сопроводить переводом, особенно, в случае использования жаргонных слов.

7. В библиографии стоит увеличить долю научных работ за последние 3 года.

Материал представляет интерес для читательской аудитории и после доработки может быть опубликован в журнале «Филология: научные исследования».

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья «Лингвопрагматика речевого акта обвинения в американском английском (на примере фильма "Зеленая книга")» представляет собой исследование особенностей лингвопрагматических стратегий речевого акта обвинения в английском языке на материале кинотекста.

Статья актуальна, так как посвящена исследованию проблемы перевода, при которой человек, изучающий иностранный язык, не всегда может правильно считать коммуникативную интенцию говорящего и верно интерпретировать его слова.

Цель работы – заключается в выявлении частотных стратегий речевых актов обвинения на английском языке.

В качестве объекта исследования выступает совокупность речевых тактик и лингвопрагматических стратегий.

Предмет исследования - преломление речевого акта обвинения в кинодискурсе на материале кинотекста, в котором выявлено противопоставление «свой – чужой».

Научной новизной обладает гипотеза исследования, состоящая в следующем: «выдвигая обвинение, говорящий редко представляет от лица себя как спикера, чаще всего он солидаризируется с некоей группой людей, от лица которых и выдвигает обвинение».

В качестве основного метода в работе используется лингвопрагматический подход, применяемый к английским речевым актам несогласия, угрозы и отказа.

Статья хорошо структурирована. В статье есть введение, содержащее цели и методологию исследования, основная часть, а также выводы и библиография.

Основная часть посвящена анализу вышперечисленных речевых актов из кинотекста фильма «Зеленая книга» режиссера Питера Фаррелли на английском языке.

Основной темой фильма выступает проблема расовой дискриминации чернокожего населения США. Автор исследования подчеркивает, что в связи с особенностями функционирования речевых актов говорящий, употребляющий фразы обвинения, вынужден апеллировать к противопоставлению «свой» / «чужой».

В заключении автор делает предположение о том, что результаты анализа можно

экстраполировать на реальные условия коммуникации. Так, автор пишет: «практику формулирования речевого акта через обвинение и имплицитную информацию, представленную в кинематографе, можно, вероятнее всего, обнаружить и в реальной жизни, когда у коммуникантов есть общие сведения об окружающей их коммуникативной ситуации и представление о противопоставлении себя – окружающим, часто характерное для имплицатуры диалога».

Стиль статьи научный, информация представлена объективно, выводы обоснованы результатами исследования.

Данные результаты можно считать научно обоснованными и достоверными.

Объём статьи является достаточным.

Статья написана в соответствии с критериями, предъявляемым к научным статьям.

Статья оформлена в соответствии с требованиями к научным статьям, содержит ссылки на источники и список литературы, включающий в себя наиболее актуальные исследования по данной теме.

В целом, статья «Лингвопрагматика речевого акта обвинения в американском английском (на примере фильма "Зеленая книга")» представляет собой научно-исследовательскую работу высокого уровня, которая вносит вклад в изучение актуальных тенденций лингвопрагматики. Работа соответствует требованиям, предъявляемым к научным статьям, и может быть рекомендована к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Чикина Е.Е., Чикина А.А. К вопросу о формально-семиотическом аспекте прагматики высказывания в английском и немецком языках // Филология: научные исследования. 2024. № 12. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.12.72569 EDN: GFTPJB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72569

К вопросу о формально-семиотическом аспекте прагматики высказывания в английском и немецком языках

Чикина Елена Евгеньевна

ORCID: 0000-0003-3000-7804

кандидат филологических наук

доцент, кафедра второго иностранного языка и методики обучения иностранным языкам;
Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых

600000, Россия, Владимирская область, г. Владимир, ул. Большие Ременники, 2А, кв. 6

✉ despoyna@mail.ru

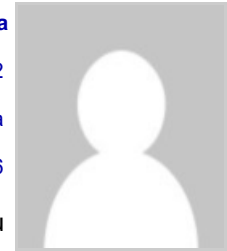
Чикина Анна Андреевна

ORCID: 0009-0003-3022-1672

студент, филологический факультет; Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

600000, Россия, Владимирская область, г. Владимир, ул. Большие Ременники, 2А, кв. 6

✉ chikina.anna.03@yandex.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.12.72569

EDN:

GFTPJB

Дата направления статьи в редакцию:

04-12-2024

Аннотация: Предметом исследования является иллокутивная сила высказывания в формально-семиотическом аспекте. Рассматривается механизм функциональной синхронизации коммуникативного и семантического взаимодействий в процессе речевого акта, проявляющихся в образовании формально-семиотических, когнитивно-синтаксических моделей высказывания в естественной коммуникации. Авторы исходят из

признания универсального для лингвокреативной деятельности человека характера коммуникативно-семантических взаимодействий, обуславливающих возникновение стандартных интенций. В работе описываются три основных варианта синхронизации компонентов коммуникативного и семантического взаимодействий для повествовательных, вопросительных и побудительных высказываний. Материалом для анализа послужили базовые целеполагающие конструкции английского и немецкого языков, реализующие в формально-синтаксическом аспекте повествовательные, вопросительные и побудительные интенции. Выявляются когнитивно-синтаксические модели реализации коммуникативного и семантического взаимодействия в английских и немецких синтаксических формулах целеполагания. Основными методами исследования, обусловленными целью выявления когнитивно-синтаксических моделей целеполагающих конструкций, являются метод семиотического анализа, метод компонентного анализа, метод концептуального анализа, метод лингвистического описания. К основным выводам исследования относится то, что три базовые иллокутивные ситуации – повествовательная, вопросительная и повелительная – представляют собой три модели структурно-функциональной координации элементов коммуникативного и семантического взаимодействий. Адресанта высказывания синхронизируется со значением знака в повествовательной и побудительной структурах и с референтом вопросительных структур. Адресат высказывания в повествовательной структуре коррелирует с референтом высказывания, со значением высказывания в вопросах и с формой знака в побудительных высказываниях. Сообщение как элемент коммуникативного взаимодействия в повествовательных и вопросительных структурах синхронизируется с формой знака, а в побудительных структурах – с референтом высказывания. Повествовательные высказывания немецкого и английского языка в своей синтактике отражают естественный ономазиологический процесс создания имени. В вопросительных структурах исследуемых языков реализуется зеркально-пространственная по отношению к повествовательным высказываниям симметрия при синхронизации пар адресат–адресант и смысл–референт, а также модель «дейктической пустоты». Синтактика побудительных высказываний выявляет модель «семиотической сингулярности», отражающей нейтрализацию семиотического треугольника в автореферентных высказываниях.

Ключевые слова:

синтаксис, прагматика, семиотика, немецкий язык, английский язык, иллокуция, когнитивная модель, повествовательное высказывание, вопросительное высказывание, побудительное высказывание

Введение.

Прагматический аспект высказывания активно изучается в лингвистике еще со времени развития Дж. Серлем теории речевых актов, поскольку иллокутивное воздействие – это универсалия для лингвокреативной деятельности человека как биологического вида. Традиционно, вслед за Серлем, выделяются пять категорий иллокутивных актов: ассертивы, директивы, комиссивы, экспрессивы и декларативы. Однако, во-первых, единой типологии в прагматике не существует; исследователи оперируют многочисленными вариантами классификаций интенций высказывания, в том числе, гибридными, подробнее см., напр. [\[1\]](#). Во-вторых, разнообразие таких классификаций в любом случае сводится к анализу значения высказывания, т.е. к его субъективной

интерпретации, причем в литературе отмечается невозможность однозначной интерпретации семантики тех или иных речевых актов [2].

Формы выражения тех или иных интенций отличаются не только национально-языковым своеобразием, но и значительной вариативностью внутри отдельно взятого языка, что порождает множественные синонимические конструкции или опосредованные способы выражения, традиционно называемые косвенными речевыми актами. При этом, как отмечает Ю. В. Перлова, языковые средства выражения интенций далеко не всегда «входят в разряд системных средств для передачи этих смыслов», а отражают «креативные аспекты человеческого мышления» [3, с. 348].

Цель исследования заключается в выявлении определенного универсального механизма функционирования прагматики речевого акта, результатом которого является возникновение стандартных интенций.

Методы и принципы исследования.

Для решения поставленной задачи необходима, как представляется, опора на семиотическую методологию в широком смысле. Как отмечает, например, Н. А. Бут, работы по исследованию прагматики высказывания нередко рассматривают речевой акт «в отрыве от широкого контекста процессов коммуникации», где за пределами анализа остаются «проблематика процесса высказывания, в частности, такие компоненты, как отправитель и получатель сообщения» [4]. Так, коммуникативные функции грамматических конструкций анализируются исходя из их пропозициональной структуры [5], исходя из их парадигматических и синтагматических особенностей [6] или на основе фреймовой семантики [7].

Основными методами исследования стали метод семиотического анализа, метод компонентного анализа, метод концептуального анализа, метод лингвистического описания.

Прагматика, как известно, описывает взаимодействие знаков с интерпретирующими и производящими субъектами семиозиса. Общая и традиционная формула такого взаимодействия реализуется в моделях коммуникативного акта вида *адресант→сообщение →адресат*.

Для анализа механизма реализации иллокутивной силы сообщения необходимо, как представляется, сопоставить приведенную выше схему с семиотическим треугольником Г. Фреге, отражающим смыслообразование в процессе семиозиса (см. Рис. 1). Ведь именно посредством создаваемого знака адресант транслирует адресату свои намерения, реализуя иллокутивную силу созданного знака, которая заложена в его форме.

Рис. 1

Оговоримся, что в рамках данного исследования «смысл» и «значение» рассматриваются как синонимичные и взаимозаменяемые термины, поскольку мы рассматриваем не семиозис отдельного объекта реальности, а возникновение конструктивного знака предложения, который, по определению И. П. Сусова, «соотносится с внеязыковой реальной или мыслимой ситуацией как своим денотатом» (Сусов И. П. Введение в теоретическое языкознание). По этой же причине в нашей схеме вместо термина «денотат» употребляются термины «референт» и «референтная ситуация».

Объектом данного исследования являются базовые интенции, формально выраженные в структуре английских и немецких высказываний.

Обсуждение результатов исследования.

Итак, иллокутивная сила речевого акта проявляется в речевом акте *адресант→сообщение→адресат*, она же представляет собой один из компонентов продуцируемого адресантом смысла семиотического треугольника. Соположение коммуникативно и смыслополагающей моделей оправдано и упоминается в литературе. Например, связь отношений между объектами реальности и отношений между формой и значением отмечается в работе [8, с. 430]. Е. В. Гарин и И. В. Островская в то же время описывают коммуникативный акт как нечто происходящее «не между двумя людьми, а между двумя моделями восприятия действительности» [9].

При этом необходимо отметить возникающее на основе иллокутивной силы структурно-функциональное сходство прагматической и смыслообразующей моделей речевого акта. С одной стороны, еще Дж. Серль подчёркивал, что иллокутивная сила определяет, как содержание высказывания «должно соотноситься с миром», называя это явление «направлением приспособления» [10, с. 173]. С другой стороны, Ст. Пиантадоси указывает на «векторное пространство» современных языковых моделей, где семантика и синтаксис функционируют в рамках единого смыслообразовательного механизма [11, с. 358].

Таким образом, как прагматическая, так и смыслообразующая модели высказывания обладают ярко выраженной векторностью. Сообщение является посредником при направленном взаимодействии между адресантом и адресатом, и, как и форма языкового знака, выступает посредником между референтом (референтной ситуацией) и значением.

При этом каждый временной отрезок коммуникативного акта характеризуется только одним направлением воздействия. Примечательно, что С. Т. Золян, размышляя о месте говорящего и интерпретатора в аспекте формально-логических знаковых отношений, говорит о системах рекурсивных операций, где знаки поочередно принимают функции знака-говорящего и знака интерпретатора, а прагматика расширительно понимается им как «отношения между знаковой системой-объектом и мета-системой, регулирующей ее актуализацию» [\[12, с. 101\]](#).

Таким образом, может быть сформулирована следующая гипотеза. Иллокутивная сила представляет собой взаимодействие реализующихся при создании знака двух компонентов высказывания – коммуникативного (*адресант* → *сообщение* → *адресат*) и семантического (*значение* → *форма* → *референт* / *референтная ситуация*). При этом происходит наложение друг на друга соответствующих элементов обеих моделей. Необходимо сразу отметить, что это наложение означает не тождество, а функциональную синхронизацию.

Именно результат подобного наложения мы наблюдаем в процессе анализа интенций высказывания, т.е. его иллокутивного аспекта. А поскольку оба вида взаимодействий осуществляются через форму высказывания, то при анализе прагматики высказывания необходимо отдавать приоритет формальной стороне сообщения.

Прагматическое умозаключение, актуализированное в формальной стороне сообщения, выводится «на основе значений, заложенных в реальных языковых структурах, путем анализа логических понятий, семантики, контекста» [\[13, с. 71\]](#), при этом по выражению Е. Ф. Кирова возникает «семиотическое отношение символизации» [\[14\]](#).

Подобная символизация - это, прежде всего, способ актуализации синтаксических концептов, по определению Е. В. Тарасенко, «выражаемая структурной схемой простого предложения <...> информация о типе ситуации» [\[15\]](#). Как отмечает Е. В. Натяженко, параллельно с иллокутивным актом говорящий совершает локутивный акт «посредством актов референции и предикации» [\[16\]](#), а формой речевого акта является предикативный знак, «выступающий <...> в качестве коммуникативной единицы» [\[17, с. 90\]](#).

Как представляется, для анализа иллокутивных сил высказывания необходимо обратиться к синтактике предикативного знака, т.е. рассмотреть формальные различия сообщений, в которых выражается тот или иной тип иллокутивного акта.

Здесь необходимо постулировать, что при всем разнообразии интенций, выделяемых при анализе семантики предикативных знаков, их формально-синтаксический анализ дает только три универсальные интенции, возвращающие нас к классической лингвистической классификации высказываний по цели. Повествовательные, вопросительные и побудительные высказывания формально-типологически отличаются друг от друга, что является языковой универсалией, коррелирующей, как представляется, с универсальным характером иллокутивной силы высказывания.

Следовательно, мы должны рассмотреть особенности взаимодействия коммуникативной (прагматической) и семантической модели порождения высказывания, выражающиеся в структурно-языковых реализациях синтаксических концептов предикативных знаков, поскольку, по замечанию Н. И. Жинкина, механизм взаимодействия повествовательных, вопросительных и побудительных высказываний «держится на предикативном каркасе» [\[18, с. 32\]](#). Таким образом, представляется возможным продемонстрировать когнитивно-

синтаксические модели базовых интенций в конкретных языках.

1. Повествовательные высказывания.

В ситуации повествовательного высказывания говорящий (адресант) создает осмысленное послание и направляет его адресату. Таким образом, позиция адресата соответствует означаемому, поскольку именно он формирует смысл знака, форма знака соответствует физически выраженному сообщению, а адресат коррелирует с денотатом, поскольку оба этих компонента представляют собой объекты целенаправленного воздействия (см. Рис. 2).

Рис. 2

Рассмотрим, как подобное взаимодействие актуализируется в немецком и английском языках. Основным способом выразить одну из трех целей высказывания в этих языках является порядок слов. Как представляется, его особенности – это определенная метафорическая (когнитивная) модель такого взаимодействия.

В английском языке предикативный знак повествовательного высказывания характеризуется неизменяемой связкой *S+P*. При этом на нее не влияет различие прямого и обратного порядка слов, цель высказывания остается неизменной.

He came to me yesterday. Yesterday he came to me.

Такое «стабильное» развертывание предикативной пары позволяет сопоставить ее синтактику с процессом семиозиса. Вначале говорящий формирует значение, что коррелирует с начальной позицией субъекта как главного члена предложения, первого в пространственной развертке предикации. Затем появляется форма знака, т.е. сообщение. Предикат, как известно, – это то, что говорится о субъекте. А неизменная сумма *S+P* – итог синтаксической развертки – метафорически сопоставляется с денотатом. Именно предикативная пара называет внешнюю ситуацию в процессе семиозиса высказывания, она же направлена на адресата, т.е. делает возможным восприятие смысла сообщения.

В немецком языке ситуация выглядит несколько иначе. Место субъекта относительно предиката при прямом и обратном порядке слов различается. Однако в повествовательном предложении предикат или его спрягаемая часть неизменно занимает второе место.

Er **kam** gestern zu mir. Gestern **kam** er zu mir.

Следовательно, в немецкой языковой картине мира процесс семиозиса, в первую очередь, связан с порождением формы знака. Как и в английском языке, ей метафорически соответствует сказуемое (предикат), стоящее на «нормативном» втором месте после возникновения значения. Значение в данном случае связано не с субъектом высказывания, а с первым элементом в его дискурсивном пространстве. Говоря о синтаксическом аспекте высказывания в немецком языке, необходимо отметить, что именно посредством первого по очереди элемента говорящий начинает формировать значение. В таком случае всё высказывание в целом указывает на референтную ситуацию (в отличие от английского языка). Это также подтверждается фактом реализации в немецком языке так называемой «рамочной конструкции», когда на последнем месте в предложении стоит неспрягаемая часть сказуемого

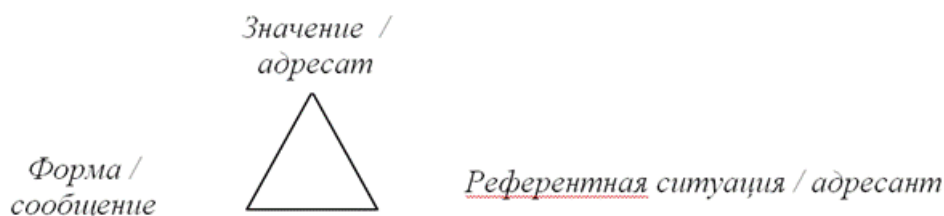
Ich **habe** ihn nie **gesehen**. Er **ist** aber unglaublich **klug**.

Иными словами, только в конце высказывания в немецком повествовательном предложении окончательно возникает его форма, указывающая на соответствующую референтную ситуацию и воздействующая на адресата.

Очевидно, что и в немецком, и в английской языке в повествовательных конструкциях метафорически актуализируется ономазиологическая модель создания имени, в данном случае имени высказывания, – от значения к форме.

2. Вопросительные высказывания.

С нашей точки зрения, вопросительные высказывания представляют собой зеркально противоположный повествовательному вариант взаимодействия коммуникативного и семантического ас

пектов

семиозиса.

Форма высказывания так же соответствует сообщению, являясь элементом-посредником. Однако в этом случае значение формирует адресат, а воздействие направлено на адресанта, который функционально соответствует денотату высказывания (см. Рис. 3).

Рис. 3

С формальной точки зрения, в немецком и английском языках различаются вопрос с вопросительным словом и вопрос без вопросительного слова. Рассмотрим вопрос с вопросительным словом. В обоих языках в данном случае наблюдается идентичный порядок слов: *Вопросительное местоимение + предикат + субъект*:

What did you do? **Was** hast du gemacht?

Как видно, на первом месте в синтаксической развертке высказывания находится элемент, обладающий выраженной дейктической функцией. Таким образом, говорящий как реализующий формальную сторону соотносится именно с его дейктическим аспектом, т.е. с референтной ситуацией, а адресат, на которого направлена иллокутивная сила высказывания, соотносится с субъектом, замыкающим данную формулу. Это явление, между прочим, отмечает А. И. Волокитина, говоря о том, что «особенностью вопросительных и побудительных предложений является <...> то, что в их коммуникативной структуре нет обычного исходного пункта высказывания» [19, с. 84]. Х. Калпак при этом рассматривает интеррогативную семантику в логике «семантической тривиальности», не зависящей от проекций пресуппозиций в высказывании, а определяющейся релевантными интерпретациями адресата [20]. Предлагаемая модель позволяет, как представляется, дать объяснение данному факту. Поскольку в повествовательном высказывании субъект метафорически соотносится со значением высказывания, то постановка субъекта в формуле порядка слов на последнее место указывает на то, что именно адресат, отвечая на вопрос, будет формировать смысл вопросительного высказывания, а, следовательно, и его пропозициональную логику.

Рассмотрим вопрос без вопросительного слова. В обоих языках также наблюдается идентичный порядок слов: *P+S+второстепенные члены предложения (при наличии)*:

Am I right? Kommst du mit?

В этом случае мы наблюдаем зеркальную по отношению к повествовательной модели модель синтаксической развертки высказывания. Члены предикативной пары меняются местами, что метафорически означает смену позиции адресанта и адресата относительно значения и референтной ситуации. Эти два элемента коммуникативной модели занимают «исходные» позиции друг друга, т.е. позиции, занимаемые ими в повествовательных высказываниях.

3. Побудительные высказывания

Взаимодействие коммуникативного и семантического аспектов семиозиса при реализации побудительных высказываний, очевидно, не может быть изоморфно ситуациям повествования и вопроса, поскольку, как было показано выше, повествование и вопрос – симметрично противоположные формально-прагматические процессы.

Как представляется, для описания семиозиса побудительных высказываний мы должны обратиться к давно известному в прагматике явлению перформативности. В теории речевых актов перформативность высказывания, как правило, проявляется в результате актуализации в повествовательных высказываниях глаголов со специфической перформативной семантикой, позволяющих реализовать принцип Дж. Серля «слово как действие». Необходимо отметить, что исследования перформативности показывают неоднозначные результаты описания перформативных глаголов. У различных авторов их списки варьируются, часто увеличиваются, так что полного описания всех лексических перформативов конкретного языка не существует. Мы полагаем, что с формально-прагматической точки зрения явление перформативности, в первую очередь, реализуется в побудительных высказываниях. Основанием для подобного утверждения является то, что побудительным высказываниям присущи признаки неверифицируемости (т.е. неприменимости к ним понятий *истинности* – *ложности*) и автореферентности.

Признак автореферентности особенно важен в данном случае, поскольку он позволяет

при соотнесении коммуникативного и семантического аспектов семиозиса в побудительных высказываниях сопоставлять сообщение с референтом семантического треугольника. Адресант, как и в случае повествовательного высказывания, формирует значение высказывания и соотносится с ним, а адресат соотносится с формой знака. Такое, на первый взгляд, неожиданное соотнесение становится очевидным, если принять во внимание то, что именно адресат побудительного высказывания является инструментом создания денотата высказывания в реальном мире, а в прагматическом аспекте форма – это инструмент воздействия (см. Рис. 4).

Рис. 4

С точки зрения порядка слов, и в английском, и в немецком языке формально побуждение выражается императивом глагола, причем глагол занимает первое место в высказывании, а субъект отсутствует. Примечательно здесь также то, что императивные высказывания и в английском, и в немецком языке представляют собой односоставные предложения, в целом, несвойственные анализируемому языкам.

Come to me! Komm zu mir!

Как представляется, подобная формальная конструкция метафорически выражает семантическую автореферентность высказывания, т.е. совпадение формы и референта в формуле Фреге, когда семиотический треугольник перестает быть треугольником, поскольку совпадают его вершины. Поскольку субъект не вербализуется, предикативность высказывания формально выражается только в предикате. В данном случае, исходя из предпосылки об обязательном наличии предикативной связи для образования высказывания, необходимо говорить о слиянии в главном члене, формально выраженном предикатом, субъекта и предиката как тождественных семантических сущностей. Следовательно, если в предыдущих моделях субъект или первый элемент в синтаксической развертке высказывания метафорически выражал значение, то при семантическом и формальном слиянии его с предикатом происходит не только слияние в императиве глагола референта и формы, но и полное слияние референта, формы и значения.

Таким образом, в формально выраженных побудительных высказываниях, характерных для английского и немецкого языков, возникает своего рода семантическая «сингулярность», которая метафорически выражает интенсивность иллюкутивного воздействия.

Выводы.

Результаты данного исследования показывают возможность выявления когнитивно-синтаксических моделей иллокутивного аспекта высказывания. Теоретическим базисом этого является понимание иллокутивной силы как результата взаимодействия коммуникативного и семиотического компонентов порождаемого высказывания, проявляющейся в его формально-синтаксическом аспекте. Поэтому целесообразно говорить о трех базовых иллокутивных ситуациях: повествовательной, вопросительной и побудительной, поскольку именно они обладают формально-синтаксическим проявлением в языках мира.

Структурно-функциональная координация элементов коммуникативного и семантического взаимодействий показывает синхронизацию адресанта высказывания со значением знака в повествовательной и побудительной структурах и с референтом вопросительных структур. Адресат высказывания в повествовательной структуре коррелирует с референтом высказывания, со значением высказывания в вопросах и с формой знака в побудительных высказываниях. Сообщение как элемент коммуникативного взаимодействия в повествовательных и вопросительных структурах синхронизируется с формой знака, а в побудительных структурах – с референтом высказывания, поскольку побудительные высказывания обладают перформативной природой.

В немецком и английском языке синтактика, возникающая вследствие действия иллокутивных сил, заключается в порядке развертывания предикативной пары. Таким образом, когнитивно-синтаксические модели повествовательных конструкций немецкого и английского языка отражают естественный ономаσιологический процесс создания имени. В вопросительных структурах реализуется зеркально-пространственная по отношению к повествовательным высказываниям симметрия при синхронизации пар *адресат–адресант* и *смысл–референт*, а также модель «дейктической пустоты». В синтактике побудительных высказываний выявляется модель «семиотической сингулярности», отражающей нейтрализацию семиотического треугольника в автореферентных высказываниях.

Приложение вышеописанных принципов анализа вопросительных, повествовательных и побудительных конструкций к материалу различных языков позволит, как представляется, выявлять национальное своеобразие когнитивно-синтаксических моделей иллокутивного аспекта высказывания для того или иного лингвокреативного сообщества.

Библиография

1. Богданов В. В. Предложение и текст в содержательном аспекте. СПб.: Филологический фак. Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2007.
2. Изотов А. И. Побудительная модальность как зона асимметрии русской и чешской языковых картин мира // Вестник ОГУ. 2012, № 11 (147). С. 78-83.
3. Перлова Ю. В. Когнитивно-прагматическое направление в изучении косвенного выражения побудительной интенции // Иностранные языки: инновации, перспективы исследования и преподавания: материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 21–22 марта 2019 г. Минск: БГУ, 2019. – С. 346-350.
4. Бут Н. А. Категориальный аппарат теории речевых актов в аспекте актуальных теорий // Вестник ТГТУ. 2003. № 1. С. 130-135.
5. Cuneo N., Goldberg, A. The discourse functions of grammatical constructions explain an enduring syntactic puzzle // Cognition. 2023. No 240(3): 105563.
doi:10.1016/j.cognition.2023.105563
www.researchgate.net/publication/372985144_The_discourse_functions_of_grammatical_con

structions_explain_an_enduring_syntactic_puzzle

6. Ungerer T., Hartmann St. Constructionist approaches: Past, present, future (Elements in Construction Grammar). Cambridge: Cambridge University Press, 2023.

doi:10.1017/S1360674324000169

7. Willich A. Konstruktionssemantik: Frames in gebrauchsbasierter Konstruktionsgrammatik und Konstruktikographie. Berlin, Boston: De Gruyter, 2022. URL:

<https://doi.org/10.1515/9783110762341>

8. Zhu Zhifang. Peirce's philosophy of language // Chinese Semiotic Studies. 2024. 20(3), Pp. 425-446. doi:10.1515/css-2024-2025

9. Гарин Е. В., Островская И. В. Рекурсивная модель речевого акта // Мир науки, культуры, образования. 2024. №1 (104). С. 480-485.

10. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М.: Прогресс, 1986. С. 170-194.

11. From fieldwork to linguistic theory: A tribute to Dan Everett / Ed. by Ed. Gibson, M. Poliak. Berlin: Language Science Press, 2024. doi: 10.5281/zenodo.11351540

12. Золян С. Т. Прагматика как само-порождение самого-по-себе-субъекта // Вопросы философии. 2023, № 7. С. 93-103. URL: <http://dx.doi.org/10.21146/0042-8744-2023-7-93-103>

13. Niu Min. The origin and development of pragmatics as a study of meaning: semiotic perspective // Language and Semiotic Studies. 2023. No. 9(1), Pp. 55-75. doi:10.1515/lass-2023-0002

14. Киров Е. Ф. Понимание смысла предложения и текста // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. № 2. С. 185-194. DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-2-185-194

15. Тарасенко Е. В. Каузальность синтаксических концептов и речевых актов // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2020 №3, <https://sfk-mn.ru/PDF/19FLSK320.pdf> (дата обращения: 28.10.2024).

16. Натяженко Е. В. Когнитивный анализ локутивного речевого акта (на материале современного немецкого языка) // Вестник ВятГУ. 2008. № 3. С. 27-32.

17. Кукушкина А. Т. Еще раз о предикативности [Текст] // Грамматические категории и единицы: Синтагматический аспект: тезисы международной конференции. Владимир: ВГПУ, 1995. С. 89-90.

18. Жинкин Н. И. Вопрос и вопросительное предложение // Вопросы языкознания. 1955, № 3. С. 22-34.

19. Волокитина А. И. К вопросу моделирования высказывания (на примере вопросительных и побудительных предложений) // Динамика языковых явлений: международный сборник научных статей. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2011. С. 81-89. <https://repo.ssau.ru/bitstream/DINAMIKA-YaZYKOVYH-YaVLENIY/K-voprosu-modelirovaniya-vyskazyvaniya-na-primere-voprositelnyh-i-pobuditelnyh-predlozhenii-76717/1/%D0%94%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D0%BC%D0%B8%D0%BA%D0%B0%20%D1%8F%D0%B7%D1%8B%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D1%85%20%D1%8F%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B9-81-89.pdf?ysclid=m47ju50vtb151069010>

20. Kalpak H. Factive Islands and Interrogative Logical Triviality // Semantics and Linguistic Theory. 2021. No 30. Pp. 146-165. doi:10.3765/salt.v30i0.481

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступает формально-семиотический аспект прагматики высказывания в английском и немецком языках. Как отмечают автор(ы), «прагматический аспект высказывания активно изучается в лингвистике еще со времени развития Дж. Сёрлем теории речевых актов, поскольку иллокутивное воздействие – это универсалия для лингвокреативной деятельности человека как биологического вида», однако «единой типологии в прагматике не существует; исследователи оперируют многочисленными вариантами классификаций интенций высказывания, в том числе, гибридными», причем «разнообразие таких классификаций в любом случае сводится к анализу значения высказывания, т.е. к его субъективной интерпретации, причем в литературе отмечается невозможность однозначной интерпретации семантики тех или иных речевых актов». Этим и определяется актуальность данного исследования.

Теоретическую основу работы обоснованно составили труды таких отечественных и зарубежных ученых, как Ю. В. Перлова, А. И. Изотов, Н. А. Бут, И. П. Сусов, Е. Ф. Киров, Е. В. Тарасенко, Е. В. Натяженко, Н. И. Жинкин, Е. В. Гарин и И. В. Островская С. Т. Золян, А. И. Волокитина, Джон Роджерс Сёрль, N. Cuneo, A. Goldberg, H. Kalpak, A. Willich, Zhu Zhifang, Niu Min и др., охватывающие широкий круг вопросов по теории речевых актов, прагматике и предикативности. Библиография составляет 20 источников, соответствует специфике изучаемого предмета и содержательным требованиям. Все цитаты сопровождаются авторскими комментариями («Примечательно, что С. Т. Золян, размышляя о месте говорящего и интерпретатора в аспекте формально-логических знаковых отношений, говорит о системах рекурсивных операций...», «Следовательно, мы должны рассмотреть особенности взаимодействия коммуникативной (прагматической) и семантической модели порождения высказывания, выражающиеся в структурно-языковых реализациях синтаксических концептов предикативных знаков, поскольку, по замечанию Н. И. Жинкина, механизм взаимодействия повествовательных, вопросительных и побудительных высказываний «держится на предикативном каркасе» и т.д.).

Методология исследования определена поставленной целью («выявить определенный универсальный механизм функционирования прагматики речевого акта, результатом которого является возникновение стандартных интенций») и задачами и носит комплексный характер. В работе используются общенаучные методы анализа и синтеза, метод лингвистического описания, метод семиотического анализа, метод компонентного анализа, метод концептуального анализа. Для анализа механизма реализации иллокутивной силы сообщения схема коммуникативного акта «адресант → сообщение → адресат» сопоставляется с семиотическим треугольником Г. Фреге, отражающим смыслообразование в процессе семиозиса.

В ходе работы подробно рассмотрены особенности взаимодействия коммуникативной (прагматической) и семантической модели порождения высказывания, выражающиеся в структурно-языковых реализациях синтаксических концептов предикативных знаков; продемонстрированы когнитивно-синтаксические модели базовых интенций в английском и немецком языках. Делаются выводы о том, что «когнитивно-синтаксические модели повествовательных конструкций немецкого и английского языка отражают естественный ономазиологический процесс создания имени. В вопросительных структурах реализуется зеркально-пространственная по отношению к повествовательным высказываниям симметрия при синхронизации пар адресат – адресант и смысл – референт, а также модель «дейктической пустоты». В синтактике побудительных высказываний выявляется модель «семиотической сингулярности», отражающей нейтрализацию семиотического треугольника в автореферентных высказываниях».

Результаты, полученные в ходе исследования, вносят определенный вклад в теорию

речевых актов и лингвопрагматику, могут применяться в курсах по коммуникативной лингвистике, теории речевой коммуникации; по культуре речи и риторике. Приложение описанных в работе принципов анализа вопросительных, повествовательных и побудительных конструкций к материалу различных языков позволит, как точно указывают автор(ы), выявлять национальное своеобразие когнитивно-синтаксических моделей иллокутивного аспекта высказывания для того или иного лингвокреативного сообщества.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую полноценному восприятию материала. Стиль изложения материала соответствует требованиям научного описания и характеризуется оригинальностью и логичностью, доступностью и высокой культурой речи. Рукопись имеет законченный вид; материал будет полезен широкому кругу лиц. Статья может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Толпарова Д.В. Средства вербализации волеизъявления в художественном тексте как доминанты идиостиля автора (на материале романа И. Бахман "Malina") // Филология: научные исследования. 2024. № 12. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.12.72360 EDN: GKKFHW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72360

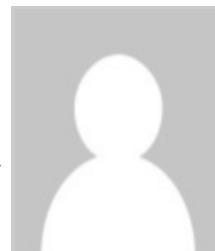
Средства вербализации волеизъявления в художественном тексте как доминанты идиостиля автора (на материале романа И. Бахман "Malina")

Толпарова Дзерасса Валериевна

ORCID: 0000-0002-7835-0567

старший преподаватель; кафедра иностранных языков для неязыковых специальностей; Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова
аспирант; кафедра романо-германских языков; Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова

362025, Россия, республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Ватулина, 44-46

✉ tolparova@yandex.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.12.72360

EDN:

GKKFHW

Дата направления статьи в редакцию:

17-11-2024

Аннотация: Повелительное наклонение, как грамматический признак глагола, выражает волю субъекта коммуникативного акта и требует от реципиента вербальной или невербальной реакции. Настоящая статья посвящена изучению способов реализации волюнтаривности в языке художественного произведения. Материалом для данной работы послужил роман «Malina» австрийской писательницы Ингеборг Бахман. Объектом исследования является категория побуждения как способ выражения воли продуцента побудительного высказывания. В статье рассматриваются грамматические и лексические средства вербализации волеизъявления, выступающие в качестве предмета исследования и представленные в анализируемом романе широким рядом форм эксплицитного и имплицитного выражения побуждения. Особое внимание уделяется глагольной форме 2-го лица единственного числа, образующей ядро категории повелительного наклонения и отличающейся наибольшей частотностью употребления в

идиолекте И. Бахман. В ходе исследования были использованы следующие методы: описательный метод, структурный метод, метод компонентного анализа, метод логического сопоставления, метод статистического анализа. Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые предпринята попытка установить корреляцию между степенью частотности употребления средств манифестации волеизъявления в художественном тексте и специфическим мироощущением художника слова, характеризующимся стремлением изменить окружающую действительность. Анализ эмпирического материала позволил выявить тенденцию к употреблению Ингеборг Бахман большинства из имеющихся в немецком языке способов вербализации повелительного наклонения. Основной вывод проведенного исследования состоит в том, что косвенные способы выражения волеизъявления, так же, как и прямые, могут быть представлены в художественном дискурсе как грамматическими, так и лексическими средствами, входящими в состав императивных структур с модальными глаголами, а также в состав эллиптических конструкций и, с точки зрения коммуникативной целеустановки, могут быть повествовательными или вопросительными предложениями.

Ключевые слова:

волеизъявление, повелительное наклонение, волюнтаривная функция, повелительное предложение, вопросительное предложение, эксплицитное побуждение, имплицитное побуждение, эллипсис, доминантная форма, градус императивности

Императиву, являющемуся, как известно, средством вербализации категории волеизъявления, присуще особое значение в синтаксической структуре организации текста, выражающееся в свойстве побудительных предложений передавать не только семантическое ядро высказывания, но и волю говорящего (приказ, просьбу, желание, предложение и т. д.). Другими словами, высказывание, содержащее волюнтаривную семантику, включает в себя два модуля – изъявительный и побудительный, то есть, как утверждают исследователи, подобное высказывание «является одновременно и сообщением, и действием: говорящий не только сообщает о своем желании, но и пытается заставить адресата его выполнить» [1, с. 70]. По мнению А. Вежицкой, «императивная конструкция – это особая конструкция, используемая в некотором данном языке для выражения значения «я хочу, чтобы ты нечто сделал» с возможными распространениями на некоторые другие смежные значения» [2, с. 49]. Соответственно, можно утверждать, что повелительное наклонение выступает прагмалингвистическим средством реализации коммуникативной установки.

Как указывает Т. В. Потапова, именно двуединой природой императивных конструкций, выражающейся в способности одновременно выполнять описательную и волеизъявительную функции, объясняется их активное использование в речевых актах на этапе зарождения человеческого общества, направленных, главным образом, на предупреждение об опасности остальных членов сообщества. Подобные императивные формы «имели дейктический характер и выражались при помощи первичной лексики, имевшей предикативный характер» [3].

Приведенное суждение подтверждается исследованиями профессора Ю. А. Пупынина, посвященными изучению особенностей первого этапа усвоения речи ребенком, характеризующегося явным преобладанием побудительных ситуаций и, соответственно, использованием «главных форм их выражения» – императива и инфинитива [4, с. 90-93].

Следовательно, побудительные речевые акты, являясь стержневыми синтаксическими конструкциями, составляют ядро коммуникативного акта.

Проблемой побудительных предложений занимались многие видные ученые, фокусируя внимание на различных аспектах категории волеизъявления. Так, В. В. Виноградов связывал побудительный модус с волей говорящего субъекта и относил его к эмоционально-волевому языку, подчеркивая при этом особую побудительную функцию интонации: «Повелительное наклонение, выражая волю говорящего, побуждающую собеседника стать производителем, субъектом какого-нибудь действия, принадлежит к эмоционально-волевому языку и характеризуется особой интонацией. Эта интонация сама по себе может превратить любое слово в выражение приказа» [5, с. 448].

А. М. Пешковский также подчеркивал роль интонации директивного высказывания и указывал на несовместимость повелительного наклонения и научного стиля, так как императив связан с эмоциями, что не свойственно научному тексту [6, с. 392]. Ученый разграничивал понятия «побудительная речь» и «повелительная речь», связывая данные феномены с соответствующей интенцией говорящего субъекта: «Если мы сообщаемыми мыслями желаем повлиять на своего собеседника, подействовать на его волю, побудить его поступить так или иначе, нашу речь можно назвать побудительной речью. Последний случай разбивается на два: мы можем побуждать слушателя сообщить нам то, чего мы не знаем, ответить на наш вопрос – речь вопросительная, и можем побуждать его сделать то именно, что мы ему приказываем или о чем просим, – речь повелительная» [6, с. 392].

Как побудительное, так и вопросительное предложение всегда обращено к реципиенту и требует от него какого-либо ответного действия или реакции. Следует дифференцировать обычные вопросительные предложения и вопросы с побудительной семантикой, поскольку первые требуют ответа в виде вербальной реакции на высказывание, а вторые – подразумевают ответное действие на вопросительное выражение. Иными словами, реципиент воспринимает вопросительную конструкцию как побуждение к действию.

В отличие от А. М. Пешковского, относившего вопросительные предложения (наряду с повелительными) к речевым единицам категории побуждения, В. С. Храковский и А. П. Володин считали правомерным называть императивными предложениями лишь высказывания, которые используются «для апеллятивного общения и в принципе не требуют ответной речевой реакции» [7, с. 7], то есть синтаксические конструкции, выполняющие функцию волеизъявления говорящего и имеющие своей целью совершение определенного действия адресатом коммуникативного акта.

В данной статье мы будем придерживаться точки зрения, согласно которой к категории повелительного наклонения, наряду с доминантными грамматическими формами вербализации волеизъявления, относятся вопросительные предложения, содержащие (имплицитно или эксплицитно) побуждение к действию.

Объектом исследования, результаты которого представлены в настоящей статье, является категория волеизъявления, а в качестве предмета выступили грамматические средства вербализации семантики побуждения в языке художественного произведения. Материалом исследования послужил роман в прозе «Malina» Ингеборг Бахман (1926-1973), одной из ярчайших представительниц немецкоязычной литературы середины XX века.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении разноуровневых языковых средств выражения побудительной функции в художественном дискурсе, рассматриваемых нами в качестве идиостилевых доминант австрийской писательницы.

Универсальным значением императивных структур является побуждение адресата к вербальному или невербальному ответу, при этом способы выражения этой интенции могут иметь различные формы. «Волонкативная функция языка в речи может эксплицироваться посредством лексических средств, морфологических форм, интонации, порядка слов, синтаксических конструкций» [8, с. 101]. Под лексическими средствами манифестации волеизъявления понимаются глаголы с семой побуждения к действию или запрета: *bitten* – «просить», *befehlen* – «приказывать», *verbieten* – «запрещать» и др. Лексические единицы чаще всего выступают вспомогательными средствами для грамматических форм выражения повелительного наклонения, образующих глагольное ядро категории побуждения, для выражения которой в немецком языке существует несколько способов. При этом грамматическая форма глагола (число и лицо) зависит от адресата, к которому обращено императивное высказывание:

1. форма 2-го лица единственного числа (*du-Form*) образуется по формуле «основа инфинитива + (в некоторых случаях) суффикс -e» и употребляется при обращении к собеседнику на «ты»;

2. форма 2-го лица множественного числа (*ihr-Form*) образуется по формуле «основа инфинитива + суффикс -e(t)» и употребляется при обращении к нескольким собеседникам на «ты». Данная форма совпадает с формой 2-го лица множественного числа в *Präsens*;

3. вежливая форма 3-го лица (*Sie-Form*) образуется по формуле «инфинитив + местоимение *Sie*» и употребляется при обращении к одному или нескольким собеседникам на «Вы». Данная форма совпадает с формой 3-го лица множественного числа в *Präsens*;

4. форма 1-го лица множественного числа (*wir-Form*) образуется по формуле «инфинитив + местоимение *wir*» и употребляется при обращении к собеседнику(-кам) с предложением сделать что-либо совместно. Данная форма совпадает с формой 1-го лица множественного числа в *Präsens* (в латинской грамматике – *Adhortativ*);

5. форма 1-го лица множественного числа (*wollen wir-Form*) образуется по формуле «*wollen wir* + инфинитив», употребляется так же, как и предыдущая форма, при обращении к собеседнику(-кам) с предложением сделать что-либо совместно, но в данном случае побуждение к действию выражается более вежливо, поскольку для автора высказывания важно желание субъекта совершать то или иное действие;

6. форма императива, образованная по формуле «*lassen (sich)* + инфинитив», также может передавать семантику побуждения;

7. категоричная форма побуждения, выраженная начальной формой глагола (инфинитивом), позволяет вербализировать приказ, либо запрет – в случае употребления с отрицательной частицей *nicht*;

8. модальные глаголы могут выступать средством вербального выражения разрешения, совета, запрета, предложения и т.д. (в зависимости от значения самого модального глагола);

9. отрицательная частица *nicht* используется для образования отрицательной формы

императива;

10. частица *mal* снижает степень категоричности повелительного высказывания;

11. вопросительные предложения, требующие в качестве реакции речевой ответ или невербальное действие (эксплицитно или имплицитно), также рассматриваются в настоящей статье в качестве побудительных высказываний.

Как показало исследование, роман И. Бахман отличается довольно высокой плотностью и разнообразием употребления средств манифестации волеизъявления. Статистические результаты исследования частотности использования в романе «Malina» приведены в нижеследующей таблице:

Общее количество языковых средств с семантикой побуждения	Общее количество страниц	Частотность употребления (единиц / страниц)	Общее количество строк	Частотность употребления (единиц / строк)
275	144	2/1	6607	1/25

Из таблицы явствует, что на каждую страницу электронного варианта романа И. Бахман приходится 2 формы вербализации категории побуждения (лексические или грамматические).

В ходе анализа эмпирического материала обнаружилось, что наиболее распространенным способом выражения изъявительного наклонения в языке анализируемого произведения является повелительное предложение со сказуемым, представленным глаголом в форме второго лица единственного числа.

Приведем несколько примеров:

Gib mir die Zeitung von heute. [\[9, S. 112\]](#)

Bitte **stell** doch diesen Kasten **ab!** [\[9, S. 117\]](#)

Bitte, **ruf** doch sofort den Sektionschef Matreier **an**, **ruf** den Minister **an!** [\[9, S. 103\]](#)

Как видим, во всех трех предложениях сказуемое выражено глаголом в форме 2-го лица единственного числа настоящего времени повелительного наклонения. Высказывания представляют собой прямой императив, что выражается в заложенной в них семантике побуждения к конкретному действию: дать газету, убрать коробку, позвонить. Обращает на себя внимание тот факт, что в конце второго и третьего предложений стоит восклицательный знак, свидетельствующий о более высокой степени экспрессивности императивной конструкции. В третьем предложении данное предположение подтверждается наличием дублирования – сказуемое *ruf an* повторяется дважды. Автор использует этот прием для усиления эффекта безотлагательности требуемого действия, который подкрепляется и на лексическом уровне – частицей *doch*.

Однако, категоричность волеизъявления в обеих рассматриваемых синтаксических структурах (во 2 и 3 предложениях) снижается посредством употребления частицы *bitte*, придающей предложению оттенок вежливости. Для речевого поведения главной героини романа характерны сомнения и растерянность, что манифестируется в тексте посредством частотного употребления лексемы *bitte* в составе императивных

конструкций, например:

*Ich rufe leiser und lauter: Hallo! **Bitte!** So **bleiben Sie** doch **bitte stehen!** Eine Frau mit einer Einkaufstasche, die schon an mir vorübergegangen ist, wendet sich um und schaut mich fragend an. Ich frage verzweifelt: **Können Sie mir bitte bitte haben Sie die Güte, bleiben Sie** einen Augenblick bei mir, ich muß mich verlaufen haben, ich finde nicht mehr weiter, ich kenne mich hier nicht aus, **bitte**, wissen Sie, wo die Ungargasse ist? [9, S. 103]*

Несмотря на высокую плотность использования в приведенном отрывке глаголов повелительного наклонения, нет нарастания градуса категоричности, что достигается посредством периодического нарушения целостности императивных структур частицей *bitte*. С той же целью, на наш взгляд, употребляется модальный глагол *können*, придающий высказыванию оттенок вежливости и снижающий степень повелительности (*Können Sie mir bitte*). Примечательно, что данный модальный глагол, входит в состав эллиптической структуры, под которой принято понимать неполную синтаксическую конструкцию с опущением значимых элементов предложения, легко восстанавливаемых из контекста. Героиня не договаривает свою мысль, бросает фразу на половине. Ее речевое поведение можно охарактеризовать как взволнованное, что, возможно, объясняется интенцией автора передать черту неуверенности главной героини романа. Как видим, посредством эллипсисов в анализируемом отрывке вербализируются повышенное эмоциональное напряжение. «Умышленное опущение того или иного члена предложения <...> делается с целью придания тексту выразительности, экспрессии» [10, с. 69].

В подобных случаях мы имеем дело с имплицитным волеизъявлением, реализующимся, в том числе, как было упомянуто выше, посредством вопросительных предложений. Например:

Wie bitte? Was soll das heißen? Hier braucht sich kein Mensch auszukennen. [9, S. 122]

Первая синтаксическая структура представляет собой усеченную грамматическую конструкцию, содержащую косвенное побуждение к повторению собеседником ранее сказанного. Второе вопросительное предложение, так же имплицитно, призывает реципиента коммуникативного акта объяснить смысл своего высказывания. Третья часть анализируемого примера не является вопросительным предложением, однако она так же обнаруживает неявное побуждение (запрет) посредством употребления глагола *brauchen* в сочетании с отрицательным местоимением *kein*.

Разберем имплицитное волеизъявление на примере еще одного вопросительного предложения:

*Es klickt, eine lebendige junge Frauenstimme fragt ausgeschlafen: **Ihre Nummer bitte?*** [9, S. 28]

Вопросительное предложение, оформленное в виде эллиптической конструкции «*Ihre Nummer bitte?*», иллюстрирует не прямое побуждение к речевой деятельности. При этом в предложении отсутствует грамматическая основа, но семантика просьбы явно считывается из усеченной грамматической структуры путем домысливания, а также благодаря включению в состав высказывания выступающей в данном случае в роли частицы лексемы *bitte*.

Следует отметить, что имплицитное побуждение довольно часто выражается посредством

эллипсиса, как, например, в приведенном ниже пассаже:

"*Was ich ihm wünschen soll, weiß ich nicht, aber ich sage: **gute Reise!***" [\[9, S. 48\]](#)

Автор высказывания желает адресату речевого акта счастливого пути, используя неполную грамматическую структуру, в которой отсутствуют подлежащее и сказуемое, но смысл реплики без труда воспринимается читателем, поскольку выражение «*gute Reise*» приобрело в языке статус устойчивого словосочетания с закрепленным за ним модальным значением оптативности.

Еще один пример имплицитной эллиптической повелительной конструкции:

"*Was ist das für eine Musik, **Schluß mit der Musik!** Mein Vater tobt wie noch nie.*" [\[9, S. 84\]](#)

Эллипсис в представленном предложении служит языковым инструментом вербализации требования выключить музыку, подкрепленного восклицательным знаком в конце высказывания. В отличие от предыдущего примера, данная фраза имеет в своем составе более явное побуждение к действию, однако здесь тоже нет сказуемого, воплощенного глаголом с побудительной семой в составе. Таким образом, приведенный отрывок из анализируемого произведения может рассматриваться как иллюстрация косвенного побуждения.

Как известно, доминантным способом выражения категории волеизъявления является императив, выраженный глаголом в форме 2-го лица единственного числа, при этом, как правило, императивные предложения представляют собой односоставные конструкции (с отсутствующим подлежащим в составе), однако, это обстоятельство не затрудняет понимание высказывания, поскольку адресат легко реконструируется из самой формы глагола, выражающего побуждение к действию (2-е лицо). Анализ собранного нами фактического материала подтверждает данную закономерность. Укажем при этом также, что для немецкого языка характерно употребление формы повелительного наклонения преимущественно без личных местоимений, в отличие от форм вежливого обращения, в которых наличие личного местоимения *Sie* обязательно.

*Bitte **sagen Sie** einfach, was Ihnen Spaß macht.* [\[9, S. 18\]](#)

Однако, в анализируемом романе встречаются также случаи использования в побудительных предложениях местоимений *du* и *ihr*, что объясняется, с нашей точки зрения, намерением автора высказывания акцентировать внимание на личности адресата, на которого направлено побуждение к действию. «Императив предполагает непосредственный контакт между приказывающим и исполнителем. Этот контакт может быть усилен введением местоимения или обращения» [\[1, с. 72\]](#). Результаты исследования эмпирического материала показали, что двусоставные императивные конструкции встречаются в идиолекте И. Бахман довольно редко. Поэтесса прибегает к употреблению личного местоимения 2-го лица единственного числа *du* в грамматической роли подлежащего для усиления эффекта побуждения императивной конструкции, например:

*Ich: **Geh du** noch arbeiten bis zum Abendessen, ich rufe dich dann.* [\[9, S. 132\]](#)

В приведенном примере писательница подчеркивает высокую степень необходимости выполнения действия именно собеседником посредством использования личного местоимения *du*, что свидетельствует о твердости волеизъявления героини романа, прототипом которой, как известно, была сама поэтесса.

В ходе анализа исследуемого источника эмпирического материала обнаружилась тенденция к употреблению И. Бахман отрицательных императивных конструкций. Рассмотрим несколько примеров:

Schwör nicht. Vergiß nicht, daß du nie schwörst. [\[9, S. 94\]](#)

В данном примере вновь использована одна из доминантных форм императива, а именно – глагол 2-го лица единственного числа, но уже с отрицательной частицей *nicht*, что в совокупности выражает семантику запрета или настоятельного совета не делать что-либо.

В результате анализа языковых средств воплощения побуждения в романе «Malina» стало также очевидно, что наряду с корневыми формами выражения волюнтаривной семантики в исследуемом нами идиолекте представлены побудительные конструкции с модальными глаголами в составе. Например:

*Dann **hör** einmal genau zu*

Du bist doch am Einschlafen

Jetzt natürlich nicht, ich bin doch nur müde

Du mußt aber die Müdigkeit ***ausschlafen***

Ich habe das Haustor offengelassen

*Müde bin ich schon, aber **du mußt ja müder sein*** [\[9, S. 29\]](#)

Прямой императив (выраженный глаголом *hören* в форме 2-го лица ед. ч.), являясь в немецком языке одной из доминантных грамматических форм вербализации волеизъявления, однозначно демонстрирует побуждение к определенному действию. Однако, в приведенном примере дважды использован глагол *müssen*, передающий сему должностования. Примечательно, что лишь в одном из двух случаев употребления данный модальный глагол может рассматриваться в качестве средства побуждения к действию, а именно – в строке «*Du mußt aber die Müdigkeit ausschlafen*», где градус императивности заметно снижен до уровня мягкого совета собеседнику. Что касается второго случая употребления глагола *müssen*, то в строке «*Müde bin ich schon, aber du mußt ja müder sein*» нет ни прямого, ни косвенного волеизъявления. Грамматическая конструкция с анализируемым нами модальным глаголом в составе выражает лишь предположение. В данном случае можно утверждать, что модальные глаголы выступают в качестве лексических средств вербализации категории побуждения, поскольку волюнтаривное содержание проявляется лишь посредством внутренней семантики модальных глаголов.

В сочетании с отрицательной частицей *nicht* модальные глаголы могут передавать значение запрета, например:

Hier können Sie nicht länger bleiben, bei dem Gesindel in der Nacht, ***gehen Sie nach Hause!*** [\[9, S. 73\]](#)

В приведенном предложении нет непосредственного запрета в виде императива как доминантной формы вербализации волюнтаривной семантики. Автор использовала глагол *können* в отрицательной конструкции «*können Sie nicht länger bleiben*» для выражения косвенного волеизъявления. Далее следует императивная структура «*gehen Sie nach*

Hause», представляющая собой директную форму побуждения.

Рассмотрим еще один вид побудительных конструкций, используемых И. Бахман в романе «Malina». Довольно часто в анализируемом художественном произведении встречаются императивные конструкции, выраженные инфинитивом, например:

*Ich rufe: **Zahlen bitte!** Her Professor Mahler, dem ich verwirrt für ein Erkennen mit einem Gruß danke, schreit lauter: **Zahlen bitte!** Herr Franz läuft an uns vorbei und ruft zurück: **Komme gleich!*** [9, S. 48]

Начальная форма глагола, выражающая приказ, выполняет волюнтаривную функцию. Несмотря на употребление автором частицы *bitte*, которая, в силу первоначального лексического значения глагольной лексики *bitten*, как правило, смягчает категоричность высказывания, использование инфинитива в качестве волеизъявительной структуры в данной синтаксической конструкции повышает степень императивности побудительного предложения.

Резюмируя вышеизложенные наблюдения, можно сделать следующие выводы. Анализ языковых средств вербализации категории побуждения, проведенный на материале романа Ингеборг Бахман «Malina», показал, что в идиолекте австрийской писательницы представлены практически все имеющиеся в немецком языке средства воплощения волюнтаривной семантики, как стержневые, образующие ядро повелительного наклонения, так и периферийные, выражающие значение побуждения косвенно. Иными словами, при организации художественного текста автор наряду с прямыми способами манифестации личностного волеизъявления использует также косвенные формы выражения побуждения.

Эксплицитные формы манифестации волеизъявления представлены различными формами императивных конструкций, среди которых наибольшей частотностью употребления характеризуется глагольная форма 2-го лица единственного числа. Данную форму можно считать идиостилевой доминантой И. Бахман. К прямым способам передачи волюнтаривного значения относятся также лексические способы выражения побуждения, которые, однако, при образовании императивных структур играют роль лишь вспомогательных средств по отношению к грамматическим средствам.

ИмPLICITными побудительными свойствами обладают такие языковые феномены, как эллиптические конструкции, вопросительные предложения, модальные глаголы и др. В подобных случаях речь идет о косвенном побуждении без прямого указания на необходимость выполнения того или иного действия (вербального или невербального). Градус императивности при этом может снижаться.

Статистические данные проведенного исследования демонстрируют высокую плотность употребления Ингеборг Бахман языковых средств выражения волюнтаривной семантики на разных уровнях организации художественного текста, что свидетельствует, на наш взгляд, о желании писательницы заставить читателя менять окружающую действительность.

Библиография

1. Дреева Дж. М., Абдукадырова Т. Т. Императив в поэтическом тексте как отражение особенностей индивидуально-авторской картины мира в аспекте художественного перевода. Монография. Владикавказ: ООО НПВП «МАВР», 2023. 160 с.
2. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999. 776 с.
3. Потапова Т. В. Императив как древнейшая грамматическая форма с предикативным

- значением / Т. В. Потапова // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. – 2020. – № 1. – С. 229-233.
4. Пупынин Ю. А. Усвоение системы русских глагольных форм ребенком (ранние этапы) // ВЯ. № 3. 1996. С. 84-94.
5. Виноградов В. В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове) 3-е изд., испр. М.: Высш. шк., 1986. 639 с.
6. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – М.: Учпедгиз, 1956. 511 с.
7. Храковский В. С., Володин А. П. Семантика и типология императива. Русский императив / В. С. Храковский, А. П. Володин. М.: АН СССР, 2001. 271 с.
8. Дреева Дж. М., Толпарова Дз. В. Эксплицитные и имплицитные средства реализации волюнтаривной функции языка в немецкой и осетинской лингвокультурах: к проблеме национальной картины мира // Известия СОИГСИ. 2021. № 42(81). С. 99-106.
9. Bachmann I. Malina. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1971. 355 S. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kostenlosonlinelesen.net/kostenlose-malina> (дата обращения: 10.11.2024).
10. Толпарова Дз. В. Эллипсис в поэтическом тексте как средство манифестации психотипических особенностей творческой языковой личности. – Шаг в науку – 2021: Материалы Всероссийской (с международным участием) конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Нальчик: Редакционно-издательский отдел КБНЦ РАН, 2021. С. 68-70.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступают грамматические средства вербализации семантики побуждения в языке художественного произведения. Материалом исследования послужил роман в прозе «Malina» австрийской писательницы Ингеборг Бахман (1926-1973). Выбор данного произведения обусловлен тем, что он «отличается довольно высокой плотностью и разнообразием употребления средств манифестации волеизъявления», «на каждую страницу электронного варианта романа И. Бахман приходится 2 формы вербализации категории побуждения (лексические или грамматические)». Актуальность работы определяется тем, что побуждение как одна из коммуникативно-прагматических категорий предложения играет чрезвычайно важную роль в человеческой деятельности: императиву как «средству вербализации категории волеизъявления, присуще особое значение в синтаксической структуре организации текста, выражающееся в свойстве побудительных предложений передавать не только семантическое ядро высказывания, но и волю говорящего (приказ, просьбу, желание, предложение и т. д.)».

Теоретической основой исследования явились фундаментальные и актуальные работы таких ученых, как Анна Вежбицкая, А. М. Пешковский, В. В. Виноградов, В. С. Храковский, А. П. Володин, Ю. А. Пупынин, Т. В. Потапова, Дз. В. Толпарова, Дж. М. Дреева, Т. Т. Абдукадырова. Библиография составляет 10 источников, соответствует специфике рассматриваемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Автор(ы) провели достаточно серьезный анализ состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Положительным моментом данной работы является апелляция к различным точкам зрения на изучаемый предмет: «В отличие от А. М. Пешковского,

относившего вопросительные предложения (наряду с повелительными) к речевым единицам категории побуждения, В. С. Храковский и А. П. Володин считали правомерным называть императивными предложениями лишь высказывания, которые используются «для апеллятивного общения и в принципе не требуют ответной речевой реакции», то есть синтаксические конструкции, выполняющие функцию волеизъявления говорящего и имеющие своей целью совершение определенного действия адресатом коммуникативного акта».

Методология проведенного исследования в работе не раскрывается, но очевиден ее комплексный характер. Методы используются с учётом специфики предмета, объекта, цели и задач работы («выявить разноуровневые языковые средства выражения побудительной функции в художественном дискурсе, рассматриваемые в качестве идиостилевых доминант австрийской писательницы»). В работе применяются общенаучные методы анализа и синтеза, сравнительно-сопоставительный, структурно-описательный, лексико-семантический, интерпретативный методы анализа, а также метод качественно-количественного анализа грамматических явлений. Автор(ы) приводят убедительные данные, используя количественный метод в своем лингвистическом исследовании. Так, в виде таблицы представлены статистические результаты исследования частотности использования средств манифестации волеизъявления в романе «Malina». Также в ходе анализа эмпирического материала обнаружилось, что наиболее распространенным способом выражения изъявительного наклонения в языке анализируемого произведения является повелительное предложение со сказуемым, представленным глаголом в форме второго лица единственного числа.

Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили автору(ам) прийти к ряду существенных выводу о том, что «в идиолекте австрийской писательницы Ингеборг Бахман представлены практически все имеющиеся в немецком языке средства воплощения волюнтаривной семантики, как стержневые, образующие ядро повелительного наклонения, так и периферийные, выражающие значение побуждения косвенно», высокая плотность употребления языковых средств выражения волюнтаривной семантики на разных уровнях организации художественного текста «свидетельствует о желании писательницы заставить читателя менять окружающую действительность» и др.

Теоретическая значимость исследования связана с определенным вкладом результатов проделанной работы в развитие таких направлений, как языковые средства выражения семантики побуждения в художественном тексте как доминанты идиостиля автора. Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее результатов в вузовских курсах по стилистике и функциональной грамматике.

Стиль статьи отвечает требованиям научного описания, содержание соответствует названию, логика исследования четкая. Рукопись имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Болбочан Д.В. Идеологический и фонетический анализ ветхозаветно-христианского и иудейского имени Бога יהוה // Филология: научные исследования. 2024. № 12. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.12.72499 EDN: DTAJCW
URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72499

Идеологический и фонетический анализ ветхозаветно-христианского и иудейского имени Бога יהוה

Болбочан Денис Владимирович

ORCID: 0009-0005-9724-9754

Магистр психологических наук

353460, Россия, Краснодарский край, г. Геленджик, ул. Горького, 31

✉ denis.bolbochan@gmail.com

[Статья из рубрики "Герменевтика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.12.72499

EDN:

DTAJCW

Дата направления статьи в редакцию:

28-11-2024

Аннотация: Статья посвящена анализу историко-культурных, лингвокультурологических и теологических аспектов тетраграмматона יהוה, употребляемого в текстах иудейского Танаха и христианской Библии, в качестве имени Бога. Автор рассматривает фонетическую реконструкцию, масоретскую огласовку и культурно-идеологическую семантику тетраграмматона в контексте иудейской и христианской герменевтики. В работе рассматриваются его фонетическое прочтение, огласовки и культурно-идеологическое значение в контексте иудаизма и христианства. Исследование акцентируется на сопоставлении лексико-фонетических вариантов произношения тетраграмматона, таких как "Иегова" и "Яхве", а также на анализе их этимологического происхождения. В исследовании сравниваются варианты произношения имени – "Иегова" и "Яхве", рассматриваются причины их возникновения, а также на основе лингвокультурологических факторов, делается вывод о более правильном с теологической точки зрения, произношения и написания тетраграмматона, отличных от иврита языках. Особое внимание уделено влиянию библейской ономастики и переводческих стратегий на утрату и трансформацию фонетического облика имени Бога

יהוה. Автор анализирует запреты на произношение имени в иудаизме, их исторические и теологические корни, а также способы замены тетраграмматона титулами ("Господин", "Господь") в христианских текстах и в поздних редакциях Танаха. Статья представляет герменевтический и экзегетический анализ религиозных и научных подходов к интерпретации тетраграмматона, подчеркивая его значимость как уникального онтологического идентификатора Бога в авраамических конфессиях. Исследование обосновано данными из древних манускриптов, библейских текстов и современных лингвистических источников, что позволяет оценить значимость правильного произношения имени для сохранения оригинального смысла библейских стихов. В статье применяются методы сравнительно-исторического и сопоставительного языкознания, а также принципы библейской экзегетики и лингвистической герменевтики. Оригинальность работы заключается в интеграции лингвокультурологического анализа с историко-религиозным подходом, что позволяет глубже понять культурно-символическое значение тетраграмматона в еврейской и христианской традициях.

Ключевые слова:

Имя Бога, Тетраграмматон, Иегова, Яхве, Масоретские огласовки, Библейские переводы, Ветхий Завет, Кумранские рукописи, Лингвистическая герменевтика, Христианская ономатология

Введение

Фонетическая проблематика имени ветхозаветного Бога, который общался с Моисеем, Авраамом и другими, заключается в том, что в древнем письменном иврите отсутствовали вокалические обозначения гласных, а имя Бога в сохранившихся текстах Торы представлено в виде тетраграмматона יהוה (YHWH/ЙХВХ), который, согласно иудейской ономастике, является самым частотным словом в Танахе (Священное Писание), встречающимся 6828 раз.

Вместо гласных в иврите в разные времена разрабатывались различные системы огласовок (символы, расположенные над/под согласными буквами означающие гласные звуки) для того, чтобы люди могли изучать священное писание. В итоге наибольшее распространение получила "Тивериадская" система огласовок для еврейского письма, помимо вавилонской и палестинской. Масоретская традиция включает также систему интонационных знаков теам'им (תְּמִימִם – «вкусовые свойства») разработанную в Тиверии (Тиберии) в VI–VII веках^[1] для регламентации правильного произношения и кантилляционного исполнения текстов Танаха.

Система огласовок, появившаяся и утвердившаяся в VI–VII веках н.э., не использовалась ранее, когда тетраграмматон передавался устно, так же сохранность изначального и верного произношения тетраграмматона יהוה осложнялось введением иудейскими фарисеями табу на использование имени Бога, ссылаясь на Заповедь Исх. 20:7, Втор. 5:11 "Не произноси имени יהוה, Бога твоего, напрасно". Этот запрет на произношение имени Бога стал активно внедряться после Вавилонского и разрушения Первого Иерусалимского Храма (Храма Соломона) 587/586 годах до н. э. и последующего пленения Иудеи. Но не всеми иудейские принимали этот запрет буквально, например Караимская община понимала иначе (не произносить Имени всуе, то есть для обмана и совершая прочие грехи). Поэтому нельзя сказать, что иудеи совершенно не знали имени своего Бога и его произношения.

Однако этот запрет в достаточной мере неоднозначный т.к. есть множество доказательств в Танахе и соответственно в христианской Библии (Священное Писание Ветхого и Нового Завета) о том, что запрещается произношение или клятва во лжи/всуге/понапрасну, тем не менее клясться этим именем иудеям не только не запрещается, но и настоятельно рекомендуется:

Втор. 6:13 יהוה, Бога твоего, бойся, и Ему [одному] служи, и **Его Именем клянись.**

Иер. 12:16 И если научатся они путям народа Моего, **чтобы клясться именем Моим:** «жив יהוה», – так же, как учили они народ Мой клясться Ваалом, то обоснуются они среди народа Моего.

Ис. 12:4 и скажете в тот день: славьте Господа, **призывайте имя Его;** возвещайте в народах дела Его; **напоминайте, что велико имя Его;**

Лев. 19:12 Не клянись именем Моим во лжи,

Современная библейская ономастика выделяет два основных варианта фонетической реконструкции тетраграмматона: Iehovah/Иегова, базирующийся на масоретской огласовке, и Yahweh/Яхве [\[2, 3, с. 792-793\]](#), более распространённый в академической среде, а также, начиная с XVIII-XIX веков в богословских и теологических кругах [\[4, 5\]](#). Первый вариант используется в современном переводе Торы – תְּהוֹוָה и встречается во многих переводах христианской библии и у различных религиоведов и теологов в различные времена, вторым вариантом оперируют в научной среде, в следствии чего он все чаще используется в светской культуре и искусстве. Но прежде, чем разбирать фонетику и огласовку, разберем для начала существование этого имени в Писаниях, для того чтобы было понятнее, в чем заключается конфликт отсутствия имени Бога в современных переводах Библии и Танаха.

Ввиду чего в христианской экзегетике имя Iehovah преимущественно заменялось титулами и эпитетами, подчеркивающими божественное величие, такими как «Господин» и производная от этого титула «Господь», например греческий вариант Κύριος (и сокращенная аббревиатура КС) в Септуагинте, Dominus на латыни используемое в католичестве, а также Lord (англ.) или Herr (нем.). Возможно, это было следствием иудейского табу в раннем христианстве или согласно христианской апофатической теологии, имя Бога является абсолютным пределом именованья принципиально неизменного начала – Nomen innominabile [\[6\]](#).

Присвоение Богу человеческого титула, такого как "Господин", вместо использования личного имени (тетраграмматона יהוה), в христианской экзегетике одновременно устраняло разногласия между именами Бога (например, Иисус и Иегова), но при этом, нивелирует уникальность божественной сущности, сравнивая её с человеческим социальным статусом.

Исторические и лингвистические аспекты тетраграмматона

При переводе Торы и других текстов Танаха на греческий язык в древних манускриптах Септуагинты тетраграмматон יהוה сначала сохранялся в ивритском написании, однако позднее был заменён титулом Κύριος (Господин/Господь), что стало характерной чертой переводческой стратегии раннего христианства. Титул Κύριος использовался для обозначения языческих богов и римского императора, которому приписывалось божественное поклонение [\[7\]](#), что делает его ключевым элементом религиозно-социальной полемики раннего христианства. Одной из причин гонений на христиан в

Римской империи был их отказ признавать культ императора. Эта коллизия лежала в основе противопоставления истинного Господа прочим господам, т.е. божествам языческого пантеона, в том числе и обожествляемой фигуре императора. В ранних манускриптах Септуагинты имя Бога, записанное в виде тетраграмматона יהוה, сохранялось в оригинальном иврите, как это видно в папирусе Фуада 266, который является уникальным ономастическим свидетельством эпохи эллинизма. Рукопись относят к I-II веку до нашей эры. Как вторая по древности рукопись Септуагинты, папирус Фуада 266 [8] подтверждает, что в более поздних манускриптах греческой Библии тетраграмматон заменялся титулами Κύριος (Господь) и θεός (Бог), что отражает эволюцию библейской ономастики и переводческих практик.

Есть и другая проблема с повсеместным применением титулов вместо имени Бога, которые дают лишь качественную характеристику Бога, показывая Его положение и способности. Например, некоторые из титулов, которые применяют к Богу, применяются и к другой божественной личности, титулы "бог", "отец" применяются в Библии и к Люциферу (Сатане), как видно в этих стихах:

2 Кор. 4:4 Для неверующих, у которых бог века сего ослепил умы...

Иоан. 8:44 Ваш отец дьявол... он лжец и отец лжи.

Ин. 12:31 Теперь настало время суда для мира, и князь этого мира будет изгнан вон.

Этим и отличается личное имя от титула. Тетраграмматон יהוה, как личное имя Бога, выполняет функцию уникального ономастического идентификатора, в отличие от титулов, которые служат для описания социального статуса или функциональной роли.

В христианской Библии, в частности в синодальном православном переводе имя Бога יהוаh употребляется не часто, но все же встретить его можно, например:

Исх. 3:14 «Бог сказал Моисею: Я есмь Сущий. И сказал: так скажи сынам Израилевым: Сущий Иегова послал меня к вам».

Словосочетание «Я есмь сущий» – достаточно вольный перевод ивритского выражения אֲנִי הוּא אֲנִי הוּא [Эние ашер эние] [9]. Что в прямом переводе означает «Я тот, кто Я есть» и в этом стихе имени Бога в оригинале на иврите нет. В стихе применяется древнееврейская идиома, подразумевающая нарочитую расплывчатость ответа и в данном контексте Бог намекает Моисею что это ни его дело знать кто Он.

В русском переводе из всего ветхого завета в христианской Библии применили имя Иегова именно в этом месте, тем самым осуществляется попытка передать значение имени, то есть «Сущий».

В английском переводе, этот стих переводят более дословно – «And God said unto Moses, I AM THAT I AM».

Но уже в стихе Исх. 3:16 мы получаем ответ на тему имени Бога, для этого необходимо рассмотреть вариант этого стиха на иврите, на английском и русском языках.

Библия King James это имя переводит как Lord, а слово אֱלֹהִים (Elohim) переводится как God, то есть Бог (для наглядности, текст выделяется различным форматированием, «**Иегова**, Бог, *Всемогущий*» – различное именование Бога):

Синодальный перевод:

Исх. 3:16 Пойди, собери старейшин Израилевых и скажи им: **Господь**, Бог отцов ваших, явился мне, Бог Авраама, Исаака и Иакова, и сказал: Я посетил вас и увидел, что делается с вами в Египте.

Английский перевод:

Ex. 3-16 Go, and gather the elders of Israel together, and say unto them, The **LORD God** of your fathers, the God of Abraham, of Isaac, and of Jacob, appeared unto me, saying, I have surely visited you, and seen that which is done to you in Egypt.

Иврит:

וַיֵּלֶךְ וַיִּסְפַּף אֶת זַקְנֵי יִשְׂרָאֵל וַאֲמַרְתָּ אֲלֵהֶם יְהוָה אֱלֹהֵי אֲבוֹתֵיכֶם נִרְאָה אֵלַי אֱלֹהֵי אַבְרָהָם יִצְחָק וְיַעֲקֹב לֵאמֹר:
פָּקֹד פְּקֹדְתִי אֶתְכֶם וְאֶת הָעֲשׂוּי לָכֶם בְּמִצְרַיִם:

Так же в Библии King James **Исх. 6:1-3**, присутствует перевод тетраграмматона в качестве личного имени, а не титула:

Английский перевод:

Exodus 6:1 Then the **LORD** said unto Moses, Now shalt thou see what I will do to Pharaoh: for with a strong hand shall he let them go, and with a strong hand shall he drive them out of his land.

Exodus 6:2 And God spake unto Moses, and said unto him, I am the **LORD**:

Exodus 6:3 And I appeared unto Abraham, unto Isaac, and unto Jacob, by the name of *God Almighty*, but by my name **IEHOVAH** was I not known to them.

В оригинале на Иврите везде используется имя Бога יהוה, а так же присутствует слово Бог – אלהי

Иврит:

א וַיֹּאמֶר יְהוָה אֶל מֹשֶׁה עַתָּה תִּרְאֶה אֲשֶׁר אֶעֱשֶׂה לְפָרְעֹה כִּי בְיַד חֲזָקָה יִשְׁלַחַם וּבְיַד חֲזָקָה יִגְרָשֶׁם מִאֲרָצוֹ: ב
וַיְדַבֵּר אֱלֹהֵי אֶל מֹשֶׁה וַיֹּאמֶר אֵלָיו אֲנִי יְהוָה: ג וַאֲרָא אֶל אַבְרָהָם אֶל יִצְחָק וְאֶל יַעֲקֹב בְּאֵל שְׁדֵי וּשְׁמִי יְהוָה לֹא
נִודַעְתִּי לָהֶם:

Буквальный перевод с иврита:

Шемот 6:1 И сказал **Йехова** Моше: «Теперь увидишь ты, что Я сделаю с фараоном – крепкой рукой он отпустит их, и крепкой рукой изгонит он их из земли своей».

Шемот 6:2 И говорил Элоhim Моше, и сказал ему: Я **Йехова**.

Шемот 6:3 И явил Я Себя Аврааму, Ицхаку и Иаакову как «*Эль Шаддай*», а именем Моим «**Йехова**» не открылся им.

Синодальный перевод:

Исх. 6:1 И сказал **Господь** Моисею: теперь увидишь ты, что Я сделаю с фараоном; по действию руки крепкой он отпустит их; по действию руки крепкой даже выгонит их из земли своей.

Исх. 6:2 И говорил Бог Моисею и сказал ему: Я **Господь**.

Исх. 6:3 Являлся Я Аврааму, Исааку и Иакову с именем «*Бог Всемогущий*», а с именем

Моим «**Господь**» не открылся им;

В масоретском тексте Торы имя Бога יהוה представлено как тетраграмматон YHWH, состоящий из согласных «йуд», «хей», «вав» и «хей» с соответствующими огласовками, что фонетически реконструируется как Iehovah, в том числе зафиксированное в англоязычной Библии King James 1611 года издания.

В стихе Исх. 6:3 имя Бога представлено как אֱלֹהֵי שָׁדַי (El Shaddai), что переводится как «Бог Всемогущий» (God Almighty). Согласно тексту, это имя, под которым Бог являлся патриархам Аврааму, Исааку и Иакову, в отличие от имени יהוה, впервые открытого Моисею и идентифицируемого через тетраграмматон.

Так же надо упоминать, что т.к. в иудейской традиции имя Iehovah (יהוה) произносить запрещается, чаще всего его заменяют на Адонай. Но по факту такого имени Бога в писании нет, это опять же желание заменить истинное имя Бога на некий «статус» по отношению к людям такой как господин. Имя Бога Адонай אֲדֹנָי широко используемое в иудейской литургической традиции, происходит от титула «адони» (господин мой) и выполняет функцию замещения личного имени יהוה в соответствии с религиозно-правовой нормой произносительного табу в иудаизме. Это подтверждается на примере Быт. 24:12, когда раб Авраама обратился к Богу: «и сказал он: **Господи**, Боже *господина* [адони] моего Авраама! пошли её сегодня навстречу мне и сотвори милость с *господином* [адони] моим Авраамом» На английском: And he said, **O LORD** God of my *master* Abraham, I pray thee, send me good speed this day, and shew kindness unto my *master* Abraham.

На иврите: וַיֹּאמֶר יְהוָה אֱלֹהֵי אֲדֹנָי אַבְרָהָם הִקְרָה נָא לִפְנֵי הַיּוֹם וַעֲשֵׂה הַסּוּד עִמָּי אֲדֹנָי אַבְרָהָם:

По факту современные иудеи, также, как и христиане, все упоминания имени Бога Iehovah заменяют на титул господина или эквивалент Господа (Господь) на русском языке, произнося Его имя как Адонай, но в Библии слово [адони] без имени Бога ни где не употребляется, а сам этот титул применяется только к людям.

К Богу же слово господин (адони) применяется для усиления Его статуса «АДОНаЙ Iehovah» – что может переводиться как «Владыка Iehovah» или «Господь Iehovah».

Масоретский текст, получивший своё название от термина "масора" (традиция), представляет собой стандартизированную редакцию Танаха, созданную масоретами для сохранения фонетической точности и передачи традиционной огласовки. Он не является тем самым священным прототекстом, который был написан пророками, хотя и очень близок к нему.

В масоретском тексте Танаха насчитывается 134 случая замены тетраграмматона יהוה на титул אֲדֹנָי (Адонай), что документально фиксируется в маргинальных заметках книжников (соферов) как интерполяция, связанная с фонетическим табу. Все эти 134 места указаны на полях в виде заметок, что софер («книжник», масорет) изменил исходный текст на иврите от יהוה до Адонай и в 8 местах до Элохим. Некоторые исследователи, например, Кристиан Давид Гинзбург (Ginsburg C.D. [\[10\]](#)), автор перевода Нового Завета на иврит, писал, что в древних манускриптах и ранних изданиях Торы в этих 134 местах писалось имя Бога Iehovah; к такому же выводу пришел теолог библеист Этельберт Уильям Буллингер (Bullinger E.W. [\[11\]](#)) и многие другие исследователи.

В рамках данной статьи, мы не будем углубляться в доказательную часть этого факта, но исходя из тенденции переводов как христианских текстов, так и иудейских, очевидно,

что имя Бога «Адонай» производная от слова «адони», то есть Господин или Владыка и именно в этом контексте оно чаще всего и переводится. Возьмем, к примеру, стих

Второзаконие 10:17

Синодальный перевод:

17. ибо **Господь**, **Бог** ваш, есть **Бог богов** и *Владыка владык*, **Бог** великий, сильный и страшный, Который не смотрит на лица и не берет даров

[Или можно было перевести как «Господин над господами», исходя из выше приведенного стиха Быт. 21:12, но в этом стихе применен синоним с более значимым титулом.]

Английский перевод:

17. For the **LORD** your **God** is **God** of **gods**, and Lord of lords, a great **God**, a mighty, and a terrible, which regardeth not persons, nor taketh reward:

[Английский язык не такой гибкий как русский, по этому тетраграмматон написали заглавными буквами LORD, Адонай перевели по своему исконному значению Lord используя заглавную первую букву, а титулы людей прописными lords.]

Буквальный перевод с иврита:

17. Ибо **Йеhова**, **Элоhim** ваш, Он **Элоhim** над всеми **элоhim** и *Адонай* над *адонами*, **Элоhim** великий, сильный и страшный, который не лицепрятствует и взятку не берет

Иврит:

יְיָ אֱלֹהֵיכֶם הוּא אֱלֹהֵי הָאֱלֹהִים וְאֲדֹנָי הָאֱלֹהִים הַגָּדֹל הַגִּבּוֹר וְהַנּוֹרָא אֲשֶׁר לֹא יִשָּׂא פָנִים וְלֹא יִקַּח
תְּשׁוּבָה:

В данном стихе раскрывается концепция библейской номинации, где вместо личного имени Бога используется широкий спектр обращений, отражающих Его функции и статус. В стихе наглядно показано, почему в Торе используется множество обращений к Богу, именно обращений, а не Его имен. И в каждом таком обращении пророки передавали определенный смысл и определение Бога и Его положение, в свою очередь переводчики из-за ограничений языка или же каких-то идеологических ограничений, все приводили принятыми титулам, не несущим особой смысловой нагрузки, это видно на примере Адоная и господина (владыки) и так же на примере перевода El Shaddai в Исх. 6:1-3, где из-за перевода частично теряется смысл стиха.

Произношение имени יהוה

Анализ тетраграмматона יהוה с точки зрения лексической структуры и фонетических особенностей иврита позволяет реконструировать его возможное произношение. В этом слове есть 4 согласные буквы יהוה – Йод Йуд + Хе, Хей + Вав, Вов + Хе, Хей и если не использовать огласовки, то получаем ЙХВХ или на латинском YHWH.

Разберем эти буквы с имеющимися огласовками יהוה:

2) 1 ׀ (точка под буквой) – **шва**. Официальная транслитерация: ə (IPA /ə/), краткое [э].

2 ׀ (точка над буквой) – **холам-мале**. Транслитерация: o (IPA /o/), протяженное [о]. Этот знак пишется слегка дальше левого края буквы, то есть прямо над вав.

З **Ѥ**(знак т под буквой)– **камац-гадол** или просто **камац**. Транслитерация: *a* (IPA /a/), протяженное [a]. Иногда слева от этого знака ставится вертикальная чёрточка, чтобы отличать его от камац-катан.

Что получаем если при прямом суммировании:

- 1: Буква Й + Огласовка Э = ЙЭ, похоже на произношение в английском слове *yes*, а точнее сказать, как старорусская буква ѣ (Ять).
- 2: Буква Х/Г + Огласовка О = ХО, может произносится с Х и с Г (как IPA /g/ и на украинский лад с фрикативным г IPA /ɣ/ что ближе к звучанию еврейской буквы ך)
- 3: Буква В + Огласовка А = ВА
- 4: Буква Х/Г – не читается

В итоге получаем общепринятое произношение и написание Имени Бога как Йэхова.

В русском языке написание «*Iehovah*» (по дореформенной русской орфографии – «Иегова») первоначально произносилось как «Егова», поскольку буква «и» в начале слов перед гласными употреблялась в функции нынешней «й». Это можно увидеть в «*Полном церковнославянском словаре*», изданном Протоиереем Григорием Дьяченко [\[12, с. 234\]](#), на рис. №1, в котором он описывает имя Бога как «Иегова́» с ударением на последнюю букву, а не как многие современники считают, что ударение в таком произношении должно быть на букве «о».

И́егова́ –*евр.* *Iehovah*, *Суцій*— великое и святое имя Бога, означающее самобытность, вѣчность и неизмѣняемость существа Божія (Исх. 3, 14). Это такъ называемое *квадратное* имя Бога (по еврейски оно пишется четырьмя буквами согласными: יהוה) произносилось только однимъ первосвященникомъ и при томъ разъ въ годъ во Святомъ святыхъ, въ субботу 9 Тишра (въ октябрѣ). Позднѣе, со времени первосвященника Ионаана, въ III в. до Р. Х. оно произносилось десять разъ.

Рисунок № 1. «Иегова́» в «*Полном церковнославянском словаре*» [\[12, с. 234\]](#)

Подобное написание и произношение, близкое к оригинальному звучанию на иврите, встречается также в греческих переводах и филологических исследованиях православных священнослужителей, где имя Бога фиксировалось как «*Ιεχωβά*» с указанием ударения на последний слог. Учитывая фонетику старорусского языка и наличие ударения можно сделать вывод о том, что ךׁ на русском языке читается как «Иегова́» а учитывая современную орфографию то следующим образом «Егова́», но с одной буквой есть разночтения, а точнее она является спорной, а именно буква «Г» и в этой букве заключается ошибочность как ударения, так и произношения этого имени на русском языке.

Славяне как этнокультурная общность сформировались в древности в результате интеграции различных племенных союзов на территории Центральной и Восточной

Европы, включая Праславян и Венедов. Постепенно праславянский язык занял доминирующее положение, ассимилировав в своем развитии элементы грамматической структуры и фонетических особенностей иных языковых систем, в частности, итальянский, которым пользовались Венеды. Ввиду чего разные славянские народы произносят букву «Г» по-разному, с одной стороны есть произношение IPA [g], как звонкое [г], с другой есть смягченное на выдохе IPA [ɣ] переходящее в звонкое [хэ], так букву «г» произносят на юге России и в Украине, и такое произношение есть явление итальянского происхождения.

Учитывая особенности передачи тетраграмматона יהוה в латинской транслитерации (Iehovah/Jehovah), греческой графике (χ[h]) и его фонетическому составу на иврите, наиболее точное русское произношение соответствует мягкому звуку [г], на южно-русский или украинский лад, или приглушенному [х], что согласуется с принципами лексической фонологии.

Второе скорее всего правильное, поэтому самое фонетически правильное написание имени Бога на русском языке будет **«Еховá» [Йе[γ]овá]**, что не противоречит ни ивриту, ни греческому, ни латинскому и английскому языкам. В русском языке вместо «Х» применялась буква «Г» дабы сделать больший акцент, и чтобы читатель не проглатывал «х» и не читал в таком порядке – «Йеова», но в современном русском языке это опасение уже не актуально.

Звук, представленный буквой «Вав» (ו), в иврите является полуогласовкой, соединяющей элементы согласного [в] и вокалического глайда [о] или [у], что соответствует понятию семивокального звука в фонетической теории. Это нечто среднее между [в] и смягчающим звуком [о] или [у] и чем-то похоже на произношение слов water ['wɔ:tə] или woman ['wʊmən] на английском языке. Самостоятельный звук «в» по факту отсутствует, для этого звука в английском есть буква «v», в свою очередь «w» объединяется с гласным и читается единым звуком, именно так и должна читаться «Вав/Вов» на иврите.

Кстати, общепринятое написание на современном английском языке так же ошибочно, т.к. взято с латинского варианта Jehova, что в итоге дало написание Jehovah первый звук вместо латинского «Ие», получился «Джи» (тоже самое кстати получилось и с Иисус, который произносят как [Джисус] с мягкой «ж»), но на современном английском самое близкое по звучанию написание должно быть через «у» а буква «v» может быть заменена на w для более мягкого произношения «в» и с большим ударением на последний слог, как на иврите – **«Yehowah»** при этом символично получаем все латинские буквы YHWH из тетраграмматона.

Ехова или Яхве

Как было сказано в начале, есть два принятых варианта написания и озвучивания имени Бога, как Iehovah/Ехова и Yahweh/Яхве. В академической среде предпочтение отдается варианту «Яхве» [\[13\]](#), что подтверждается упоминаниями древнегреческих авторов, таких как Диодор Сицилийский и Епифаний Кипрский, которые в своих текстах приводят реконструкции огласовок, включая «Яо», «Яхв» и «Яве», отражающие ономастические и герменевтические традиции. Диодор Сицилийский (90 – 30 гг. до н. э.) пишет: «а у иудеев же Бог Моисея, именуемый Йаó (□α□)» [\[14\]](#). Значение этого имени, как и значения остальных имён Бога, пояснил в IV веке Епифаний Кипрский в книге «Панарион» [\[15\]](#): «Йавé (□αβέ) – Тот, Который был и есть, и всегда Сущий».

В свою очередь в религиозной среде, одним из первых текстов Библии, в котором появляется יהוה в форме Iehovah, стала Женевская Библия (1560 год) ^[16], но до этого момента были более ранние свидетельства написания этого имени на латыни в форме Jehova.

Например, сочинение «Pugio Fidei» 1270 года (автор Raymund Martin) ^[17]. В представленном отрывке Raymund Martin как раз-таки разбирает вопрос замены имени Бога на Адонай и его аналог на латыни Dominus.

Существует лингвистическая гипотеза, согласно которой масоретские соферы наложили огласовки от титула יהוה (Адонай) на согласные тетраграмматона יהוה, в результате чего появилась фонетическая форма Iehowah, ставшая основой для латинской транслитерации. У этой гипотезы есть две возможные нестыковки. Во-первых, даже латинскими буквами нет идентичности в огласовках, если бы так было сделано, то мы бы получили как раз-таки Йахова/Яхова. Во-вторых, очевидно, что иудейские книжники использовали иврит в таком теоретическом объединении имен. А на иврите получаем следующую конструкцию: Адонай יהוה (ad-o-noy') и Ехова יהוה (ye-ho-vaw'). То есть чтобы получить первой букву А, первая согласная должна была быть с огласовкой камац ד или патах ד или хатаф-патах ד – все это дает озвучку а (IPA /a/) длинную [a] / краткую [a] / ультра-краткую [a]. В слове Адонай используется последняя (хатаф-патах) и по аналогии эта же огласовка должна использоваться в варианте озвучивания Яхве или Яхв, т.к. в иврите нет букв «Я», «Е», «Ю» есть аналоги в виде сочетания согласной буквы «йод» «י» (у/й) и последующей за ней огласовки: Йа, Йе, Йу и т.д. Получается, что религиозные иудеи 5-7 веков запутались в собственной системе огласовок и не смогли написать для Еховы аналогичную огласовку идентичную Адоною?

Вероятнее всего, древнегреческие авторы и представители византийской богословской традиции получили искажённую транскрипцию тетраграмматона יהוה от ненадёжных источников, что объясняется существующим в иудаизме произносительным табу и запретом на упоминание имени всуе или понапрасну. Становится очевидно, что те иудеи кои знали произношение этого имени, просто или не говорили, или могли его исказить специально, дабы язычники – это святое имя не оскверняли. Это же касается и других народностей, древние свитки и манускрипты которых были найдены археологами и датированы I-VII веками нашей эры. Для примера разберем рукопись на славянском языке IX века.

В IX веке византийский монах Георгий составил «хронограф» или «временник», излагающий всемирную историю от «сотворения мира» до 842 г. В греческом заголовке он именуется «грешником» (греч. Παρτωλός), поэтому произведение обычно называется «Хроника Георгия Амартола» или «Хроника Георгия Мниха» на старославянском ^[18]. «Хроника» была переведена на церковнославянский язык, причём текст существовал в двух редакциях, демонстрирующих различные подходы к адаптации византийской историографической традиции. Помимо русского (или болгарского) перевода «Хроники» (см. рис. №2) известен также сербский перевод (см. рис №3).

В повести «Александрия» ^[19], сыгравшей значительную роль в средневековой историографии, описывается встреча Александра Македонского с иудейским первосвященником, где упоминается тетраграмматон יהוה как неизречённое имя Бога. После подробного описания одеяний священника, там говорится:

«На голове же он носил клобук златотканый, который "митра" и "кидар" называют. А с

него и пластина золотая шла на темя его, на которой буквами священными было изображено Божье наименование, как Он Сам явил это Божье имя Моисею, говоря: "Я есмь Сущий" (Исход 3.14). У евреев же оно зовется "неизреченное", так как им запрещено выносить его на язык. Записывается же четырьмя буквами, потому и "четырёхбуквенным" его называют. А самаритяне называют его "иаве", иудеи же "аийа"».

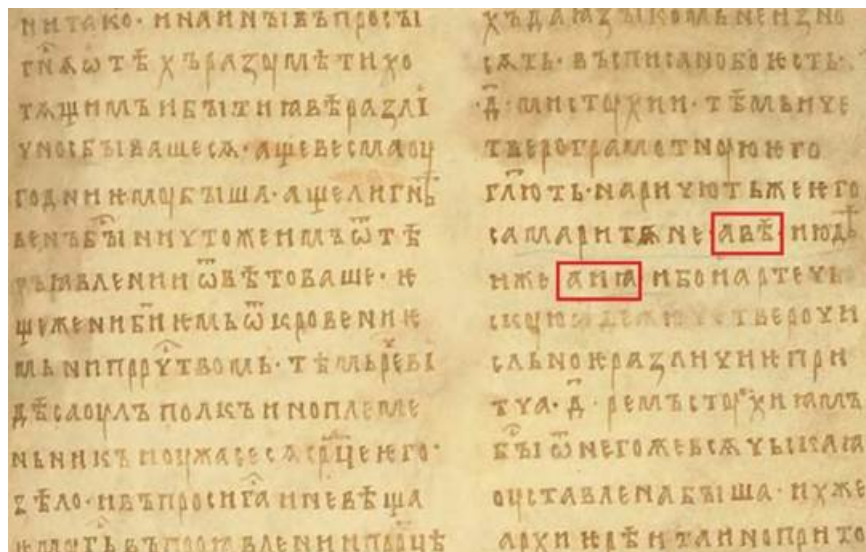

Рисунок № 2. Временник Георгия Амартола. Фонд 173.I. Фундаментальное собрание библиотеки МДА. Лист 28.

Транскрипция	Источник	Дата
AB:	Изборник Святослава	1073
AIHA	Изборник Святослава	1073
ABѢ	Временник Георгия Амартола	XII в.
AIHA	Временник Георгия Амартола	XII в.
IAVBѢ	Летописец Еллинский и Римский	XIII-XIV вв.
IAA	Летописец Еллинский и Римский	XIII-XIV вв.
IAVE	Временник Георгия Амартола, сербский перевод	1386 г.
AiA	Временник Георгия Амартола, сербский перевод	1386 г.
IAO	Сильвестровский сборник	XIV в.
IAO	Палея Толковая	1477 г.
IAOBA	Палея Толковая	1477 г.
IA	Собрание толкованием на книгу сто пятидесяти Псалмов от различных учителей, потружением блаженнаго Брунона... (Дмитрий Герасимов)	1535 (или 1536) г.
IAO	Псалтирь семи толкователей, перевода Максима грека...	сер. XVI в.

Рисунок № 3. Транскрипция тетраграмматона IAH в славянской религиозной и светской литературе X-XVI веков.

Представители древнегреческой и христианской традиции, включая писателей, историков и богословов, транскрибировали тетраграмматон YHWH на основании собственных ономастических исследований и культурных интерпретаций, что обусловило разнообразие фонетических реконструкций согласных ивритского имени. (На рисунке №

3, показаны некоторые варианты на старославянском). Исторические данные указывают на предпочтительное использование буквы «Я» в начале тетраграмматона, однако подобные реконструкции следует рассматривать в контексте ономастической гипотезы, не имеющей достаточной верификации с лингвистической точки зрения. Это лишь доказывает, что славянские народы: Греки, Болгары, Сербы, Русские и т.д. понимали и читали тетраграмматон через первую букву «я», ни больше, ни меньше, и сами же, чаще всего, подчеркивали факт того, что у иудеев это имя не произносимо.

Если опустить принятые огласовки и просто произнести согласные, опираясь на другие иудейские имена, например, с первой буквой «Йод» «י» в имени (коих не мало): ירמיהו – Йирмейа/Иеремия, ישעיהו – Йешайа/Исайя, יחזקאל – Йехэзкэйл/Иезекиил, ישוע – Иисус Навин/Йешошуа, יהודה – Йехуда/Иуда. В лингвистической традиции огласовка буквы «Йод» (י) в начале слов преимущественно передаётся как «Йе» или «Йи», за исключением имён, таких как יעקב (Иаков), где фиксируется огласовка «Йа», что отражает особенности еврейской морфонологии.

В доказательство обоснованности огласовки «Йа» вместо «Йе» можно привести известное многим слово «Аллилуйя», которое используется в богослужении как призыв для восхваления Бога (с отсылкой к имени יהוה). И что интересно, это слово перешло в христианство из иудаизма, без перевода, что так же способствует потери смысла для людей, не знакомых с ивритом. Примером интертекстуального использования имени Бога может служить выражение «Аллилуйя», упоминаемое в Откровении 19:1–6, где оно представляет собой литургическую кальку с древнееврейского הללוהו, дословно переводимого как «восхваляйте ה'». Общепринятая огласовка буквы «Йод» тут представлена с «камац», что по всем правилам иврита даёт огласовку Яа и далее идёт буква «Хе». И это можно взять за гипотезу, почему древнегреческие религиоведы взяли за основу огласовки имени Бога через «Йа». В этом представлении указана только половина тетраграмматона, что скорее всего является сокращённой формой, для созвучности в богослужении и отсылкой к имени Бога, вместо прямого написания.

Одним из дискуссионных вопросов остаётся использование огласовки «о» в тетраграмматоне, как, например, в записи имени Бога יאו (Йао) древнегреческим историком Диодором Сицилийским, что иллюстрирует особенности передачи семитских имён в греко-римской ономастической традиции. Также есть еще более древние свидетельства написания имени таким образом, таковым является перевод Библии на древнегреческий язык, в свитках Мёртвого моря, датируемых III-I веком до н.э (Электронная библиотека Свитков Мертвого моря имени Леона Леви. Фото 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8. URL: <https://www.deadseascrolls.org.il>)

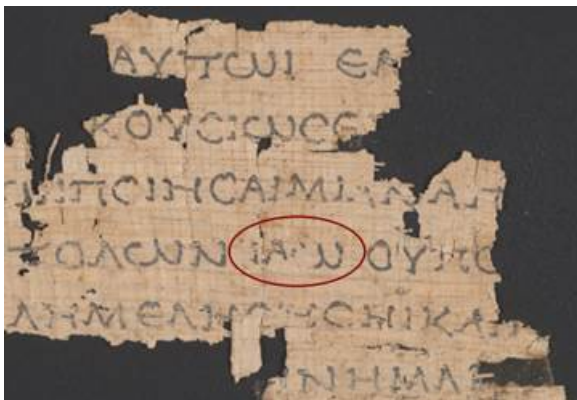

Рисунок № 4. Свиток мёртвого моря «4Q120 – 4Q papLXXLevb». Левит 4:27 [\[20\]](#)

Ниже в таблице приведена реконструкция этого папируса (см. рис. №4) и перевод:

26 [...] της αμα [...] [...] σετα [...] αυτω 27 εαν δε ψυχη μια αμαρτη ακουσιως εκ του λαου της γης εν τω ποιησαι μιαν απο πασων των εντολων ιαω ου ποιηθησε-ται και πλημμεληση	26 [...] гре [...] [...] проше[но] ему 27 если же душа одна согрешит невольно из народа земли когда сделает (по) одной из всех заповедей Иао – «(да) не будет сдела-но» и преступит
--	--

Тетраграмматон יהוה упоминался и интерпретировался многими древнегреческими историками и христианскими богословами, включая Иринея Лионского (II век), Оригена (III век), Иеронима Стридонского (IV век) и Феодорита Кирского (V век). Фонетическая реконструкция «Йаве» была широко распространена как в греческой, так и в славянской экзегетической традиции (см. рис. №3).

Для понимания причин использования древними греками огласовки «о» в передаче тетраграмматона יהוה, полезно рассмотреть лексико-фонетические особенности имени Иисуса Христа, которое на иврите звучит как ישוע (Йешуа́) и имеет сложное историко-филологическое развитие. Это имя Бога претерпело множество коллизий разнообразных переводов и достаточно сильно отличается в произношении от еврейского варианта.

Имя Ιησοῦς (Йесоус), известное в русском языке как «Иисус» (англ. Jesus, др.-русск. Исоусъ, ст.-слав. Иисоусъ), является греческой транскрипцией еврейского имени ישוע (Йешуа) и представляет собой классический пример культурно-ономастической адаптации. «Йесоус» – так по-гречески звучит имя Ιησοῦς или привычное нам «Иисус» (англ. Jesus, др.-русск. Исоусъ, ст.-слав. Иисоусъ). В русский язык, это имя перекочевало к нам из греческого, и практически полностью утратило свое первоначальное звучание, изменившись до неузнаваемости для евреев. На иврите имя ישוע (Йешуа) является усечённой формой имени ישועה (Йехошуа), что иллюстрирует процесс сокращения теофорных имён в иудейской ономастике для облегчения их использования в повседневной речи. Это имя было известно и использовалось на протяжении истории еврейского народа, содержится оно и в Танахе.

Имя Йехошуа давалось в основном в память об ученике Моисея и завоевателе Земли Израильской Йехошуа бин Нуне (XV–XIV века до н. э.) (бин Нуне – переводится как сын Навина), которого Синодальный перевод Библии на русский язык также называет Иисусом – Иисус Навин. Изначальное имя ישועה (Йехошуа) имеет теофорное происхождение, соединяя тетраграмматон יהוה (Йехова) с корнем ישוע (спасение), что придаёт имени значение «Йехова спасает» или «помощь Йеховы». В свою очередь это имя появилось за долго до появления Иисуса Христа:

Синодальный перевод:

Чис. 13:17 Вот имена мужей, которых послал Моисей высмотреть землю. И назвал Моисей Осию, сына Навина, **Иисусом**.

Прямой перевод с иврита:

Бемидбар 13:16 Это имена мужей, которых послал Моше высмотреть землю. И назвал Моше Ошэа (спасение), сына Нуна – **Йеһошуа**.

Иврит

טו: אלה שמות האנשים אשר שלח משה לתור את הארץ ויקרא משה להושע בן נון **יהושע**

Если убрать огласовки из ивритского варианта, то в этом имени получаем 3 основные буквы из четырех тетраграмматона YHW (последняя H ни в каких языках не читается). И если озвучивать имя Ехошуа/Ешуа сухо, исходя из древних манускриптов древнегреческих писателей, то оно должно начинаться с «Яхв», однако же т.к. на произношение этого имени запрета у иудеев не было, то все прекрасно его читали и произносили во все времена и разница была лишь в различных переводах с одного языка на другой. По этой причине Ехошуа трансформировался на русский в Иисус, а, например, на английском, через латынь, получилось еще интереснее: Иисус Навин пишется Joshua (лат. Iosue), а Иисус Христос – Jesus (лат. Iesus).

Синодальный перевод:

Исх. 17:9. Моисей сказал **Иисусу**: «выбери нам мужей, и пойдй, сразись с Амаликитянами; завтра я стану на вершине холма, и жезл Божий будет в руке моей».

10. И сделал **Иисус**, как сказал ему Моисей, и пошел сразиться с Амаликитянами; а Моисей и Аарон и Ор взошли на вершину холма.

Прямой перевод с иврита:

Шемот 17:9. И сказал Моше **Йеһошуа**: «Выбери нам мужей и пойдй, сразись с Амалэйком. Завтра я стоять буду на вершине холма с посохом Элоһим в руке моей».

10. И сделал **Йеһошуа**, как сказал ему Моше о сражении с Амалэйком. А Моше, Аарон и Хур взошли на вершину холма.

Иврит

וַיֹּאמֶר מֹשֶׁה אֶל יְהוֹשֻׁעַ בְּחַר לָנוּ אַנְשִׁים וְצֵא הַלַּחַם בְּעִמְלֵק מִחֵר אֲנֹכִי נֹצֵב עַל רֹאשׁ הַגְּבֵעָה וּמִטָּה הָאֱלֹהִים
בַּיּוֹם יִנְעַשׂ יְהוֹשֻׁעַ כְּאֲשֶׁר אָמַר לוֹ מֹשֶׁה לְהִלָּחֵם בְּעִמְלֵק וּמֹשֶׁה אָהָרֹן וְחֹוּר עָלוּ רֹאשׁ הַגְּבֵעָה

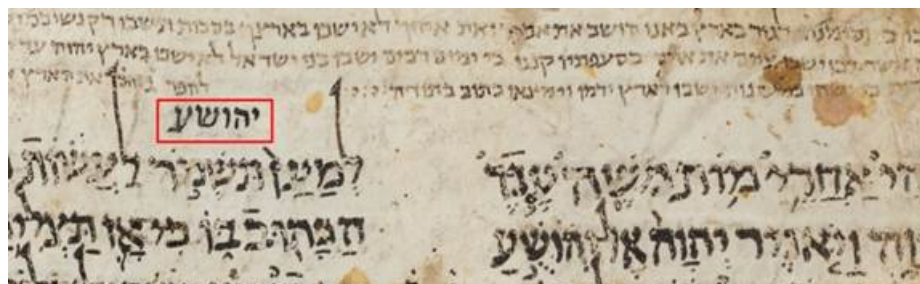

Рисунок № 5. Кодекс Сассуна IX–X вв., יהושע — Книга Ехошуа (Иисуса) Навина. — Тель-Авив: Музей еврейского народа ANU, 2023.

В латинской Вульгате [\[21\]](#), основанной на переводах блаженного Иеронима Стридонского (380–420 гг.), имя יהושע представлено как [yəhōšū'a], что подтверждается данными из "Православной энциклопедии" и отражает лексико-фонетическую адаптацию древнееврейских имён в христианской традиции.

Кумранские рукописи, содержащие фрагменты стиха Исх. 17:9, являются одним из наиболее ранних текстологических свидетельств имени יהושע (Йехошуа), сохранившегося с незначительными графическими отклонениями. В них есть неточности и неразборчивые буквы, в частности перепутана буква «Вав» которая стоит после «Син», а не наоборот, как должно быть (см. рис. № 6).

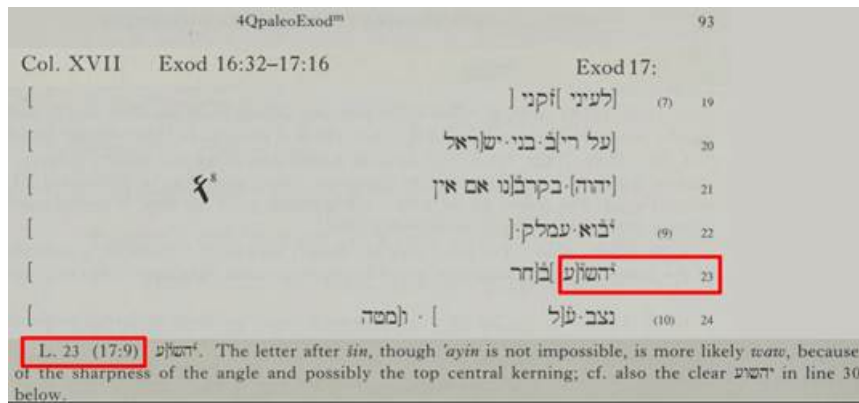

Рисунок № 6. Кумранские рукописи, Исх. 17:9 [22].

Имя «Иуда» (יהודה), как и «Йехошуа», включает в себя первые три буквы тетраграмматона, что подчёркивает его теофорный характер и отражает особенности древнееврейской ономастики. Йехуда [yəhûdāh] – «хвала Еховы». Точно так же в этом имени получаем «Йех» вместо «ה», а не Йах. Т.к. в этом имени есть дополнительная гласная «Далет», то буква «Вав» трансформировалась в звук [y], а в конце имени, буква «Хет» так же трансформировалась в [ah].

Анализ фонетики еврейских имён, таких как יהושע (Йехошуа) и יהודה (Йехуда), свободных от табу на произношение, позволяет сделать вывод, что вариант «Ехова» более точно соответствует иудейской фонологической традиции, чем «Яхве».

Так же надо отметить тот факт, что в ортодоксальном христианстве в отличии от иудаизма единый Бог, разделен на 3 сущности: Бога Отца, Бога Сына и Духа Святого, которые в свою очередь составляют христианскую троицу и считаются по своей сути единым Богом.

Для примера рассмотрим цитату из Библии **Ин. 14:4-12**

4. А куда Я иду, вы знаете, и путь знаете.
5. Фома сказал Ему: Господи! не знаем, куда идешь; и как можем знать путь?
6. Иисус сказал ему: Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня.
7. Если бы вы знали Меня, то знали бы и Отца Моего. И отныне знаете Его и видели Его.
8. Филипп сказал Ему: Господи! покажи нам Отца, и довольно для нас.
9. Иисус сказал ему: столько времени Я с вами, и ты не знаешь Меня, Филипп? Видевший Меня видел Отца; как же ты говоришь, покажи нам Отца?
10. Разве ты не веришь, что Я в Отце и Отец во Мне? Слова, которые говорю Я вам, говорю не от Себя; Отец, пребывающий во Мне, Он творит дела.
11. Верьте Мне, что Я в Отце и Отец во Мне; а если не так, то верьте Мне по самым делам.
12. Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит, потому что Я к Отцу Моему иду.

В христианском богословии, при триадическом представлении Бога, связь между именами Бога Отца (Ехова) и Бога Сына (Ехошуа) становится очевидной как на

лексическом уровне, так и в семантическом аспекте, где имя Сына интегрирует имя Отца, подчеркивая его теофорное происхождение.

Но также есть суждение, на основе древних библейских текстов, о более позднем внедрении понятия троицы в христианской онтологии, на основании доктрин, принятых на первых Христианских Вселенских Соборах [23], что, по мнению многих исследователей, противоречит текстам Библии [24]. Однако не взирая на сущность личности Иисуса Христа, будь то Сын Божий или же Мессия Бога или же это идентичная личность с ветхозаветным Богом Еховой, в рамках данного исследования не столь важно, но связь между этими двумя Божественными личностями очевидна.

Адаптация имён персонажей Христианской Библии может быть оправдана в рамках лингвистической трансформации, однако адаптация теонимов, таких как יהוה (Ехова) и ישוע (Ехошуа), вызывает вопросы с точки зрения ономастической идентичности и религиозной аутентичности.

На протяжении столетий имя Бога Иисуса Христа является святым и спасительным для всех христиан, ввиду чего, безусловно, нет никакой необходимости изменять устоявшееся греческо-латинскую адаптацию имени Ехошуа, однако важно знать корень и происхождение этого имени, несмотря ни на какие идеологические и лингвистические трансформации.

Выводы

Во всех основных христианских конфессиях и в иудаизме, в разные периоды времени было принято скрывать личное имя иудейского Бога (тетраграмматон יהוה), заменяя его титулами, такими как Господин/Господь/Адонай. Это решение привело к постепенному забвению или искажению оригинального произношения, что вызвало множество дискуссий среди теологов, историков и филологов. На протяжении столетий выдвигались гипотезы о правильной фонетической реконструкции тетраграмматона, включая вариант «Яхве», который стал доминирующим в научной среде на основе манускриптов и свитков в основном на греческом языке. При этом иудейские масоретские огласовки, предполагающие вариант «Ехова», часто оспариваются, ввиду их искаженности с точки зрения научного подхода.

Данная статья акцентирует внимание на фактах, основанных на современных археологических и исторических данных, позволяющих объективно оценить значимость имени יהוה в Библии. Это помогает не только избежать потери смысла стихов из-за подмены личного имени Бога на титулы, но и подтвердить достоверность масоретской огласовки, чтобы христианский мир также мог применять оригинальное произношение этого имени. Однако утверждение того, что «Яхве» является самым верным прочтением, остаётся спорным, так как базируется на интерпретациях христианских религиоведов древности и средних веков, без должного учёта иврита и иудаизма, что противоречит историческим корням, связанным с жизнью и деятельностью Иисуса Христа в Иудее, когда общепринятыми языками региона являлись иврит (древнееврейский) и значительной степени близкий к нему арамейский. Вместе с тем, важно учитывать, что при всей лексической и фонетической трансформации, имена יהוה (Ехова) и ישוע (Ехошуа) сохраняют внутреннюю семантическую связь. Это очевидное сходство отражает глубокую богословскую связь между ветхозаветным, иудейским Богом и сыном Божиим в христианстве. Понимание этой взаимосвязи позволяет более полно оценить культурный и религиозный контекст.

В христианстве существует общепринятый вариант рус. «**Еховá**» или Йе[у]овá (с гортанной Г), на английском языке «**Yehowah**», который по мнению автора является более правильным, т.к. берет свои истоки из иврита и иудаизма, то и внесение неразберихи с разным озвучиванием имени Бога приводит лишь к забвению этого имени и этот факт очень интересен с исторической точки зрения – почему имя Бога испокон веков стараются убрать/забыть/исказить? Но это уже другой вопрос, который требует отдельного исследования.

Более того, из-за такого рода забвения и сокрытия этого имени в религиозном мире образуются различные секты и деноминации, спекулирующие глубиной познания Писания, доказывая свою уникальность и избранность, тем самым дискредитируя изначально верное имя Бога, с фонетическими искажениями «Иего́ва», заставляя философов и теологов современности опровергать авторитарно-тоталитарные режимы этих сект, в том числе оспаривая основу их учений, знание об имени Бога, и настойчиво предлагая свою версию – «Яхве».

Научное сообщество не должно допускать искажения произношения тетраграмматона יהוה под предлогом защиты социума от тоталитарных сект, так как это подрывает объективность текстологического анализа и усиливает спекуляции вокруг сакрального имени Бога иудаизма и христианства.

Библиография

1. Имена Божии // Еврейская энциклопедия. – М.: Терра, 1991. Т. 8. С. 129-148.
2. Шукуров, Д. Л. "Анализ герменевтических подходов к истолкованию богооткровенного имени в библейской книге Исход в контексте греко-иудейского культурного синтеза" *Филология: научные исследования*, 2019. С. 30-42.
3. Большая российская энциклопедия: [в 35 т.] / гл. ред. Ю. С. Осипов; 2004–2017, т. 35. С. 792-793.
4. Архиепископ Феофан (Быстров). Тетраграмма или Божественное Ветхозаветное Имя יהוה. Киев: Пролог, 2004. 356 с.
5. Воронкин, С. В. Древний тетраграмматон "ЙХВХ" как теологическая проблема / С. В. Воронкин // *Антропос: Логос и Теос*. – 2017. – № 3. – С. 229-240. – EDN ZCHXIL.
6. Курдыбайло, Д.С., Курдыбайло И.П. О влиянии Прокла на диалектику имени и именования в Ареопагитическом трактате «о божественных именах» // *Соловьевские исследования*. 2018. № 4 (60).
7. Lenski, R. C. H. *The Interpretation of I Corinthians (Lenski's Commentary on the New Testament (LCNT))*. Augsburg: Fortress Press, 2008. 792 p.
8. Библия Септуагинты. Папирус Фуада 266: Рукопись I–II вв. до н.э. // *Discoveries in the Judaean Desert / Под ред. E. Tov*. – Oxford: Clarendon Press, 1992.
9. Селезнёв, М. Г. Самоопределение Бога в Исх 3:14: «Я есмь Сущий» или «Я Тот, кто Я есть». Экзегеза современных интерпретаторов и грамматика древних текстов // *Государство, религия, Церковь в России и за рубежом*. 2017. № 4. С. 162-186.
10. Ginsburg, C.D. *The New Testament in Hebrew*. London: Trinitarian Bible Society, 1885.
11. Bullinger, E.W. *The Companion Bible*. London: Eyre & Spottiswoode, 1909.
12. *Полный церковно-славянский словарь* / Сост. протоиерей Григорий Дьяченко. – М.: Типография Вильде, 1899.
13. Шукуров Д.Л. Именование Бога в Библии и доктрина «Свидетелей Иеговы» (критический обзор проблематики) // *Филология: научные исследования*. 2020. № 2. С.87-100. DOI: 10.7256/2454-0749.2020.2.32499 URL: https://e-notabene.ru/fmag/article_32499.html
14. Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. В 3 томах. Том 1. Перевод с

древнегреческого Э. Д. Фролова. Москва: Рубежи XXI, 2021.

15. Епифаний Кипрский. Панарион, или Ковчег. Перевод с древнегреческого Московской духовной академии. Москва: Тип. В. Готье и М. Лаврова, 1863–1883.

16. Geneva Bible. Printed by Rouland Hall. – Geneva: [s.n.], 1560.

17. Raymund Martin. Pugio Fidei adversus Mauros et Judaeos. – Rome: Typographia Sacrae Congregationis de Propaganda Fide, 1651 [Первое известное издание].

18. Временник Георгия Амартола. – Рукопись конца XIV века. – Фонд 173/I, № 100. – Фундаментальное собрание библиотеки Московской духовной академии. – Российская государственная библиотека, Москва.

19. Александрия: Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века / Пер. с древнерус. В. А. Матвеевко, Л. И. Щеголева; под ред. Д. С. Лихачёва. – М.: Наука, 1966. – С. 123.

20. Q120 – 4Q papLXXLevb: Leviticus 4:27. // Tov E., Weigold M., Parsons P. Discoveries in the Judaean Desert. Volume IX: Qumran Cave 4. – Oxford: Clarendon Press, 1992.

21. Hieronymus Stridonensis. Biblia Sacra Vulgata. Editio quinta. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 2007.

22. Qumran cave IV: Palaeo-Hebrew and Greek biblical manuscripts. – Oxford: Clarendon Press, 1992. – С. 93.

23. Карташев, А. В. Вселенские Соборы : Монография / А. В. Карташев. – Москва : Директ-Медиа, 2011. – 394 с. – ISBN 978-5-4460-0503-1. – EDN SUQKUP.

24. Баззард, Э., Хантинг, Ч. Учение о Троице. Самообман христианства / Пер. с англ. - РОБ- но: Издатель А. Долбин, 2003. – 355 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на научную статью "Идеологический и фонетический анализ ветхозаветно-христианского и иудейского имени Бога יהוה"

Рецензируемая статья посвящена исследованию имени Бога, обозначаемого тетраграмматом יהוה (Яхве), в контексте ветхозаветно-христианской и иудейской традиций. Автор изучает не только фонетический аспект произношения и этимологию имени, но и его идеологическую трактовку в различных религиозных и культурных контекстах. Особое внимание уделяется взаимосвязям между богословскими представлениями, филологией и историей.

Методология исследования.

Исследование опирается на междисциплинарный подход, включающий филологический, богословский, исторический и идеологический анализ. Используются первоисточники, а также сравнительный анализ с текстами других древневосточных религий. Фонетический анализ опирается на данные реконструкции древнееврейского произношения и комментарии современных лингвистов.

Актуальность исследования обусловлена возросшим интересом к вопросам языковой идентичности сквозь призму религиозной идентичности, истории религий и диалога между христианством и иудаизмом. Имя יהוה занимает центральное место в обоих вероучениях, что делает его анализ важным для понимания различий и точек соприкосновения двух традиций. Работа отвечает на вызовы современного религиозоведческого дискурса, стремящегося к углубленному изучению первоисточников. Научная новизна настоящей работы заключается в попытке объединить идеологический

и фонетический анализ, что редко встречается в подобных работах. Автор выявляет взаимосвязь между произношением имени Бога и его богословским восприятием в разные эпохи. Кроме того, в статье предложены новые интерпретации лексического и грамматического значения имени יהוה , которые обогащают существующие исследования в данной области.

Статья написана в академическом стиле, но доступна и для заинтересованного читателя, знакомого с основами религиоведения. Она структурирована на введение, основную часть (идеологический и фонетический анализ) и выводы. В тексте приводятся выдержки из первоисточников с переводом и комментариями, что делает аргументацию убедительной. Приведенные в тексте работы рисунки в значительной степени облегчают восприятие. Отдельно стоит отметить глубокий анализ лексемы יהוה с учетом контекста древнееврейского языка, с одной стороны, и разными вариантами перевода, с другой: синодальный, прямой и буквальный переводы с иврита, перевод на английский язык.

Библиография статьи охватывает широкий спектр источников: древние тексты, классические труды по теологии и религиоведению, а также современные научные исследования. Автор демонстрирует осведомленность о достижениях в области филологии и религиозной философии, что подтверждает высокий научный уровень работы.

Апелляция к оппонентам.

Автор ведет полемику с альтернативными интерпретациями имени יהוה , предложенными как в классической теологии, так и в современных исследованиях. В частности, опровергаются упрощенные подходы, ограничивающие анализ только филологической наукой или только теологией. Автор аргументирует необходимость комплексного подхода, подкрепляя свои выводы сравнительным анализом с другими именами и эпитетами Бога в древнееврейской и христианской традициях.

Выводы, интерес читательской аудитории

Статья завершает исследование выводами о значении имени יהוה как концепта, объединяющего богословие, историю и культуру. Работа будет интересна специалистам в области религиоведения, теологии, филологии, а также всем, кто интересуется глубоким анализом библейских текстов. Автор создает предпосылки для дальнейших исследований в области компаративного анализа имен Бога в различных религиозных традициях: «В христианстве существует общепринятый вариант рус. «Еховá» или Йе[Ү]овá (с гортанной Г), на английском языке «Yehowah», который по мнению автора является более правильным, т.к. берет свои истоки из иврита и иудаизма, то и внесение неразберихи с разным озвучиванием имени Бога приводит лишь к забвению этого имени и этот факт очень интересен с исторической точки зрения – почему имя Бога испокон веков стараются убрать/забыть/исказить?»

Рецензируемая статья полностью соответствует заявленному паспорту специальности и представляет собой законченное произведение, логически и композиционно стройное, которое может быть интересно широкому кругу читателей. Полагаем, что статья "Идеологический и фонетический анализ ветхозаветно-христианского и иудейского имени Бога יהוה " может быть рекомендована к публикации в научном журнале "Филология. Научные исследования".

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Халимзода З.А. Русский язык в образовательной среде Республики Таджикистан // Филология: научные исследования. 2024. № 12. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.12.69848 EDN: GCMJTY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69848

Русский язык в образовательной среде Республики Таджикистан

Халимзода Зиёвидин Амирхуджа

аспирант кафедры иностранных языков Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 19

✉ daler.halimov.95@mail.ru

[Статья из рубрики "Язык"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.12.69848

EDN:

GCMJTY

Дата направления статьи в редакцию:

14-02-2024

Аннотация: Данная статья посвящена вопросу изучения русского языка в сфере образования Республики Таджикистан, а также в общеобразовательных школах, где обучение ведется полностью на таджикском языке, с учетом повышения эффективности усвоения русского языка. Ставится вопрос о необходимости учитывать родной язык учащихся при обучении таджикских школьников русскому языку. Проанализированы грамматические категории числа, рода и падежа существительного в анализируемых языках, а также определены сходства и различия рассматриваемых понятий. Особое внимание уделяется вопросам преподавания русского языка в связи с тем, что в языковых условиях Таджикистана, при отсутствии естественной русскоязычной среды, на систему образования падает основная нагрузка в изучении и сохранении языка. Сегодня среди различных направлений социально-экономического развития Таджикистана особое внимание уделяется вопросу изучения языков, особенно русского. Действительно, с каждым годом в нашей стране увеличивается количество людей, заинтересованных в изучении русского и других языков Востока и Запада, а количество молодых людей, заинтересованных в изучении нескольких языков, увеличивается с

каждым годом. Школьная система оценки качества образовательного процесса в Республике Таджикистан выстроена на основе оценивания. Оно базируется на форме опросов, дискуссий, викторин и др. В общеобразовательных учреждениях Республики Таджикистан введены окончательные экзамены (в 4, 9, 11 классе). Для средней школы РТ выставление оценки осуществляется по 5-балльной системе. Сегодня не подлежит сомнению важность роли русского языка в жизни людей всего постсоветского пространства – русский язык является несомненным ключом к развитию межнациональных и межкультурных связей. Поэтому практическое встраивание учебных программ по русскому языку в систему образования как РТ, так и всех постсоветских стран закономерно и целесообразно. Данные учебные и методические программы должны отвечать требованиям времени, усовершенствоваться по мере развития межнациональных отношений.

Ключевые слова:

русский язык, образование, внутренняя мотивация, постсоветское пространство, язык международного общения, учебник, таджикский язык, сопоставительная типология, таджикская школа, русская школа

Сегодня среди различных направлений социально-экономического развития Таджикистана особое внимание уделяется вопросу изучения языков, особенно русского. Действительно, с каждым годом в нашей стране увеличивается количество людей, заинтересованных в изучении русского и других языков Востока и Запада, а количество молодых людей, заинтересованных в изучении нескольких языков, увеличивается с каждым годом на год. В Республике Таджикистан (РТ) образовательный процесс по русскому языку в средних школах построен на новой программе. Она базируется на учебно-методическом пособии профессора Т. В. Гусейновой. Пособие разработано согласно законодательным документам Республики Таджикистан. В перечень этой документации входят «Образовательный стандарт по русскому языку», закон «О языке», «Об образовании», «Государственная программа совершенствования преподавания и изучения русского и английского языков в Республике Таджикистан на 2003-2014 годы». В связи с этим год от года в Таджикистане увеличивается количество школ, в которых обучение ведется на русском языке. По статистике, русскоязычное население Таджикистана не очень велико. Однако эксперты полагают, что увеличение количества русских школ связано с растущими запросами родителей, желаниями и вкусами местных жителей.

На наш вопрос - "Почему в Таджикистане отдают больший приоритет русским школам?" ответы были разными. По мнению некоторых родителей, учиться в российских школах выгоднее, поскольку наряду со знанием языка их дети воспитываются ответственными, свободомыслящими и здоровыми людьми, имеют больше возможностей для поступления в высшие учебные заведения за рубежом. Поэтому мы опросили некоторых жителей центра столицы, чтобы определить, насколько важно изучать русский язык. Жительница столицы Мадина Махмудова рассказывает, что ее сын учился в детском саду в русскоязычной группе, а также получил начальное образование в русском классе столичной общеобразовательной школы №51. По этой причине он хочет, чтобы сын продолжил обучение в лицее №1 для одаренных учеников Душанбе, где обучение ведется полностью на русском языке. "Студенты, которые учатся в русских классах, относительно умны, дисциплинированы и грамотны", - сказала Мадина. - У них больше

возможностей в будущем, поскольку условия обучения в российских школах намного лучше, чем в таджикских. Чтобы мой ребенок смог продолжить обучение за рубежом, он должен хорошо знать русский язык».

- Мой ребенок хочет учиться в русской школе, - сказал другой наш собеседник Сангали Миров. - Поскольку в нашей семье все свободно общаются по-русски, его сестры и братья окончили русскую школу, поэтому я отдала его тоже в русскую школу. По опыту знаю, что качество образования в русских школах сравнительно лучше, русскоязычные учителя очень ответственные, требовательные и строгие, а это тоже делает ученика ответственным и волевым.

Недостаток квалифицированных русскоязычных преподавателей остается одной из наиболее острых проблем в сфере образования, и она более заметна в регионах. Анализы показали, что лучшие русскоязычные педагоги работают преимущественно в лицеях и гимназиях, где обучение платное, и не все семьи имеют возможность отдать детей в такие престижные учебные заведения.

Как известно, в Таджикистане русский язык не имеет государственного статуса и используется как язык общения между народами. Документация во всех государственных организациях и учреждениях ведется на таджикском языке. Однако за 34 года независимости Таджикистана русский язык не утратил своего значения и популярности, а его престиж и влияние растут с каждым годом. Просить. Мухторов, преподаватель Национального университета Таджикистана, говорит: «Русский язык по-прежнему доминирует в нашей научной среде. Большинство наших научных источников написаны на русском языке. Ученые, чьи труды написаны преимущественно на русском языке, считают, что на русском языке проще и удобнее выражать свое мнение по поводу разработки научных материалов. Поскольку они испытывают трудности с использованием научных терминов на таджикском языке, то, с другой стороны, они без труда используют русские термины».

В связи с изучением русского и английского языков еще в 2003 году был издан Указ Президента Республики Таджикистан, на основании которого была принята «Государственная программа по совершенствованию и изучению русского и английского языков для 2004-2014 годы». По инициативе высшего руководства страны и соответствующих органов в общеобразовательных учреждениях страны созданы все условия для изучения иностранных языков, особенно русского и английского, чтобы наша молодежь могла с удовольствием изучать несколько иностранных языков.

Правительство Таджикистана всегда поддерживает и пропагандирует знание нескольких языков наряду с государственным. Знание иностранных языков на необходимом уровне должно быть девизом каждого молодого человека и каждого профессионала.

В «таджикских школах» нет языковой среды, где возможно использование русского языка в бытовых ситуациях. Несмотря на то, что русский язык фактически является обязательным иностранным языком, по сравнению с условиями обучения другим иностранным языкам количество учащихся на занятиях по русскому языку чрезвычайно велико. Например, при изучении английского языка класс делится на несколько групп, что облегчает преподавателю работу с учениками. Что касается русского языка, то преподаватель не может уделить внимание каждому ученику, что снижает качество преподавания и понимание языка учениками.

В школьной программе прописаны следующие разделы:

- 1) объяснительная записка, где рассмотрены важнейшие аспекты образовательного процесса, направленного на овладение русским языком в общеобразовательных учреждениях школе (здесь содержатся цели и задачи образовательного процесса, принципы педагогического воздействия, специфика изложения русского языка и т. д.);
- 2) программы, в которых представлен языковой материал, а также требования, затрагивающие речевые умения учащихся 2-4, 5-11 классов;
- 3) примеры текстового материала в рамках рассматриваемой учебной дисциплины;
- 4) перечень научно-методической и учебно-методической литературы, на который должен полагаться учитель русского языка в процессе своей профессиональной деятельности.

Программа включает новые тенденции в образовательном процессе по овладению русским языком в средних школах Республики Таджикистан. В ней четко указаны цели и задачи обучения дисциплине «Русский язык» в общеобразовательных учреждениях страны. Также в программе содержатся педагогические принципы и методы обучения русскому языку.

В соответствии с программой разработаны принципы обучения русскому языку. К ним относятся прежде всего дидактика и лингводидактика. Кроме того, следует отметить принцип интегрированного обучения русскому языку и литературе. Он является одним из важнейших в деятельности по обучению русскому языку. С помощью интегрированного подхода можно понять действительность на различных уровнях и роль русского языка, который в данном случае выступает в качестве иностранного. «Интегрированный подход мотивирует школьников к овладению русским языком, способствует развитию богатого гуманистического кругозора» [Атнабаева 2015, 4:134]. Обучение русскому языку в Республике Таджикистан осуществляется на основе интегрированного принципа, т. е. на базе текстового материала русских писателей.

В 2014-2015 годах в Республике Таджикистан наблюдались определенные сложности с изучением русского языка. Они заключались в нехватке учебных часов. Предыдущая (2014-2015 учебный год) и текущая ситуации (2022-2023 учебный год) отражены в таблице №1.

Таблица 1. Количество часов еженедельно на овладение русским языком в национальных школах Республики Таджикистан.

Класс	Положения образовательного стандарта	2014-2015 уч. год	2022-2023 уч. год
2	3 ч	2 ч	3 ч
3	3 ч	2 ч	3 ч
4	3 ч	2 ч	3 ч
5	3 ч	2 ч	3 ч
6	3 ч	2 ч	2 ч
7	2 ч	2 ч	2 ч
8	2 ч	2 ч	2 ч
9	2 ч	2 ч	2 ч
10	3 ч	2 ч	3 ч
11	2 ч	2 ч	2 ч

	27 ч	20 ч	26 ч
Итого еженедельно			

На основании таблицы можно сделать вывод, что число учебных часов на овладение русским языком с течением времени значительно возросло (до 30%). В целом это соотносится с положениями образовательного стандарта "Об обязательном введении учебных часов для изучения русского и английского языка", подписанного президентом Таджикистана в 2003 году для всех общеобразовательных школах страны» [Кудоярова 2010, 1: 37].

Основная цель учебников заключается в получении умений использовать русский язык на практике, т. е. в качестве средства коммуникации.

В последние годы принимаются необходимые меры по изучению русского языка в республике. Если в 2014 году 26 школ работали полностью на русском языке, то в 2022 году это число достигнет 39. Одним из факторов развития этого направления считается проект «Русские учителя за рубежом», на основе которого преподаватели из Российской Федерации привлекаются к преподаванию русского языка и естественных наук на русском языке в учебных заведениях страны. составляет 72 человека.

В настоящее время 16 средних профессиональных учебных заведений готовят специалистов педагогического профиля в области преподавания русского языка и литературы. В 2023 году эти учебные заведения по специальности «Русский язык и литература» окончили 273 человека. По направлению научно-исследовательской деятельности идет интенсивное предложение кандидатских и докторских диссертаций на русском языке, что свидетельствует о расширении изучения русского языка в стране.

«Русский язык в образовательной системе фактически находится в положении иностранного, потому что, во-первых, сокращено количество часов на его изучение, в школах не преподаётся русская литература (как это было в советское время), во-вторых, потому, что практически отсутствует русская речевая среда, особенно в сельской местности» [Гусейнова 2015, 4: 60].

Русский язык изучается на базе дошкольного образования, в общеобразовательных и высших учебных заведениях Республики Таджикистан. Для средних школ изучение русского языка начинается уже во 2 классе. Русский язык носит статус обязательной школьной дисциплины вне зависимости от языка, на котором организован образовательный процесс. Вопрос включения русского языка в общеобразовательную программу находится на контроле правительства и президента Республики Таджикистан.

В стране действуют четыре университета – филиала ДСМ им. Ломоносова в Душанбе, Московский институт стали и сплавов, Московский энергетический университет в Душанбе, Славянский университет России и Таджикистана, где учебный процесс ведется полностью на русском языке. Увеличение спроса на изучение русского языка привело к необходимости подготовки высококвалифицированных специалистов и лингвистов. С этой целью для решения данного вопроса поэтапно создаются русские группы в профессиональных учебных заведениях страны, а в 2023-2024 учебном году русские группы действуют в высших школах страны в различных сферах. специальности. В настоящее время в 16 средних профессиональных образовательных учреждениях ведется подготовка специалистов педагогического профиля в области преподавания русского языка и литературы. В 2023 году эти учреждения окончили 273 человека по специальности «Русский язык и литература» и 299 человек по специальности

«Английский язык». По данным статистического анализа, почти 68 процентов населения Таджикистана говорят на русском языке.

Ежегодно через Научно-культурный центр Российской Федерации (Россотрудничество) в высшие учебные заведения Российской Федерации поступают 920 человек. Из этого следует, что в республике возрастает интерес граждан к изучению русского языка. Однако по-прежнему существуют некоторые проблемы в совершенствовании преподавания русского языка. По мнению международных экспертов, по сравнению с другими странами Центральной Азии, к сожалению, количество русскоязычных в Таджикистане уменьшается.

С отъездом большого количества научной интеллигенции из республики значительно сократилось написание и издание учебных материалов, что привело к нехватке учебников, учебных средств и других пособий, двуязычного и трехязычного общения детей и взрослых. Для комплексного изучения русского языка не хватает учебных фильмов и видео, дисков и лингвистических записей. В то же время отсутствие русских учебных, методических и научных газет и журналов для образовательных учреждений, работающих на русском языке, оказывает негативное влияние на развитие языковой власти.

Для того чтобы усилить изучение русского языка в стране, необходимо провести ряд действий. В связи с этим предлагаем Российской Федерации увеличить количество квот для граждан Республики Таджикистан по специальностям педагогика, психология и учителя естественных наук, математики и точности.

Обмен студентами налажен во многих университетах и институтах Таджикистана и России, однако этот процесс требует совершенствования сферы преподавания среди высших профессиональных учебных заведений. Для этого необходимо расширить процесс обучения 2+2 в профессиональных образовательных учреждениях. То есть студент, желающий стать учителем, должен проучиться два года в Таджикистане и два года в России.

В этом процессе осуществляется всестороннее сотрудничество между профессиональными образовательными учреждениями педагогической сферы Таджикистана и России по обмену студентами и преподавателями, в то же время сотрудничество по стажировке студентов в стране пребывания языка при подготовке облегчается обучение специалистов всем учебным предметам языка.

В настоящее время ощущается нехватка внутренних кадров в области преподавателей различных российских предметов, особенно естественно-математических предметов.

Эта проблема заставляет нас принять срочные меры по привлечению талантливых студентов в педагогическую профессию. Хотим отметить, что при ежегодной поддержке Правительства Республики Таджикистан зарплаты учителей растут из года в год, и, по нашему мнению, мы должны найти способы мотивировать их еще больше в будущем. Кроме того, необходимо увеличить значительные социальные льготы для учителей с большим педагогическим стажем. Потому что такого рода действия могут сделать профессию учителя привлекательной и желанной для молодежи. Другая проблема связана с доступностью изучения русского языка по всей стране, особенно в сельской местности. Даже если изучение русского языка в городских условиях имеет очень широкое распространение, необходимо создать благоприятные условия для изучения русского языка в сельской местности. Сейчас по статистике нехватка учителей русского языка не так велика, но проблема в нехватке высококвалифицированных учителей в

сельской местности, ведь большая часть населения Таджикистана проживает в сельской местности, а отсутствие русского языка учителей и русскоязычных приводит к снижению знания русского языка в сельской местности. В городах и селах, удаленных от центра, языковая среда зачастую отсутствует.

Прежде всего необходимо укрепить материально-техническую базу сельских школ и привлечь к педагогической профессии талантливую молодежь. При этом в целях привлечения талантливой молодежи к педагогической профессии предлагается предоставить участникам всех республиканских конкурсов, независимо от занятия почетного места, льготы на поступление в средние и высшие учебные заведения по области преподавания посредством собеседований. Подобные льготы могут помочь привлечь талантливую молодежь к педагогической деятельности. Отдельно стоит упомянуть о конкуренции, наметившейся между английским и русским языком на территории стран, входивших ранее в СССР. В ряде стран активно внедряются американские образовательные программы. Они позволяют ученикам получить образование в США, после чего трудоустроиться либо в Америке, либо на родине.

Учитывая тот факт, что Республика Таджикистан проходит начальную стадию становления независимого государства, все утверждения о превалировании английского языка над русским на данный момент не имеют подтверждений. Примером тому является тот факт, что изучение русского языка начинается со второго класса в неделю 26 часов, а английского языка - с третьего класса в неделю 18 часов.

Школьная система оценки качества образовательного процесса в Республике Таджикистан выстроена на основе обучающего оценивания. Оно базируется на форме опросов, дискуссий, викторин и др. В общеобразовательных учреждениях Республики Таджикистан введены окончательные экзамены (в 4, 9, 11 классе).

Для средней школы РТ выставление оценки осуществляется по 5-балльной системе.

Сегодня не подлежит сомнению важность роли русского языка в жизни людей всего постсоветского пространства - русский язык является несомненным ключом к развитию межнациональных и межкультурных связей. Поэтому практическое встраивание учебных программ по русскому языку в систему образования как РТ, так и всех постсоветских стран закономерно и целесообразно. Данные учебные и методические программы должны отвечать требованиям времени, совершенствоваться по мере развития межнациональных отношений.

Библиография

1. Абдуллаева М.Н. Сопоставительная характеристика имен существительных в русском и таджикском языках: Метод. пособие для студентов / Душанбе: М-во нар. образования ТаджССР, 1989. – 56 с.
2. Атнабаева Н. А. (2015). Художественное произведение в интегрированном обучении иностранному языку в неязыковом вузе // Вестник российского университета дружбы народов (РУДН), серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. №4 (2). С. 260 (134-139).
3. Гусейнова Т. В. (2015). О социолингвистических и дидактических проблемах преподавания русского языка в Республике Таджикистан // социокультурное пространство России и зарубежья: общество, образование, язык; под редакцией А. В. Щетининной. С. 59-67.
4. Гусейнова Т.В. Самадова И.Н (2019). Полилингвизм и проблемы лингводидактики в Таджикистане // Вестник российско-таджикского (славянского) университета. №4 (68).

С. 113-123.

5. Кудоярова Т. В. (2010). Проблемы функционирования и изучения русского языка в постсоветском Таджикистане // Вестник РУДН, серия Русский и иностранные языки и методика их преподавания. № 1. С. 36-44.
6. Москвичева С.А., Гасанов М.М. (2021). Языковые практики и языковые идеологии при передаче языка в азербайджанской общине в Москве. // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. № 3 (33). С. 59-69.
7. Нозимов А.А. (2010). Языковая ситуация в современном Таджикистане: состояние, особенности и перспективы развития: дис. докторских наук. Душанбе.
8. Постановление (2021). Постановление Правительства Республики Таджикистан №268 «О правилах правописания таджикского языка и символов таджикского языка» <http://www.kumitaizabon.tj/tg> (дата обращения 21.03.2022)
9. Программа (2020). «О Программе развития государственного языка на 2020-2030 годы». URL: <http://www.kumitaizabon.tj/tg> (дата обращения 15.03.2022)
10. Программа по русскому языку для общеобразовательных учреждений с таджикским языком обучения (2-11 классы). Душанбе, 2008. 124 с.
11. Хомидова З.Ф. (2015). Формирование орфографических правил таджикского языка в XX в: дис.к.ф.н Худжан.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Освещение проблем, вопросов, связанных с изучением русского языка за рубежом необходимо для объективного выявления ряда сложностей, которые необходимо решать. Рецензируемая статья касается положения статуса русского языка в образовательной среде Республики Таджикистан. Автор исследования в начале труда отмечает, что «сегодня среди различных направлений социально-экономического развития Таджикистана особое внимание уделяется вопросу изучения языков, особенно русского. Действительно, с каждым годом в нашей стране увеличивается количество людей, заинтересованных в изучении русского и других языков Востока и Запада, а количество молодых людей, заинтересованных в изучении нескольких языков, увеличивается с каждым годом на год. В Республике Таджикистан (РТ) образовательный процесс по русскому языку в средних школах построен на новой программе», «она базируется на учебно-методическом пособии профессора Т. В. Гусейновой. Пособие разработано согласно законодательным документам Республики Таджикистан. В перечень этой документации входят «Образовательный стандарт по русскому языку», закон «О языке», «Об образовании», «Государственная программа совершенствования преподавания и изучения русского и английского языков в Республике Таджикистан на 2003-2014 годы». В связи с этим год от года в Таджикистане увеличивается количество школ, в которых обучение ведется на русском языке». Таким образом, рецензируемый материал имеет вектор научной, собственно фактической значимости; направление оценки / анализа темы выверено, основной конструктив доступен и понятен. Отмечу, что работа выстроена в режиме нетрадиционной научной статьи, а некоем дискуссионном формате. Вопросно-ответный вид, т.н. внутренняя логика акцентов, разговор с самим собой и т.д. вот, что отличает данный материал. И это, на мой взгляд, неплохо. Анализ проблемы распространения и изучения русского языка в Республики Таджикистан имеет синкретический вид: статистика чередуется с аналитикой, практика с систематизацией. При этом автор формирует и эффект диалога с читателем. Например, следующим блоком:

«недостаток квалифицированных русскоязычных преподавателей остается одной из наиболее острых проблем в сфере образования, и она более заметна в регионах. Анализы показали, что лучшие русскоязычные педагоги работают преимущественно в лицеях и гимназиях, где обучение платное, и не все семьи имеют возможность отдать детей в такие престижные учебные заведения» и т.д. Основная цель исследования достигается с помощью актуальных методологических позиций; удачно, на мой взгляд, дается и оценка положения, высказывается собственная точка зрения, что важно для научного изыскания: «Правительство Таджикистана всегда поддерживает и пропагандирует знание нескольких языков наряду с государственным. Знание иностранных языков на необходимом уровне должно быть девизом каждого молодого человека и каждого профессионала», или «Русский язык изучается на базе дошкольного образования, в общеобразовательных и высших учебных заведениях Республики Таджикистан. Для средних школ изучение русского языка начинается уже во 2 классе. Русский язык носит статус обязательной школьной дисциплины вне зависимости от языка, на котором организован образовательный процесс. Вопрос включения русского языка в общеобразовательную программу находится на контроле правительства и президента Республики Таджикистан» и т.д. Фактические данные точны, непротиворечивы, открытость материала примечательна. Стиль работы ориентирован на научный тип: «для того чтобы усилить изучение русского языка в стране, необходимо провести ряд действий. В связи с этим предлагаем Российской Федерации увеличить количество квот для граждан Республики Таджикистан по специальностям педагогика, психология и учителя естественных наук, математики и точности. Обмен студентами налажен во многих университетах и институтах Таджикистана и России, однако этот процесс требует совершенствования сферы преподавания среди высших профессиональных учебных заведений. Для этого необходимо расширить процесс обучения 2+2 в профессиональных образовательных учреждениях. То есть студент, желающий стать учителем, должен проучиться два года в Таджикистане и два года в России» и т.д. Отмечу, что статья достаточно интересна, содержательна, в ней четко раскрыта тема, полномерно решены основные задачи. Намечены отчасти и пути дальнейшего разрешения ситуации с изучением русского языка в Республике Таджикистан. В финальной части автор отмечает, что «сегодня не подлежит сомнению важность роли русского языка в жизни людей всего постсоветского пространства - русский язык является несомненным ключом к развитию межнациональных и межкультурных связей. Поэтому практическое встраивание учебных программ по русскому языку в систему образования как РТ, так и всех постсоветских стран закономерно и целесообразно. Данные учебные и методические программы должны отвечать требованиям времени, усовершенствоваться по мере развития межнациональных отношений». Серьезных нарушений не выявлено, материал можно использовать практически при изучении, например, филологических курсов в рамках программы РКИ. Рекомендую рецензируемую статью «Русский язык в образовательной среде Республики Таджикистан» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Зибров Д.А., Слуднева Л.В., Скопинцева Т.А., Ким Е.О. Эмблематизация дискурсивных маркеров новой этики // Филология: научные исследования. 2024. № 12. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.12.72245 EDN: FUYPNQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72245

Эмблематизация дискурсивных маркеров новой этики

Зибров Дмитрий Анатольевич

кандидат филологических наук

доцент, кафедра "Иностранный язык"; Иркутский государственный университет путей сообщения

664007, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, ул. Чернышевского, 15, ауд. Д-713

✉ matou45@yandex.ru

Слуднева Людмила Валентиновна

кандидат филологических наук

доцент, кафедра "Иностранный язык"; Иркутский государственный университет путей сообщения

664074, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, ул. Чернышевского, 15, ауд. Д-711

✉ matou45@yandex.ru

Скопинцева Татьяна Анатольевна

кандидат филологических наук

доцент, кафедра "Иностранный язык"; Иркутский государственный университет путей сообщения

664074, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, ул. Чернышевского, 15, ауд. Д-711

✉ matou45@yandex.ru

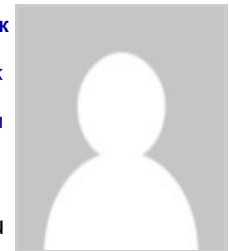
Ким Ен Ок

кандидат филологических наук

доцент, кафедра "Иностранный язык"; Иркутский государственный университет путей сообщения

664074, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, ул. Чернышевского, 15, оф. Д-711

✉ matou45@yandex.ru

[Статья из рубрики "Дискурс"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.12.72245

EDN:

FUYPNQ

Дата направления статьи в редакцию:

07-11-2024

Аннотация: Предметом исследования являются функционально-семантические особенности эмотивной лексики. На основании обзора работ по смежной тематике сделан вывод о том, что неологизм «новая этика» соотносится с языковым материалом, который является риторическим антиподом рационального модуса дискурса. Объект исследования представлен высказываниями и лексемами, передающими идеи новой этики как отрицания практики дискриминации по полу, национальности, внешнему виду, религиозной принадлежности, самоидентификации и других. В статье приводятся примеры дискурсивных маркеров, которые функционируют в текстах новостных статей, а также встречаются в сетевой коммуникации в виде постов и комментариев. Представлена гипотеза о том, что новая этика имеет определенное языковое выражение и имеет дискурсивные эмблемы, которые выступают показателями специфики дискурса и выполняют некоторые функции. В ходе работы над статьей при сборе эмпирического материала применялся метод сплошной выборки. Отбирались единицы, актуализирующие семантическое поле этики и шейминга. Извлеченные из текстов фрагменты анализировались с помощью лингвостилистического метода и контекстуального анализа для выявления формального и экспрессивного содержания текстовых единиц. Основными выводами проведенного исследования являются заключения о том, что дискурсивные эмблемы новой этики являются легко узнаваемыми знаками, которые имеют следующие функции: объединение, поляризация, мобилизация общества. Эти знаки, будучи соотнесенными с существующими классификациями эмблем, представлены в работе как открытые знаковые феномены. Показана их принадлежность к историко-культурным, нравственным и другим ценностям. Новизна исследования состоит в том, что предложены и описаны критерии языка новой этики в виде инклюзивности, чувствительности к контексту, триггерности, виральности контента. Особым вкладом авторов в исследование темы инфлюэнсинга в коммуникации являются описание языковых символов новой этики в медиадискурсе, которые получают эмблематическое осмысление. Промежуточным выводом является вывод о том, что эмблемы могут служить своего рода кодами, которые передают определенные идеи или ценности, как отрицательного, так и положительного свойства.

Ключевые слова:

новая этика, маркер, эмблема, дискурс, коммуникация, поляризация, объединение, эмблематизация, триггер, контекст

Турбулентная социальная и политическая обстановка, технологический детерминизм, сетевая морфология общественной жизни – эти признаки социума во многом подготовили базис для формирования языкового пространства современности. Многие ученые уже обозначили специфические траектории коммуникативного пространства, которые стали особенно заметными в начале XXI века [\[11; 12; 13; 19\]](#). Речь идет о том, что значительная часть общества стала необычайно щепетильна и чувствительна к этике общения, а сами слова стали триггерами объединения групп и сообществ. В связи с этим, в публицистике появился термин «новая этика» — это концепция, которая охватывает изменения в общественном дискурсе и коммуникации, связанные с современными социальными и культурными движениями.

Целью статьи является представить эмблематическое осмысление языковых маркеров новой этики. Цель потребовала постановки двух задач: обозначить терминируемую понятием «новая этика» реальность и рассмотреть критерии идентификации языка новой этики. Предвосхищая дальнейшие исследования, сформулируем гипотезу о том, что новая этика имеет определенное языковое выражение и имеет дискурсивные маркеры или эмблемы, которые выступают показателями специфики дискурса и выполняют некоторые функции. Следовательно, язык новой этики представляет собой актуальный лингвообъект.

Обозначим основные аспекты новой этики, которые могут быть сведены к следующим тезисам:

- новая этика акцентирует внимание на борьбе с различными формами дискриминации — расизмом, феминизмом, сексизмом, гомофобией, эйджизмом и др. Это включает в себя как изменения в общественном сознании, так и юридические инициативы.
- в рамках новой этики активно обсуждается явление культуры отмены (cancel culture), когда общество отказывается поддерживать или взаимодействовать с личностями или организациями, чьи действия или высказывания считаются аморальными. Примечательно, что, например, такая хорошо известная форма социального остракизма, как бойкот, получает выражение в виде деструктивной формы критики.
- в условиях растущего влияния социальных сетей новая этика включает нормы поведения в цифровом пространстве, что подразумевает уважение к личным границам и чувствам других людей. Цифровой этикет становится необходимой практикой.
- важной частью новой этики является стремление к инклюзивности в культуре и искусстве, что выражается в репрезентации разнообразных групп населения.

Термин «новая этика» еще не вошел в научный обиход, его пока можно охарактеризовать как неологизм. Агрегатор научных статей по запросу «новая этика» выдает несколько публикаций в рамках языковедческого поля (см., например [5; 6]). Но все же можно сделать вывод, что авторы регулярно обращаются к сходным явлениям, которые изучаются в проблемном поле лингвистики. Так, из публикации Н. С. Барбиной следует, что концепция новой этики «локализует проблему междисциплинарной системной методологии в исследовании участка новой социальной практики в виде проявления тренда искренности и откровенности в языковом взаимодействии» [1, с. 5].

Одна из линий исследования явлений в рамках новой этики состоит в противопоставлении соответствующей языковой практики по отношению к рациональному дискурсу. Так, явления сходной природы фиксируют авторы в виде дискурсивных новаций «культуры отмены» и «woke-культуры». Ученые раскрывают дискурсивный механизм новаций в виде девиантного узуса рассуждения [4], который отличается от рационального модуса. Действительно, если опираться на общепринятое понимание рационального коммуникативного действия, которое формирует кооперативный тип коммуникации, что можно видеть, например, в аргументативном дискурсе [8], то разного рода аберрации идеала рациональности становятся очевидными. Это можно рассматривать в научной оптике логико-семантического анализа рассуждений, где предполагается анализ прагматики рассуждений в виде приемлемых схем, представляющих собой риторический антипод логико-рациональных схем [3]. Это подтверждается выводами работы [2], показывающей, что термины «культура отмены» и «woke-культура» являются маркерами происходящих в коммуникативной среде изменений, а именно, «маркерами социального активизма, критики и разделения».

Обратимся к критериям идентификации языка новой этики. Отметим, что таковые должны отражать типичные свойства объекта, быть проверяемыми и объективными. Материалом исследования послужили заголовки и выдержки из статей на новостных ресурсах электронных версий печатных изданий СМИ. К анализу также привлекались комментарии к статьям. Применялся метод лингвостилистического анализа текста. Исследовательский корпус насчитывает 250 маркированных единиц, принадлежащих семантически полю этики и шейминга в виде выражения публичного осуждения.

Инклюзивность как использование терминов и формулировок, которые не исключают или не унижают определенные группы людей. Предполагается такой принцип организации общественной жизни, когда между людьми нет неравенства. Идея инклюзивности состоит в том, что, сам язык может служить формой дискриминации. В каждом языке действительно существуют уничижительные слова, направленные против женщин, представителей разных национальностей и других групп. Согласно концепции новой этики, предлагается полностью исключить такие слова из употребления и наказывать за их использование. Например, произведение Агаты Кристи «Десять негритят» ("Ten Little Niggers") сейчас переименовано в новых англоязычных изданиях в «И никого не стало...» ("And Then There Were None"). Пример гендерно-нейтральной лексики: «родитель №1» и «родитель №2» вместо «мама» и «папа».

С этим связана еще одна характеристика языка новой этики в виде *чувствительности к контексту*. Осознание того, как слова могут влиять на людей, и стремление избегать языка, который может быть воспринят как оскорбительный или уничижительный, является существенным [17; 18; 20]. Автор, который нарушает этот критерий, рискует поплатиться многим. Например, слова А. Чеховой в интервью о косметической операции: «Я стала похожа на бурятских женщин, и я ненавидела свое отражение в зеркале» [10] вызвали шквал критики со стороны бурятских женщин (в примерах сохранена авторская орфография).

«Отвратительная передача, ждём извинений за расистские высказывания в отношении бурятских женщин!» — написала зрительница.

Свое негодование высказывают жители Бурятии:

«Анфиса, вы посмотрите в интернете, какие они, бурятские женщины. Вы поймёте, что не надо было так убиваться! Шантанова, Пантаева, Могзолова... Эти женщины известны в Голливуде, вы о чем говорите? И многие другие бурятские красавицы. Приезжайте в Иркутск, Улан Удэ, увидите настоящих бурятских женщин. Развивайте свой кругозор»,

«Сравнение своего лица, накаченного гиалуронкой с лицом бурятки как минимум невежливо, некультурно. Жди последствий»

«Почему любые отекшие лица сравнивают с бурятским? Мы что, самая отекшая на лицо нация???»

«Извинись за своё интервью! Про бурятское лицо! И впредь не упоминай бурят!»

Еще одна характеристика языка новой этики это *виральность контента*. Неэтичные высказывания распространяются чрезвычайно широко и без усилий автора высказывания, кроме того, его возможные пояснения не влияют на этот процесс.

«Оскорбила целую миллионную нацию и сидит, как ни в чём не бывало. Объединяйтесь, казахи, киргизы, якуты, калмыки, буряты и т.д. Чтобы ей аккаунт заблокировали, за

такое надо отвечать по полной. Каналы ведущих программы тоже наказать!» — призвал бывший фолловер.

Скандал повлек увольнение с телеканала как самой медиаперсоны, так и тех, кто брал у нее интервью.

Эта характеристика дает многое для понимания складывающейся картины мира и актуальна с точки зрения формирования императивов. Наличие в смысловой структуре высказывания компонентов, которые относятся к историко-культурным, нравственным и другим ценностям или отсылают к ним, в контексте новой этики имеют потенциал *триггера*. Возможно выделение триггеров патриотизма, где дискурсивной эмблемой выступают такие единицы, как *бегуны, уехавшие звезды, беглые артисты*. Триггерными являются многие высказывания, а также символы. Например

Проблематика дискурсивных эмблем неоднократно привлекала внимание лингвистов [14; 15; 16]. В. И. Карасик предлагает трактовать эмблему «как узнаваемый интерпретатором знак принадлежности объекта к какому-либо культурно значимому классу (униформа, акцент в речи, нарушения этикета и т.д.) <...> один и тот же объект может получить эмблематическое, аллегорическое или символическое осмысление либо вообще не будет истолкован как знак» [7, с. 1127]. Опираясь на работы автора, можно заключить, что дискурсивные эмблемы — это концепт, который может использоваться для обозначения визуальных или текстовых средств коммуникации, которые способствуют формированию определенных дискурсов и значений в обществе. Эмблемы могут включать в себя символы, знаки, изображения и языковые конструкции, которые несут в себе мощные значения и помогают формировать общественное мнение или культурные нормы.

В заключение можно подвести некоторые итоги.

Во-первых, языковое выражение новой этики содержит ряд маркеров, которые имеют статус дискурсивных эмблем. Они служат своего рода кодами, которые передают определенные идеи или ценности. Например, использование определенных стилистических средств или лексики в следующих маркерах указывает на принадлежность к определенной группе или движению: *харассмент, абьюз, кэнселлинг, эйджизм, газлайтинг, #яНеБоюсьСказать, #Me Too, Движение Первых*.

Во-вторых, в соответствии с классификацией эмблем, маркеры, предложенные в статье, принадлежат открытому типу эмблем, их, выражаясь словами В. И. Карасика, нужно «считывать, а не разгадывать» [7, с. 1128].

В-третьих, дискурсивные эмблемы представляют собой некоторый культурно-исторический слепок. Например, клише *новый русский* является емким по содержанию понятием, легко узнаваемым потенциальными участниками коммуникации, принадлежащими только определенной возрастной и социальной группе.

Эмблемы могут выполнять различные функции, такие как указание на последовательность, добавление информации, выражение отношения говорящего к сказанному и т.д. Эмблемы новой этики выполняют функции поляризации, мобилизации общества, индикации и объединения групп, поэтому возможно как негативное, так и позитивное прочтение смыслов.

Исследование дискурсивных маркеров с точки зрения эмблематизации позволяет глубже понять, как текстовые элементы влияют на формирование социальных отношений.

Библиография

1. Барбина Н. С. Ризомная модель междисциплинарности в исследовании феномена «новой искренности» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2024. Т. 23, № 2. С. 5–17. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.2.1>
2. Барбина Н. С., Гончар О. М. К вопросу о терминах-новациях современного коммуникативного пространства (на примере cancel culture и woke culture) Молодая наука Сибири. 2023. № 3 (21). С. 253–258.
3. Барбина Н. С., Зырянова И. Н. Логический аргумент vs приемлемый аргумент: к обоснованию исследовательского подхода в анализе критики научного текста // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 465. С. 5–1.
4. Барбина Н.С., Костюшкина Г.М. Анализ девиантного узуса критики в дискурсивных новациях культуры отмены и woke-культуры // Известия Байкальского государственного университета. 2024. — Т. 34, № 1. С. 134–143. DOI: 10.17150/2500-2759.2024.34(1).134-143. — EDN KRUGOF
5. Быкова Е. В. Язык новой этики в виртуальном дискурсе // «Медиалингвистика»: Материалы V международной научной конференции. Санкт-Петербург: Медиапапир. 2021. С. 85–89.
6. Дацко Д. А. Языковые средства репрезентации принципов «новой этики» в современном немецкоязычном поэтическом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики Philology. Theory & Practice 2024. Том 17. Выпуск 8. URL: <https://doi.org/10.30853/phil20240376>
7. Карасик В. И. Дискурсивные эмблемы как объект семиотического анализа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 4. С. 1122–1138. URL: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1122-1138>
8. Костюшкина Г. М., Барбина Н. С. Аргументативный подход к изучению языка В сборнике: Проблемы и перспективы развития отечественных и зарубежных гуманитарных наук. Материалы международного круглого стола, посвященного памяти и 70-летию доктора филологических наук, профессора Людмилы Владимировны Шулуновой. Науч. ред. Г.С. Доржиева. Отв. ред. А.В. Жарникова. Улан-Удэ, 2021. С. 33–39.
9. Кронгауз Е, Бабицкий А. Так вышло. 29 вопросов новой этики и морали. М.: Альпина Паблишер, 2020.
10. Меня подставили»: Анфиса Чехова рассказала, как ее уволили с телеканала после скандала из-за бурятских женщин // Voice. 12.01.2024. <https://www.thevoicemag.ru/stars/news/12-01-2024/menya-podstavili-anfisa-chehova-rasskazala-kak-ee-uvolili-s-telekanala-posle-skandala-iz-za-buryatskih-jenshchin/телеканала>.
11. Сычев А. А., Жадунова Н. В. «Новая этика» в экспертной оценке академического сообщества: социокультурные основания и нормотворческие перспективы // Интеграция образования. 2024. Т. 28. №3. С. 469–482. doi: 10.15507/1991-9468.116.028.202403.469-482
12. Buller T. The New Ethics of Neuroethics // Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics. 2018. Vol. 27, Issue 4. P. 558–565. <https://doi.org/10.1017/S0963180118000087>
13. Campbell B., Manning J. The Rise of Victimhood Culture: Microaggressions, Safe Spaces, and the New Culture Wars. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2018.
14. Corrain L. The iconoclasm of the everyday // Paolo Fabri. Unfolding Semiotics. Pour la semiotique a venir. Semiotics Monographs. Ed. by I. Pezzini. Thessaloniki: Aristotle University, 2023. P. 49–68.
15. Hodge R., Kress G. Social Semiotics. Cambridge: Polity, 1988.

16. Kress G. Sociolinguistics and Social Semiotics // The Routledge Companion to Semiotics and Linguistics. Ed. by P. Copley. London and New York: Routledge, 2001. P. 66–82.
17. Norris P. Closed Minds? Is a 'Cancel Culture' Stifling Academic Freedom and Intellectual Debate in Political Science? // HKS Working Paper No. RWP20-025. 2020.
<http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3671026>
18. Semenova O. F. Cancel Culture – the Speech Behavior of Modern Society // Review of Business and Economics Studies. 2023. V. 11. No 1. P. 13–18.
19. Sequeira J. S. Humans and Robots: A New Social Order in Perspective? // Robotics and Well-Being. Intelligent Systems, Control and Automation: Science and Engineering; ed by M. Aldinhas Ferreira [et al.]. Cham : Springer. 2019. P. 17–24. URL:
https://doi.org/10.1007/978-3-030-12524-0_3
20. Velasco J. C. You Are Cancelled: Virtual Collective Consciousness and the Emergence of Cancel Culture as Ideological Purging // Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities. 2020. Vol. 12, No. 5. P. 1–7. URL:
<http://dx.doi.org/10.21659/rupkatha.v12n5.rioc1s21n2>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

НА НАУЧНУЮ СТАТЬЮ «ЭМБЛЕМАТИЗАЦИЯ ДИСКУРСИВНЫХ МАРКЕРОВ НОВОЙ ЭТИКИ»

Предмет исследования статьи: включает в себя изучение языковых структур, которые являются символами актуальных этических норм и ценностей на современном этапе. Данное исследование фокусируется на дискурсивных маркерах (фразы и термины), которые отражают, а также формируют представления о социальной справедливости и инклюзивности.

Методика исследования: в научной работе применялся метод лингвостилистического анализа текста. Исследовательский корпус насчитывает 250 маркированных единиц, принадлежащих семантически полю этики и шейминга в виде выражения публичного осуждения. Используемые методы и подходы соответствуют целям и задачам исследования.

Цель исследования данной работы представить эмблематическое осмысление языковых маркеров новой этики.

Актуальность статьи заключается в том, что исследование явлений в рамках новой этики состоит в противопоставлении соответствующей языковой практики по отношению к рациональному дискурсу. Исследовательская проблема, рассматриваемая в статье, является важной.

Научная новизна исследования состоит в комплексном анализе роли языковых элементов в формировании, а также распространении на современном этапе новых этических стандартов в социуме. Статья обладает научной новизной, а полученные результаты значимы.

Стиль, структура, содержание.

Научная статья состоит из теоретической части, которая посвящена исследованию понятийного аппарата, а также эмпирической части, в которой подробно рассматриваются эффективные примеры дискурсивных маркеров на современном этапе. Содержание представленного исследования включает в себя детальный анализ того, как языковые элементы становятся символами актуальных этических норм и социальных

трансформаций. Важное внимание уделяется контекстуальному влиянию на восприятие, а также на интерпретацию данных маркеров в обществе. В заключении автор научной работы подчеркивает, что исследование дискурсивных маркеров с точки зрения эмблематизации позволяет глубже понимать, влияние текстовых элементов на развитие взаимоотношений в обществе.

По содержанию, стилю и структуре данная статья соответствует требованиям, предъявляемым к научным статьям, представляемым в рецензируемые научные журналы ВАК.

Результаты исследования. Эмблемы могут выполнять различные функции, такие как указание на последовательность, добавление информации, выражение отношения говорящего к сказанному и т.д.

Библиография. Ссылки, приведённые в статье, актуальны и отражают современное состояние проблемы, рассматриваемой в научном исследовании.

Выводы. Эмблемы могут включать в себя символы, знаки, изображения и языковые конструкции, которые несут в себе мощные значения и помогают формировать общественное мнение или культурные нормы.

Технических замечаний к научной статье нет.

В соответствии с вышеизложенным целесообразно рекомендовать рецензируемую статью к опубликованию в журнале "Филология: научные исследования" в представленном виде.

Англоязычные метаданные

Images-symbols of the elements in the phraseological linguistic picture of the world (based on the Ukrainian language)**Grozyan Nina Fedorovna**

Doctor of Philology

Associate Professor, Department of Russian and Ukrainian Philology, Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov

295015, Russia, Republic of Crimea, Simferopol, lane Educational, 8

✉ n.f.grozyan@mail.ru

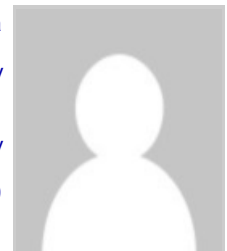
Prudnikova Tatiana Ivanovna

PhD in Philology

Associate Professor, Department of Russian and Ukrainian Philology, Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov

295047, Russia, Republic of Crimea, Simferopol, Heroes of Stalingrad str., 9, sq. 60

✉ t.i.prudnikova@inbox.ru

Nepomnyaschaya Anna Romanovna

Master's degree; Higher School of Russian and Ukrainian Philology, GBOUVO RK 'Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov

295015, Russia, Republic of Crimea region, Simferopol, Uchebny lane, 8

✉ anikatrixy@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the features of the implementation of symbolic meanings of images-symbols of the elements in the phraseological picture of the world based on the material of the Ukrainian language. Research objectives: to identify phraseological units with components-names-of-elements from the phraseological composition of the Ukrainian language; to determine the place of phraseological units of the Ukrainian language of the studied group in the language picture of the world; to consider the characteristic manifestations of the implementation of symbolic meanings of components-names of the elements in Ukrainian phraseological units.

The research methodology is based on a combination of theoretical and empirical approaches using the methods of analysis, generalization and synthesis. The scientific novelty lies in the fact that phraseological units with the components water, fire and earth are analyzed using the material of the Ukrainian language: the study of phraseological units associated with the designation of natural phenomena makes it possible to identify the features of the linguistic picture of the world and folk thinking and allows for a better understanding of the value attitudes and specifics of the worldview of the Ukrainian people. Over the centuries, the elements have personified various aspects of human life and nature, thereby creating a rich palette of images that are reflected in phraseology. The symbolic meaning of the image-symbol fire is most often realized in the meanings: destructive or dangerous force, intensification of feelings, anger, speed, test. The symbolic meanings of the image-symbol fire are represented in the phraseology of the Ukrainian language by the following semes: danger, speed, suffering, illness, anger, excitement, blushing, negative character traits, exaltation. Phraseologisms with the symbolic image of earth are often associated with the

concepts of social status, respect, life.

Keywords: culture, phrase, origin, meaning, phraseological unit, group, image-symbol, earth, water, fire

References (transliterated)

1. Basko N. V. Frazeologicheskie edinitsy v yazykovoï kartine mira russkikh i yaponsev (na primere somaticheskikh frazeologizmov) // Rusistika bez granits. 2019. № 2. S. 7-14.
2. Vezhbitskaya A. Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov / per. A. D. Shmeleva. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2001.
3. Dzhelilov, A. A. Sotsiokul'turnaya rekonstruktsiya diskursivnogo prostranstva frazeologicheskoi kartiny mira (na materiale krymskotatarskogo, angliiskogo i russkogo yazykov) // MediaVektor. 2023. № 10. S. 24-34.
4. Zhukova M. E. Frazeologicheskaya kartina mira sovremennoi Rossii v zerkale odnogo dnya // Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Velikii Novgorod. 2008. № 47. S. 69-71.
5. Kovshova M. L. Yazykovaya i kul'turnaya spetsifika frazeologicheskogo znaka: teoreticheskie i metodologicheskie osnovy issledovaniya // Voprosy filologii. 2006. № 3. S. 6-12.
6. Maslova V. A. Kognitivnaya lingvistika. Minsk: TetraSistems, 2004.
7. Sulaeva, F. Kh. Frazeologizmy s chislitel'nymi kak otrazhenie fragmenta obshchei frazeologicheskoi kartiny mira // Dagestanskii nauchno-issledovatel'skii institut pedagogiki im. A. A. Takho-Godi kak osnova sokhraneniya yazykovogo raznoobraziya i kul'turnogo naslediya narodov Dagestana : Materialy yubileinoi nauchnoi sessii, posvyashchenoi 80-letiyu Dagestanskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta pedagogiki im. A. A. Takho-Godi, Makhachkala: Tipografiya FORMAT. 2023. S. 333-337.
8. Khairullina R. Kh. Frazeologicheskaya kartina mira: ot mirovideniya k miroponimaniyu. Ufa: Izd-vo BGPU, 2008.
9. Yuchkovskaya L. T. K voprosu o frazeologicheskoi kartine mira // Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta. Khanty-Mansiisk. 2015. № 1(36). S. 161-164.
10. Serebrennikov B. A. Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira. M.: Nauka, 1987.
11. Gumbol'dt V. Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu / per. s nem. G. V. Ramishvili. M.: OAO IG «Progress», 2000.
12. Pimenova M. V. Yazykovaya kartina mira. Kemerovo: Mir i obrazovanie, 2011.
13. Abdulkarimova P. A. Frazeologicheskaya kartina mira kak fragment natsional'noi yazykovoï kartiny mira // Zametki uchenogo. 2022. № 2-3. S. 48-52.
14. Slovník frazeologizmiv Ukraïns'koï movi. Kiïv: Naukova dumka, 2008.
15. Babkin A. M. Russkaya frazeologiya. Ee razvitie i istochniki. Leningrad: Nauka, 1970.
16. Nepomnyashchaya A. R. Mirovozzrencheskie osnovy frazeologizmov s komponentom voda Ukraïnskogo yazyka // Molodaya nauka. Simferopol': Antikva, 2023. S. 224-225.
17. Potapenko O. I. Shkil'nii slovník z Ukraïnoznavstva. K.: Ukraïns'kii pis'mennik, 1995.
18. Zhaivoronok V. V. Znaki Ukraïns'koï etnokul'turi. K.: Dovira, 2006.
19. Kononenko V. I. Ridne slovo. K.: Bogdana, 2001.

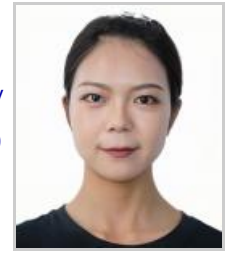
Peculiarities of perception of the play "The Storm" and the image of the heroine in Fang Xin's translation

Shen Mengqi

Postgraduate student; Department of Russian Language and Literature; Far Eastern Federal University

690922, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Ajax str., 10

✉ mengqishen705@yandex.com

Abstract. The relevance of the study is determined by the core role of female characters in the dramatic world of A. N. Ostrovsky's plays and the interest in studying the peculiarities of perception of Russian writers' works by Chinese translators. The theme is the peculiarities of the translation reception of the image of the protagonist of the play "The Storm" by the Chinese translator, Fang Xin. The purpose of this study is to find out the peculiarities of perception of the play "The Storm" and the image of Katerina in Fangxin's translation. To achieve the above research objectives, the following tasks should be solved: 1) analyze the main features of Fang Xin's translation of the play "The Storm"; 2) examine the character traits of Katerina's image in Fang Xin's translation; 3) analyze the reasons for the peculiarities of Fang Xin's perception of the heroine's image of the play. The method of comparative analysis is used to solve these problems. Besides, the cultural-historical method is used to identify the reasons that influenced the Chinese translator's perception of Katerina's character image. The scientific novelty of the research lies in the fact that it is the first time to consider the peculiarities of Fang Xin's perception of the heroine image of the play. As a result of the study, it was found that the translator retained all the lines of the characters. However, his translation emphasizes the heroine's lack of freedom as well as the painful desire caused by it. In addition, he also emphasizes the love, death and the motif of "The Dark Kingdom", which are closely related to Katerina's image. What's more, Fang Xin fully preserved the lyricism of Katerina's image in this version of the translation. The interpretation of the heroine's image is conditioned by Chinese history and literature.

Keywords: motif of The Dark Kingdom, motif of love, motif of death, the Isolated Island Period, translation, Fang Xin, perception, image of Katerina, The Storm, A. N. Ostrovsky

References (transliterated)

1. Bratashova E. V. Chen'yui (成语 – idiom), ikh predystorii v etimologii kitaiskom yazyke i idiom v angliiskom yazyke // *Novaya nauka: Problemy i perspektivy*. 2016. № 10–2. S. 92–95.
2. Davletbaeva A. F. Idioma kak sredstvo reprezentatsii kategorii modal'nosti v kitaiskom yazyke // *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2021. № 2(87). S. 429–431.
3. Kupriyanova Yu. A. Ot bintovaniya stop k tuflyam na kabluke: transformatsiya vneshnego oblika zhitel'nits Shankhaya v pervoi polovine XX v. // *Vestnik RUDN. Seriya Vseobshchaya istoriya*. 2014. № 2. S. 89–102.
4. Moshchenko I. A. Otrazhenie literaturnogo protsessa v Kitae 40–50-kh godov KhKh veka v rabotakh otechestvennykh, kitaiskikh i zapadnykh issledovatelei // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2019. Tom 25. № 2. S. 165–170.
5. Ostrovskii A. N. *Groza i drugie p'esy*. M.: Izdatel'stvo AST, 2022. 320 s.
6. Razina A. S. Proiskhozhdenie chen'yui: vzaimodeistvie kul'tur v mezh'yazykovoi kommunikatsii // *Molodoi uchenyi*. 2018. № 36 (222). S. 130–132 [Elektronnyi resurs].

URL: <https://moluch.ru/archive/222/52536/>.

7. Shneider M. E. *Russkaya klassika v Kitae: Perevody. Otsenki. Tvorch. osvoenie.* M.: Nauka, 1977. 272 s.
8. 奥斯特洛夫斯基研究. 戈宝权, 林陵编. 上海:时代书报出版社,1949. 320页. Ob A. N. Ostrovskom / Red. Ge Baotsyuan', Lin' Lin. Shankhai: Izdatel'stvo Shidaishubao, 1949. 320 s.
9. 奥斯特洛夫斯基. 大雷雨. 芳信译. 上海:国民书店, 1942. 137页. Ostrovskii A.N. Groza. Per. Fan Sin'. Shankhai: Knigoizdatel'stvo Gomin', 1942. 137 s.
10. 陈青生. 抗战时期上海的外国文学译介. *新文学史料*, 1997(04): 120–130. Chen' Tsinshen. *Perevod i interpretatsiya inostrannoi literatury v Shankhae vo vremya voiny // Istoricheskie issledovaniya sovremennoi literatury.* 1997. № 4. S. 120–130.
11. 郭刚. 翻译与政治:对上海孤岛时期文学翻译的考察. *中国翻译*, 2016. 37(04): 35–42. Go Gan. *Perevod i politika: issledovanie literaturnogo perevoda v Shankhae v period odinokogo ostrova // Kitaiskii perevod.* 2016. Vyp. 37, № 4. S. 35–42.
12. 刘维维. 上海“孤岛”时期翻译文学研究: 硕士论文. 上海: 上海师范大学, 2014. 53页. Lyu Veivei. *Issledovanie perevodnoi literatury v Shankhae v period Odinokogo ostrova: vypusknaya kvalifikatsionnaya rabota magistra filologii.* Shankhai: Shankhaiskii normal'nyi universitet, 2014. 53 s.
13. 锡金. 芳信和诗歌书店. *新文学史料*, 1980(04): 128–132. Si Tszin'. Fansin' i poeziya // *Istoricheskie issledovaniya sovremennoi literatury.* 1980. № 4. S. 128–132.
14. 邹素. 上海“孤岛”时期翻译文学特点及原因探究. *外文研究*, 2016. 4(01): 88–93+107. Tszou Su. *Issledovanie osobennostei i prichin poyavleniya perevodnoi literatury v Shankhae v period «Odinokogo ostrova» // Inostrannye issledovaniya.* 2016. Vyp. 4, № 1. S. 88–93+107

The distribution of the palatalization processes in the Dargwa languages

Mutalov Rasul Osmanovich

Doctor of Philology

Professor, Chief Scientific Associate, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

125009, Russia, Mbscow, lane. Bolshoy Kislovsky, 1/1

✉ mutalovr@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the palatalization processes in the Dargwa languages (the Nakh-Dagestanian group of languages). The main purpose of the study is to identify the cases of velar consonants' stop before i and e vowels in various Dargwa languages and dialects. For this purpose the following issues are set: a) to identify the number of Dargwa languages and dialects where the palatalization processes are expressed; b) to classify the Dargwa dialectal units according to a degree of susceptibility of velar consonants to palatalization; c) to study the palatalization processes in the Dargwa idioms where the palatalization is strongly expressed; d) to study the issue on the process of standard palatalization; e) to identify the number of dialects to which partial palatalization is characteristic. For solving the above-mentioned issues the following research methods are used: the methods of field linguistics, the comparative method and the method of synchronous analysis. The scientific novelty is a proposed hypothesis according to which palatalization started its distribution from the southern and southwestern Dargin idioms when the speakers of the Mekegi dialects migrated to the north-east and lived far from the major groups of Dargwa people. As a result of the study, the idioms in which the processes of

palatalization are present, and idioms where this phenomenon is absent are revealed. The processes of palatalization are characteristic to the southern languages and a number of dialects of the northern Dargwa language. According to the degree of susceptibility of velar consonants to palatalization in the different Dargwa languages and dialects, strongly expressed palatalization in Kaitag idiom, standard palatalization and partial palatalization are distinguished. These processes does not occur in the Northern Dargwa dialects of the Mekegi type.

Keywords: affricates, stop consonants, fricatives, palatalization, phonetics, migration, the dialect, the Dargin languages, the Caucasian languages, labialized consonants

References (transliterated)

1. Abdullaev S. N. Grammatika darginskogo yazyka (fonetika i morfologiya). Makhachkala: Institut istorii, yazyka i literatury Dagestanskogo filiala AN SSSR, 1954. 216 s.
2. Vagizieva N. A. O nekotorykh foneticheskikh osobennostyakh kadarskogo dialekta darginskogo yazyka // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016. № 7-2 (61). S. 65-69.
3. Gaprindashvili Sh. G. Fonetika darginskogo yazyka. Tbilisi: Metsniereba, 1966. 317 s.
4. Koryakov Yu. B. Darginskie yazyki i ikh klassifikatsiya // Durkh"asi khazna: sbornik statei k 60-letiyu R. O. Mutalova. M.: Buki-Vedi, 2021. S. 139-154.
5. Magometov A. A. Kubachinskii yazyk: issledovanie i teksty. Tbilisi: Izdatel'stvo Akademii nauk Gruzinskoi SSR, 1963. 340 s.
6. Magometov A.A. Palatalizatsiya zadneyazychnykh v dialektakh darginskogo yazyka//Arnol'du Stepanovichu Chikobava (Sbornik, posvyashchennyi 80-letiyu so dnya rozhdeniya). – Tbilisi, 1979. S. 249-258.
7. Mutalov R. O. Klassifikatsiya darginskikh yazykov i dialektov // Sotsiolingvistika.M., 2021. № 3 (7). S. 8-25.
8. Mutalov R.O. Foneticheskie osobennosti sharinskogo dialekta darginskogo yazyka // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. № 6 (79). Gorno-Altaysk. 2019, S. 634-636.
9. Sumbatova N. R., Lander Yu. A. Darginskii govor seleniya Tanty: grammaticheskii ocherk, voprosy sintaksisa: monografiya. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2014. 752 s.
10. Temirbulatova S. M. Khaidakskii dialekt darginskogo yazyka. Makhachkala: Izdatel'stvo tipografii Dagestanskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk, 2004. 304 s.
11. Temirbulatova S.M. Peremeshchenie vpered mesta artikulyatsii zadneyazychnykh spirantov i smychno-vzryvnykh soglasnykh v dialektakh darginskogo yazyka // Voprosy sovremennoi dagestanskoi leksikologii i leksikografii. Makhachkala, 2021. S. 16-21.
12. Daniel M., Dobrushina N., Ganenkov D. (Eds.) The Mehweb language: Essays on phonology, morphology and syntax (Languages of the Caucasus 1). Berlin: Language Science Press. 2019. 365 p.
13. Forker D. A Grammar of Sanzhi Dargwa. Berlin: Language Science Press, 2020. 606 p.
14. Sumbatova N. R., Mutalov R. O. A Grammar of Icar Dargwa. München – Newcastle: LINCOM Europa, 2003. 257 p.

Status of the Russian language in modern Tajikistan

Postgraduate student of the Department of Foreign Languages of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

19 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

✉ daler.halimov.95@mail.ru

Abstract. This article explores the status of the Russian language in modern Tajikistan. The presented research examines key aspects such as the history of the use of the Russian language, its presence in education and mass communications, as well as sociolinguistic aspects of its use. The article presents an analysis of the situation with the Russian language in Tajikistan, as well as the situation with its study in schools and universities of the country, where it is studied as a second language, starting from the 2nd grade. The article also examines the problems and challenges associated with the preservation and development of the Russian language in the context of strengthening the national identity and language of the Tajik people. Russian researchers analyze various approaches to the study of the Russian language, the presence of Russian-speaking schools and institutions in Tajikistan, as well as the role and importance of the Russian language in international communication and global relations. The Russian language remains the main means of interethnic communication in the communicative language space of Tajikistan, despite the significant outflow of the Russian-speaking population. The overwhelming majority of the Tajik intelligentsia, including high-ranking government officials, demonstrate a desire to preserve the cultural, scientific, educational and information space shared with Russia. The study revealed the main characteristics of the status of the Russian language in Tajikistan, such as its use in the educational environment and in public speeches, as well as the decline in its popularity in everyday communication. In conclusion, the author draws conclusions about the status and prospects of the Russian language in Tajikistan, emphasizing its importance in various spheres of life, despite changes in the political and socio-cultural context.

Keywords: language, The Constitution, Russian studies in Tajikistan, the title language, migrant workers, linguistic and cultural competence, internal motivation, dialogue of cultures, the language of international communication, the post-Soviet space

References (transliterated)

1. Konstitutsiya Respubliki Tadjikistan ot 6 noyabrya 1994 goda (v red. referendum ot 26.09.1999 g., ot 22.06.2003 g., ot 22.05.2016 g.). URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112213?cl=ru-ru> (data obrashcheniya: 16.10.2023).
2. Kniga zakon Respubliki Tadjikistan ot 22 iyulya 2013 goda №1004 "Ob obrazovanii"/Redaktsiya ot 23.12.2021, prinyata dokumentom Zakon Respubliki Tadjikistan O vnesenii izmenenii i dopolnenii v Zakon Respubliki Tadjikistan Ob obrazovanii № 1832 ot 23/12/2021//https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=61988
3. Kniga zakon Respubliki Uzbekistan «O gosudarstvennom yazyke» (v novoi redaktsii) ot 21 dekabrya 1995 g. № 167-I. URL: <https://parliament.gov.uz/ru/laws/adopted/84/3491/> (dataobrashcheniya: 16.10.2023).
4. Gosudarstvennaya programma Sovershenstvovanie prepodavaniya i izuchenie russkogo i angliiskogo yazykov v Respublike Tadjikistan na period do 2030 goda.
5. Nagzibekova M. B. Status russkogo yazyka v Respublike Tadjikistan // Yazykovaya politika stran Sodruzhestva Nezavisimyykh Gosudarstv (SNG): materialy II

- Mezhdunarodnogo kongressa / Alma-Ata, 26-28 oktyabrya 2021 g. Moskva: Gosudarstvennyi institut russkogo yazyka im. A. S Pushkina, 2021. S 111-112.
6. Sovetskie konstitutsii: khrestomatiya: v 4 ch. Ch. SSSR, 1922–1936 gg. / sost. D. V. Kuznetsov. Blagoveshchensk: Blagoveshchenskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2015. S. 289. URL: <http://istfil.bgpu.ru/> (data obrashcheniya: 16.10.2023).
7. Khusnutdinova L .A . Osobennosti obucheniya russkomu yazyku v shkolakh Tadjikistana (iz opyta raboty uchitelya) // Russkii yazyk v global'nom nauchnom i obrazovatel'nom prostranstve: sbornik materialov Mezhdunarodnogo nauchnogo kongressa / Moskva, 6–10 dekabrya 2021 g. Moskva: Gosudarstvennyi institut russkogo yazyka im. A.S. Pushkina, 2021. S. 93-94.
8. Shipilov A. V. Pravovoi status russkogo yazyka v novykh nezavisimyykh gosudarstvakh Tsentral'no-Aziatskogo regiona // Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. 2014. № 2 (196). S. 70.

The concept of "good" in Russian and Chinese

Golovanivskaya Mariya Konstantinovna

Doctor of Philology

Professor, Department of Area Studies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1, p. 13

✉ golovanivskaya@gmail.com

Efimenko Nikolai Aleksandrovich

Student, Department of Area Studies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1, p. 13

✉ efimenko200205@mail.ru

Abstract. The article explores the concept of "goodness" in two linguistic worldviews – Russian and Chinese. The study is contrastive, and the results obtained are compared to identify the specific features of each culture. The description of each concept is carried out according to a clear and consistent algorithm: the etymology of the word, the mythological roots of the concept, its compatibility, from which the material connotation is isolated, based on the works of V. A. Uspensky, and a comparison of dictionary definitions of the concept in various languages is carried out. The purpose of the study is to identify the peculiarities of the representation of the concept of "good" in these cultures using the material of semantic fields in Russian and Chinese, as well as to analyze how this concept changes in different cultural contexts and what philosophical and moral foundations lie in its perception. Next, a comparison is carried out, the purpose of which is to see both similarities and differences in the worldview of different peoples, which will allow us to understand how the concept of "goodness" reflects the worldview and value orientations of Russian and Chinese cultures. Research methods include the comparative historical method, the method of generalization, the method of semantic analysis, as well as contextual analysis, which helps to better understand how the word "good" interacts with other lexical units in each language. The results obtained contribute to the establishment of mutual understanding between cultures, forming a kind of conceptual bridge for representatives of different cultures and languages, and can also be used when reading training courses on regional studies, comparative study of

cultures, philosophy and during the teaching of relevant languages. This research will help to deepen knowledge about cultural differences and similarities in the perception of moral and ethical concepts, which, in turn, contributes to a better understanding of cultural specifics and promotes intercultural communication.

Keywords: semantic analysis, the national mentality, the material connotation, Russian language, contrastive research, Chinese language, goodness, philology, linguoculturology, the linguistic picture of the world

References (transliterated)

1. Bol'shoi Kitaisko-Russkii Slovar'. URL: <https://bkrs.info/> (data obrashcheniya 24.02.24).
2. Dal' V. I. Tolkovyi slovar' zhivogo velikorussskogo yazyka. M.: M.O. Vol'f, 1955.
3. Ivanov V. V. Bliznechnye mify, V: Mify narodov mira: Entsiklopediya, M.: 1980. T. 1. S. 174-176.
4. Novyi ob'yasnitel'nyi slovar' sinonimov. M., 1995.
5. Shtenberg L.Ya. Antichnyi kul't bliznetsov v svete etnografii. Pervobytnaya religiya v svete etnografii. L., 1936.
6. Institut lingvistiki Kitaiskoi akademii sotsial'nykh nauk. Slovar' «Sin'khua» (12-e izdanie). Pekin: kommercheskaya poligrafiiya, 2020: 699 s. (data obrashcheniya 11.02.24). (na kit. yaz.)
7. Li Syuetsin'. Proiskhozhdenie ieroglifov: Izdatel'stvo drevnikh knig Tyan'tszin', Narodnoe izdatel'stvo Lyaonin, 2013. (na kit. yaz.)
8. Institut prepodavaniya yazykov, Pekinskii institut yazyka. Slovar' chastotnosti sovremennogo kitaiskogo yazyka. Pekin: Izdatel'stvo Pekinskogo instituta yazyka, 1986. (na kit. yaz.)
9. U Dunpin. Istoriya kitaiskikh ieroglifov. Pekin. Izdatel'stvo «Novyi mir». 2006.09: s. 368-369. (na kit. yaz.)
10. Syui Shen, Tan Ketszin. Sovremennoe tolkovanie «Shoven' tszetszy». Chansha: Izdatel'stvo Yuelu, 1997.07. s. 366-367. (na kit. yaz.)
11. Son Dzhinlan'. Proiskhozhdenie ieroglifa «善» s tochki zreniya etimologii. Konstruktsiya kitaiskogo yazyka, 1999, (vypusk 6). s. 57-59. (na kit. yaz.)
12. Ron Shilun'. Sovremennyi perevod i tolkovanie «Dao de tszina». Pekin: Izdatel'stvo Khualin, 2022. 357 s. (na kit. yaz.)
13. Khuan Khuei. Kriticheskie annotatsii k «Lun'khenu». Pekin: Izdatel'stvo Chzhunkhua, 2018. 1623 s. (na kit. yaz.)
14. Korpus sovremennogo i drevnekitaiskogo yazyka Pekinskogo universiteta [elektronnyi resurs]. URL: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/ (data obrashcheniya 09.04.24). (na kit. yaz.)
15. Syun'-tszy. Syun'-tszy. Pekin: Pekinskaya ob'edinennaya izdatel'skaya kompaniya, 2015. 158 s. (na kit. yaz.)
16. Men'-tszy. Men'-tszy. Nan'chan: Narodnoe izdatel'stvo Tsziansi, 2017.06. (na kit. yaz.)
17. Van Inlin'. Troeslovie [Elektronnyi resurs]. URL: https://so.gushiwen.cn/shiwenv_63bcf81b5d09.aspx (data obrashcheniya 16.04.24).
18. Syun'-tszy. Chelovecheskaya priroda zla [elektronnyi resurs]. URL: <https://www.jrgsc.com/mingju/4541.html> (data obrashcheniya 16.04.24). (na kit. yaz.)

Features of verbalization of the creolized text of the magazine "Der Spiegel"

Dolgoplova Liliya Anatol'evna

Doctor of Philology

Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov

295044, Russia, Republic of Crimea, Simferopol, Bastionnaya str., 41, of. –

✉ lilian2000@mail.ru

Mustafaeva Alie Hairedinovna

Senior Lecturer; Department of Linguistics and Intercultural Communication; Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov

8 Uchebny Lane, Simferopol, Republic of Crimea, 295015, Russia

✉ alie_mail@mail.ru

Abstract. The article is devoted to identifying the features of the verbalization of the cover texts announcing the central article of the magazine at the early stages of its formation. The subject of the study is the structural and functional features of the verbalization of creolized texts. The object of the study is the verbalized element (main and secondary texts-signatures) of the creolized text of the magazine cover. The material for the study was the issues of the German magazine *Der Spiegel* for 1946-1949 during its formation. Research objectives: to establish the features of the location of the verbalized text of the magazine cover; to identify the specifics of the functioning of the main and auxiliary texts in relation to the non-verbal means of the cover; to determine the structural features of the verbalized text of the magazine cover. The authors consider in detail the role of the main and auxiliary phrases in the organization of the creolized text. Special attention is paid to the choice of the main theme of the magazine cover, determined by the cultural and historical conditions of the magazine's creation. The research was based on methods of structural and functional analysis, as well as methods of generalization, systematization and classification, contextual and component analysis of the conceptual features of the cover. For the first time, the research material is the creolized texts of the cover of *Der Spiegel* magazine from 1946 to 1948; it is new to identify the specifics of the functioning and choice of linguistic means of the verbalized text in relation to the image and cultural and social conditions of post-war Germany. The main functions of the creolized texts of the journal and the means of their expression are determined. It was found that the traditions of the magazine's cover design were generally laid down from its first issue, however, the design and arrangement of the verbalized text changed over time. The main text stood out graphically and performed nominative, informative and presentative functions. Lexical and stylistic means are not diverse, there is practically no irony, sarcasm, puns; idioms are rarely used. Structurally, there is a wide use of noun phrases. The secondary text supplements, summarizes, clarifies the content of the main text and refers to the content of the announced journal article. The relative inexpressiveness of the verbalized part of the creolized text of the *Der Spiegel* cover during its formation is partly due to the lack of need to struggle to attract a wide range of readers.

Keywords: direct nomination, nominal phrase, presentative function, informative function, nominative function, verbalization, Creoliated text, indirect nomination, structure, the idiom

References (transliterated)

1. Aleksandrova E. Pravdivoe zerkalo epokhi: zhurnal «Shpigel»–75. URL: <https://germania-online.diplo.de/ru-dz-ru/gesellschaft/medien/2509212-2509212>.
2. Anisimova E. E. Lingvistika teksta i mezhkul'turnaya kommunikatsiya (na materiale kreolizovannykh tekstov) / E. E. Anisimova. Moskva: Akademiya, 2003. 128 s.
3. Blinova O. A. Oblozhka zhurnala kak mul'timodal'nyi tekst // Nauchnyi dialog. 2019. № 5. S. 9-24.
4. Gaponova Zh. K., Ezhova T.I. Oblozhka kak otrazhenie kontseptsii sovremennogo izdaniya (na primere nauchno-populyarnogo zhurnala «nauka i zhizn'» // Sbornik trudov konferentsii «Chelovek v informatsionnom prostranstve». Yaroslavl', 13-15 noyabrya 2014, Yaroslavl' : Yaroslavl'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet imeni K. D. Ushinskogo. S. 26-32.
5. Iskhakova O. S. Dinamika razvitiya zhurnala mody kak kreolizovannogo teksta (na materiale angliiskogo glyantseвого zhurnala Harper's Bazaar) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016. № 7(61). Ch 2. S. 104-106.
6. Matulevich T. G. Verbal'nyi komponent oblozhechnogo kreolizovannogo anonsa v zhurnale «The Economist» // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2018. № 11(89). Ch 2. S. 360-372.
7. Sorokin Yu. A., Tarasov E. F. Kreolizovannye teksty i ikh kommunikativnaya funktsiya // Optimizatsiya rechevogo vozdeistviya. Moskva: Nauka, 1990. S. 180-186.
8. Spiegel Antiquariat. URL: <https://www.spiegel-antiquariat.de/spiegel-zeitung-1946-1959/>.

The pragmatic function of neologisms in the modern Russian media discourse

Yaremchuk Aleksandr Vladimirovich

Postgraduate student; Department of Russian Language and Speech Culture; Rostov State University of Economics (RINH)

344113, Russia, Rostov region, Rostov-On-Don, Korolev Ave., 13

✉ alex.v.yaremchuk@gmail.com

Abstract. The subject of this article is the pragmatic function of neologisms in the modern Russian media discourse. The work is devoted to the study of the mechanisms of integration of both intra-linguistic and foreign-language neologisms into the media space of Russia, their role in creating expressiveness and effectiveness of communication. Special attention is paid to the analysis of lexical units capable of adapting to changing social and cultural conditions. Their influence on the formation of public perception, the implementation of various functions in media texts and their connection with current events are investigated. Examples include neologisms such as "anti-masochist", "remote", "storytelling" and "coworking". The analysis demonstrates how these elements contribute to the modernization of the language, its enrichment and reflection of current realities. The work focuses on the importance of media discourse as a tool for spreading and consolidating linguistic innovations.

The work uses methods of contextual analysis, lexico-semantic classification and interpretation of linguistic units, which allows to systematize and classify neologisms according to their functions in the media discourse. The scientific novelty of the study lies in the identification of the pragmatic function of neologisms in media discourse, demonstrating their key role in the formation of modern media texts. The author reveals that intra-linguistic

neologisms contribute to the preservation of cultural identity by creating emotional expressiveness of texts, while foreign-language borrowings emphasize the international character of events and the modernization of language. The work reveals that the integration of neologisms allows the media discourse to remain relevant, modernized and communicatively effective. It is concluded that the use of neologisms in the media enriches the Russian language, contributes to the development of the cultural context and forms new ways of perceiving information. This research can become the basis for creating lexicographic and translation solutions, as well as for optimizing media and advertising communication strategies.

Keywords: foreign neologisms, media discourse, syntactics, semiotics, semantics, pragmatics, linguistics, pragmatic function of neologisms, informative function, borrowings

References (transliterated)

1. Baranova, I. V. Neologizmy v yazyke SMI: funktsii i osobennosti. // *Voprosy yazyka i kul'tury*. – 2020. – № 2. – S. 45-50.
2. Gribovod E. G. Internet-diskurs // *Diskurs-Pi*. 2013. – № 3. – S. 118-119.
3. Gromova, T. A. Yazyk media v epokhu neologizmov. // *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. – 2021. – № 6. – S. 12-15.
4. Dobrosklonskaya T.G. Lingvisticheskie sposoby vyrazheniya ideologicheskoi modal'nosti v mediatekstakh // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 2009. № 2. – S. 85-93.
5. Dobrosklonskaya T. G. Massmediyni diskurs kak ob'ekt nauchnogo opisaniya // *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniya*. 2014. № 13 (184). S. 181-187.
6. Zakhodina, L. V. Mediadiskurs kak ob'ekt leksikologii. // *Yazyk i kul'tura*. – 2019. – № 3. – S. 77-84.
7. Isaev, A. N. Rol' neologizmov v formirovaniі sovremennogo yazyka. // *Leksikologiya i leksikografiya*. – 2022. – № 4. – S. 68-74.
8. Klimenko, O. V. Osobennosti ispol'zovaniya neologizmov v SMI. // *Zhurnalistika i media*. – 2021. – № 5. – S. 30-36.
9. Kulikova E.G. Yuridicheskaya terminosistema v epokhu tsifrovogo prava: lingvoekologicheskii aspekt // *Materialy XVII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Garmonizatsiya natsional'nykh pravovykh sistem v usloviyakh sovremennogo razvitiya Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza»*. Respublika Armeniya, Erevan, Rossiisko-Armyanskii universitet, Institut prava i politiki. 8-10 sentyabrya 2022. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo RGEU (RINKh), 2023. S. 33-41; 34-35.
10. Koroleva, E. A. Neirolingvistika i mediadiskurs: tochki peresecheniya. // *Nauchnyi dialog*. – 2022. – № 8. – S. 20-26.
11. Molitov, A. P. Neologizmy kak otrazhenie sotsial'nogo izmeneniya. // *Yazyk i obshchestvo*. – 2023. – № 1. – S. 50-57.
12. Neverov, S. I. Vozrastnye i sotsiokul'turnye aspekty neologizmov. // *Sotsial'nye nauki i sovremennost'*. – 2020. – № 3. – S. 15-20.
13. Nikolyukin A.N. Neologizm // *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatii* / Pod red. A. N. Nikolyukina. – Institut nauchnoi informatsii po obshchestvennym naukam RAN: Intelvak, 2001. – Stb. 639. – 1596 s.
14. Norman B.Yu. Teoriya yazyka. Vvodnyi kurs. Uchebnoe posobie / M.: Flinta: Nauka, 2003. – 296 s.

15. Petrova, N. Yu. Mediadiskurs i ego yazykovye innovatsii. // Vestnik lingvistiki. – 2021. – № 2. – S. 89-95.
16. Sultanova, R. T. Funktsii yazykovykh novshestv v kontekste media. // Uchenye zapiski. – 2022. – № 7. – S. 42-48.
17. Tikhomirov, M. I. Yazyk sotsial'nykh setei i neologizmy. // Media i kommunikatsii. – 2023. – № 1. – S. 34-39.
18. Frolova, K. A. Igrovaya priroda neologizmov v mediadiskurse. // Sovremennyyi yazyk. – 2019. – № 5. – S. 11-17.
19. Chistyakova, V. A. Strategii vospriyatiya neologizmov. // Novye gorizonty yazyka. – 2021. – № 4. – S. 99-103.
20. Sharkova, T. P. Yazyk media: ot traditsii k innovatsiyam. // Tekhnologii v yazyke. – 2020. – № 2. – S. 30-35.
21. Yakovleva, O. S. Innovatsii v yazyke: media i obshchestvo. // Russkii yazyk v sovremennoi kul'ture. – 2023. – № 3. – S. 78-84.
22. Morris, Charles W. Signs, language, and behavior. – New York: G. Braziller, 1955. – 365 s.
23. Matvienko prizvala zakonodatel'no izbavit' russkii yazyk ot zasil'ya inostrannykh slov // TASS URL: <https://tass.ru/obshchestvo/14995497> (data obrashcheniya: 19.11.2024).
24. Zvezda «Ved'maka» raskryl svoe otnoshenie k postel'nym stsenam // LENTA.RU URL: <https://lenta.ru/news/2024/02/07/zvezda-vedmaka-raskryl-svoe-otnoshenie-k-postelnym-stsenam/> (data obrashcheniya: 19.11.2024).
25. Poezdka pod okhranoi: v novgorodskikh avtobusakh poyavyatsya trevozhnye knopki // MK.RU URL: <https://www.mk-novgorod.ru/social/2022/07/20/poezdka-pod-okhranoy-v-novgorodskikh-avtobusakh-poyavyatsya-trevozhnye-knopki.html> (data obrashcheniya: 19.11.2024).
26. V Gosdume raskryli istoki krizisa na rossiiskom rynke truda // NEW.RU URL: <https://news.ru/vlast/v-gosdume-raskryli-istoki-krizisa-na-rossijskom-rynke-truda/> (data obrashcheniya: 19.11.2024).
27. Draniki s krabom i khinkali s "Tom-yam": chto poprobovat' v restoranakh Vladivostoka // Vedomosti URL: <https://www.vedomosti.ru/gorod/othercities/articles/poprovovat-restoranah-vladivostoka> (data obrashcheniya: 19.11.2024).
28. Gruppa «Alisa» predstavila svoi novyi al'bom «Goida» v Peterburge // Izvestiya URL: <https://iz.ru/1792417/2024-11-18/gruppa-alisa-predstavila-svoi-novyi-albom-goida-v-peterburge> (data obrashcheniya: 19.11.2024).
29. Bol'shinstvo rabotayushchikh udaleno ne khotyat vozvrashchat'sya v ofis // RT URL: <https://russian.rt.com/russia/news/1398277-rabota-udalyonka-opros> (data obrashcheniya: 19.11.2024)

Constructions with a secondary union connection in the Russian dialects of the Amur region

He Ze

Postgraduate student, Higher School of Russian Philology, Pacific State University

680001, Russia, Khabarovsk Territory, Khabarovsk, Montazhny lane, 5, sq. 5

✉ heshelize@yandex.ru

Abstract. The object of the article is the secondary union connection, and the subject is

constructions with this type of connection. A secondary union connection takes place when a particular union is included in the syntactic relations between the components of a subordinate phrase, which brings special communicative and pragmatic meanings to its semantics. The purpose is to describe these regional dialect constructions in comparison with similar constructions of the modern Russian literary language. Russian Dialects Dictionary of the Amur Region and the National Corpus of the Russian Language are the empirical basis of the work. Constructions with elementary compositional conjunctions "and", "but", "a", "yes" are considered, because they are the oldest means of syntactic communication and therefore provide an opportunity to analyze the available material taking into account its prototypical features. The article uses the methodology of the Far Eastern Syntactic School, which consists in a multidimensional description of the means of syntactic communication through constructions in the organization of which they participate. Comparative and quantitative methods of analysis are also used. In contrast to the modern Russian literary language, constructions with a secondary union connection in the Russian dialects of the Amur region are of a limited nature. The main array of examples is fixed with the conjunction "but" and with the conjunction "yes" when used in the opposite sense. Constructions with other elementary unions are practically not marked, including with the union "a", which, like the union "but", is also a carrier of oppositional semantics. This, we believe, is a consequence of the fact that the union "a" in the language of consciousness of speakers of Russian dialects of the Amur region is still closely connected with its original meaning – connective-comparative, whereas the secondary connection tends to a contrastive-concessive semantics. The novelty of the research and the personal contribution of the author of the article lies in the fact that for the first time in Russian studies a systematic description of the secondary union connection was made on dialect material. The results of the study provide an opportunity to better understand the principles of the functioning of the secondary union connection not only in the Russian dialects of the Amur region, but also in the system of the Russian national language as a whole.

Keywords: semantics, dialects, syntax row, syntactic relations, syntactic connection, constructive properties, construction, conjunction, syntax, pragmatics

References (transliterated)

1. Bakalova Z. N. Funktsional'no-kommunikativnyi aspekt sochinitel'nykh konstruksii khudozhestvennogo teksta (na materiale romana M. A. Bulgakova «Belaya gvardiya»): monografiya. Samara: SGPU, 2007. 148 s.
2. Van In'in. Soyuz DA I v leksikograficheskom aspekte: dis. ... kand. filol. nauk. Vladivostok: DVFU, 2019. 125 s.
3. Zav'yalov V. N., Tsze Khe. Protivitel'nye soyuzy «a», «no», «da» v russkikh govorakh Priamur'ya (kommunikativno-pragmaticheskii aspekt // Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika. 2024. T. 10. № 2. S. 27-41.
4. Kirillova L. E. Osobennosti semantiko-sintaksicheskikh otnoshenii v konstruksii s soyuzom «NO» pri podchinenii slovoform // Issledovaniya po russkomu yazyku: ot konstruksii k funktsionirovaniyu: sbornik statei k 90-letiyu Ally Fedorovny Priyatkinoi /otv. red. E. A. Starodumova, A. A. Anisova, I. N. Tokarchuk. Vladivostok: DVFU, 2016. S. 96-115.
5. Kirpikova L. V. K istorii formirovaniya russkikh govorov Priamur'ya // Narodnoe slovo Priamur'ya: Sbornik statei, posvyashchennyi 20-letiyu publikatsii «Slovara russkikh govorov Priamur'ya». Blagoveshchensk: BGPU, 2004. S. 9-19.
6. Kruchinina I. N. Struktura i funktsii sochinitel'noi svyazi v russkom yazyke. 2-e izd.,

- ispr. M.: URSS, 2009. 209 s. ISBN 978-5-397-00667-5.
7. Leont'eva V. T. Soyuznaya svyaz' kak vyrazhenie otnoshenii mezhdu remami // Issledovaniya po russkomu yazyku: ot konstruksii k funktsionirovaniyu: sbornik statei k 90-letiyu Ally Fedorovny Priyatkinoi / otv. red. E. A. Starodumova, A. A. Anisova, I. N. Tokarchuk. Vladivostok: DVFU, 2016. S. 115-124.
 8. Milovanova M. S. Semantika protivitel'nosti: Opyt strukturno-semanticheskogo analiza. M.: FLINTA, 2021. 348 s. ISBN 978-5-9765-2371-5.
 9. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.ruscorpora.ru> (data obrashcheniya: 25.09.2024).
 10. Oglezneva E. A. Sovremennye russkie govory Priamur'ya kak rezul'tat mezhdialektnogo vzaimodeistviya // Materialy Regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Priamur'e ot pervoprokhodtsev do nashikh dnei». Blagoveshchensk: BGPU, 2003. S. 107-110.
 11. Oglezneva E. A., Arkhipova N. G. Fol'klorno-dialektologicheskii al'manakh «Slovo» kak istochnik izucheniya zhivoi russkoi rechi i fol'klora rubezha XX–XXI vv. // Slovo: Fol'klorno-dialektologicheskii al'manakh. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii. Blagoveshchensk: AmGU, 2024. S. 7-20.
 12. Priyatkina A. F. Vtorichnye soyuznye svyazi. K izucheniyu soyuznykh svyazei «vtorichnogo kharaktera» // Russkii sintaksis v grammaticheskom aspekte (sintaksicheskie svyazi i konstruksii). Izbrannye trudy. Vladivostok: DVGU, 2007. S. 89-109.
 13. Priyatkina A. F. Russkii yazyk. Sintaksis oslozhnennogo predlozheniya: ucheb. posobie. 2-e izd., ster. M.: Flinta, 2019. 175 s. ISBN 978-5-9765-3995-2.
 14. Russkie govory Priamur'ya: kollektivnaya monografiya / pod red. V. T. Sadchenko. Khabarovsk: DVGGU, 2011. 204 s. ISBN 978-5-87155-347-3.
 15. Sakulina, E. A. Usloviya formirovaniya protivitel'noi semantiki v odnorodnykh ryadakh s soyuzom da // Semantika i funktsionirovanie yazykovykh edinits raznykh urovnei. Ivanovo: IGU, 2015. S. 68-73.
 16. Sannikov V. Z. Russkii sintaksis v semantiko-pragmaticheskom prostranstve. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2008. 624 s. ISBN 978-5-9551-0236-8.
 17. Selyunina O. A. Polipredikativnye konstruksii s vtorichnoi svyaz'yu, formalizovannoi relyativami I TO, DA I TO, NO I TO, DA EShchE // Mir russkogo slova. 2012. № 3. S. 12-20.
 18. Slovar' russkikh govorov Priamur'ya / sost. F. P. Ivanova, L. V. Kirpikova, L. F. Putyatina, N. P. Shenkevets / otv. red. F.P. Filin. M.: Nauka, 1983. 341 s.
 19. Slovar' russkikh govorov Priamur'ya / O. Yu. Galuza, F. P. Ivanova, L. V. Kirpikova, L. F. Putyatina i dr. Izd. 2-e, ispr. i dop. Blagoveshchensk: BGPU, 2007. 544 s. ISBN 978-5-8331-0143-8.
 20. Slovar' russkikh govorov Priamur'ya / O. Yu. Galuza, F. P. Ivanova, L. V. Kirpikova i dr. Izd. 2-e, ispr. i dop. Blagoveshchensk: BGPU, 2007. 528 s. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://disk.yandex.ru/i/0Vcrpzga7BDSJQ> / (Data obrashcheniya: 25.11.2024).
 21. Uryson E. V. Opyt opisaniya semantiki soyuzov: lingvisticheskie dannye o deyatel'nosti soznaniya: monografiya. Moskva: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2011. 336 s. ISBN 978-5-9551-0457-7.
 22. Khe Syyuan'. Vzaimodeistvie soyuza «A» s konkretizatorami v sovremennom russkom yazyke: konstruktivno-semanticheskii aspekt: dis. ... kand. filol. nauk. Vladivostok: DVFU, 2020. 146 s.
 23. Sheremet'eva E. S. Opisanie sluzhebnykh slov v kontseptsii Dal'nevostochnoi

sintaksicheskoi shkoly i grammatika konstruksii // Vestnik ATAPRYaL. Vladivostok. 2014. № 4. S. 19-21.

24. Sheremet'eva E. S. Aksiologicheskaya spetsifika gradatsionno-prisoedinitel'nykh soyuzov s bazovym komponentom «DA» // Russkii yazyk za rubezhom. 2023. № 2 (297). S. 39-44. DOI: 10.37632/PI.2023.297.2.008.

Linguopragmatics of the speech act of accusation in American English (using the example of the film "Green Book")

Drozdova Ekaterina Aleksandrovna

Senior Lecturer; Department of Social Pedagogy, Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6

✉ drozdova_ea@pfur.ru

Abstract. The subject of the study is the presentation of speech acts of accusation in cinematography, taking into account the discursive situation presented in the film. The object of the study is the linguopragmatics of the speech act of accusation in the American version of the English language. The author examines in detail such aspects of the topic as the expression of the act of accusation through a direct or implicit representation of a tort (crime, misconduct), the consequences of a tort, opposition to a pattern or alternative model of behavior. Special attention is paid to the issues of contextual antithesis, which runs through the entire text of the analyzed film, since the antithesis becomes the leading way of formulating an accusation and an appropriate reaction to it – a communicative act of self-defense, expressed in the denial of a tort, eliminating its seriousness and consequences. The film text emphasizes the juxtaposition of the two main characters, and the communicative antithesis accompanies their dialogues throughout the film. The 2018 film "Green Book", which contains a large number of speech acts of accusation, was chosen as the research material. To achieve the goals of the study, all speech acts containing an accusation were isolated in the dialogues of the characters of the film using a continuous sampling method, and then the ways of its expression were analyzed. The main conclusions of the study are the revealed similarities in the communicative tactics of the two main characters: despite the significant social difference and significant differences in the lexical and syntactic content of phrases, the main characters of the film choose similar tactics to express accusations. A special contribution of the author to the study of the topic is the identification of two leading means of formulating accusations in the film discourse: the juxtaposition of "I" – "they", "you – they", "we – they" and the culminating juxtaposition in the dialogue of the two main characters "I – you", which is resolved by the happy ending of the film. The novelty of the research lies in the identification of accusation tactics in the film discourse. Previously, these speech acts were studied using the example of fiction, in which dialogues are widely amplified in the absence of visual support characteristic of the film discourse.

Keywords: dialogue, speech tactics, antithesis, implicit information, accusation, cinema discourse, discourse, pragmatics, linguopragmatics, speech act

References (transliterated)

1. Mel'nikova K.A. Lingvopragmaticheskaya neitralizatsiya diskriminatsionno markirovannykh yazykovykh sredstv v mediadiskurse (na materiale anglo-

- russkoyazychnykh mediaistochnikov). Diss. ... k.f.n. Yaroslavl', 2024. 224 s.
2. Danilova V.S., Lobadzinskaya A.D., Ovchinnikova N.V. Lingvopragmaticheskie kharakteristiki politicheskogo diskursa. // *Sovremennye tendentsii issledovaniy v yazykoznanii, literaturovedenii i zhurnalistike. Sbornik statei I Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii. Kursk, 2024. S. 51-59.*
 3. Kormilina N.V. Lingvopragmaticheskie osobennosti upotrebleniya slenga i zhargona v angloyazychnykh finansovykh zhurnalakh. // *Gumanitarnye nauki i vyzovy nashego vremeni. Sbornik nauchnykh statei po itogam VI Vserossiiskoi (natsional'noi) nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. Sankt-Peterburg, 2024. S. 86-88.*
 4. Isakova S.S. Lingvopragmaticheskii aspekt izucheniya mediateksta. // *Alatoo Academic Studies. 2024. № 2. S. 147-157.*
 5. Alikhasanova Z. Linguopragmatics and its conceptual framework // *Science and innovation. 2024. Vol. 3. No. B4. P. 108-113.*
 6. Danilina L.Yu. Lingvopragmaticheskie osobennosti kommunikativnykh aktov nesoglasiya v dialogicheskom diskurse: na materiale angliiskogo i russkogo yazykov. Diss. ... k.f.n. M., 2019. 169 s.
 7. Mechkovskaya N. B. Otkaz: chto opredelyaet diktum i modus v otritsatel'nykh reaktsiyakh na pobuzhdenie // *Logicheskii analiz yazyka. Assertsiya i negatsiya / otv. red. N.D.Arutyunova. M.: Izdatel'stvo «Indrik», 2009. S. 230-244.*
 8. Zamyshlyayeva D.N. Analiz sredstv vyrazheniya otkaza muzhchin i zhenshchin v angliiskom yazyke // *Donetskie chteniya 2019: Obrazovanie, nauka, innovatsii, kul'tura i vyzovy. Donetsk: Donetskii natsional'nyi universitet, 2019. S. 81-84.*
 9. Bagdasarov S.A., Lenets A.V. Lingvopragmaticheskie osobennosti realizatsii rechevogo akta ugrozy v politicheskom diskurse Germanii i Ispanii. // *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psikhologiya. 2020. № 1. S. 5-16.*
 10. Ermakova O.M. Usloviya realizatsii rechevogo akta ugrozy i sredstva ego oformleniya. // *Vestnik Mazyrskaga dzyarzhaj'naga pedagagichnaga ŷniversiteta imya I. P. Shamyakina. 2010. № 3 (28). S. 94-98.*
 11. Mulikova D. V. Strukturno-semanticheskie osobennosti replik obvineniya v sovremennom angliiskom yazyke na primere videokhostingov / D. V. Mulikova, N. V. Ovchinnikova // *Yazyk, kul'tura, mental'nost': problemy i perspektivy filologicheskikh issledovaniy: sbornik materialov III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Kursk, 08–09 aprelya 2021 goda. Kursk: Yugo-Zapadnyi gosudarstvennyi universitet, 2021. S. 187-192.*
 12. Nozadi Z.S., Pishghadam R., Fatemi A.H. Delving into the Speech Act of Accusation: A Case of Persian and English Newspapers and Magazines. // *Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Vol. 6. No. 4. Pp. 388-396.*
 13. Saprykina E.V. Struktura rechevogo deistviya «Obvinenie» v ramkakh parlamentskogo diskursa. // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2007. № 15. S. 128-132.*
 14. Lavrent'eva E.V. Rechevye akty obvineniya i opravdaniya v dialogicheskom edinstve. Avtoreferat diss. ... k.f.n. Novosibirsk, 2006. 26 s.
 15. Dubrovskaya T.V. Rechevye zhanry «osuzhdenie» i «obvinenie» v russkoi i angliiskoi lingvokul'turakh. Penza: izdatel'stvo PGU, 2014. 272 s.
 16. Green Book. 2018.
 17. Nordine M. TIFF 2018 Awards: 'Green Book' Wins the People's Choice Award, Upsetting 'A Star Is Born' // URL: <https://www.indiewire.com/features/general/tiff-2018-awards->

green-book-peoples-choice-1202004060/ (data obrashcheniya 20.11.2024).

18. Arkhipova E.V. Soglasie/nesoglasie kak reaktsiya na komissivnye rechevye akty v angliiskom yazyke // Vestnik VGU. 2012. № 2. S. 13-15.
19. Cambridge dictionary // URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (data obrashcheniya 20.11.2024).
20. Mark Khemill rasskazal, kak odnazhdy dal nepravil'nyi sovet Arnol'du Shvartseneggeru // URL: <https://dtf.ru/cinema/24785-mark-hemill-rasskazal-kak-odnazhdy-dal-nepravilnyi-sovet-arnoldu-shvarceneggeru> (data obrashcheniya 26.11.2024).

On the formal-semiotic aspect of utterance pragmatics in English and German languages

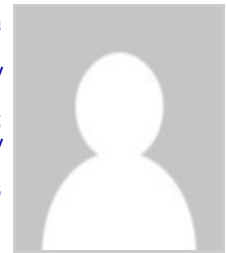
Chikina Elena Evgen'evna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of the Second Foreign Language and Methods of teaching Foreign Languages;
Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletov

600000, Russia, Vladimir region, Vladimir, Bolshye Remenniki str., 2A sq. 6

✉ despoyna@mail.ru

Chikina Anna Andreevna

Student; Faculty of Philology; Pushkin State Institute of the Russian Language

600000, Russia, Vladimir region, Vladimir, Bolshye Remenniki str., 2A sq. 6

✉ chikina.anna.03@yandex.ru

Abstract. The subject of the study is the illocutionary force of an utterance in the formal-semiotic aspect. The paper describes three main variants of synchronisation of communicative and semantic interaction components for declarative, interrogative and imperative utterances. The material for the analysis was the basic intentional constructions of English and German. The main methods of research, conditioned by the purpose of revealing cognitive-syntactic models of basic intentional constructions, are the method of semiotic analysis, the method of component analysis, the method of conceptual analysis, and the method of linguistic description. The main conclusions of the study include three basic illocutionary situations – declarative, interrogative and imperative – which represent three models of structural-functional coordination of elements of communicative and semantic interaction. The addressee of the utterance is synchronised with the meaning of the sign in declarative and imperative structures and with the referent of interrogative structures. The addressee of the utterance in the declarative structure correlates with the referent of the utterance, with the meaning of the utterance in interrogative structures and with the form of the sign in imperative utterances. The message as an element of communicative interaction in declarative and interrogative structures is synchronised with the form of the sign, and in imperative structures - with the referent of the utterance. German and English declarative utterances in their syntactics reflect the natural onomasiological process of name creation. In the interrogative structures of these languages, the mirror-spatial symmetry in relation to syntactics declarative utterances is realised, as well as the model of 'deictic emptiness'. The syntactics of imperative utterances reveals the model of 'semiotic singularity', reflecting the neutralisation of the semiotic triangle in self-referential utterances.

Keywords: imperative utterance, interrogative utterance, declarative utterance, cognitive model, illocution, English, German, semiotics, pragmatics, syntax

References (transliterated)

1. Bogdanov V. V. Predlozhenie i tekst v sodержatel'nom aspekte. SPb.: Filologicheskii fak. Sankt-Peterburgskogo gos. un-ta, 2007.
2. Izotov A. I. Pobuditel'naya modal'nost' kak zona asimmetrii russkoi i cheshskoi yazykovykh kartin mira // Vestnik OGU. 2012, №11 (147). S. 78-83.
3. Perlova Yu. V. Kognitivno-pragmaticheskoe napravlenie v izuchenii kosvennogo vyrazheniya pobuditel'noi intentsii // Inostrannye yazyki: innovatsii, perspektivy issledovaniya i prepodavaniya: materialy II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Minsk, 21–22 marta 2019 g. Minsk: BGU, 2019. – S. 346-350.
4. But N. A. Kategorial'nyi apparat teorii rechevykh aktov v aspekte aktual'nykh teorii // Vestnik TGTU. 2003. № 1. S. 130-135.
5. Cuneo N., Goldberg, A. The discourse functions of grammatical constructions explain an enduring syntactic puzzle // Cognition. 2023. No 240(3): 105563.
doi:10.1016/j.cognition.2023.105563
www.researchgate.net/publication/372985144_The_discourse_functions_of_grammatical_constructions_explain_an_enduring_syntactic_puzzle
6. Ungerer T., Hartmann St. Constructionist approaches: Past, present, future (Elements in Construction Grammar). Cambridge: Cambridge University Press, 2023.
doi:10.1017/S1360674324000169
7. Willich A. Konstruktionssemantik: Frames in gebrauchsbasierter Konstruktionsgrammatik und Konstruktikographie. Berlin, Boston: De Gruyter, 2022.
URL: <https://doi.org/10.1515/9783110762341>
8. Zhu Zhifang. Peirce's philosophy of language // Chinese Semiotic Studies. 2024. 20(3), Pp. 425-446. doi:10.1515/css-2024-2025
9. Garin E V., Ostrovskaya I. V. Rekursivnaya model' rechevogo akta // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2024. №1 (104). S. 480-485.
10. Serl' Dzh. R. Klassifikatsiya illokutivnykh aktov // Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. XVII. M.: Progress, 1986. S. 170-194.
11. From fieldwork to linguistic theory: A tribute to Dan Everett / Ed. by Ed. Gibson, M. Poliak. Berlin: Language Science Press, 2024. doi: 10.5281/zenodo.11351540
12. Zolyan S. T. Pragmatika kak samo-porozhdenie samogo-po-sebe-sub'ekta // Voprosy filosofii. 2023, № 7. S. 93-103. URL: <http://dx.doi.org/10.21146/0042-8744-2023-7-93-103>
13. Niu Min. The origin and development of pragmatics as a study of meaning: semiotic perspective // Language and Semiotic Studies. 2023. No. 9(1), Pp. 55–75.
doi:10.1515/lass-2023-0002
14. Kirov E. F. Ponimanie smysla predlozheniya i teksta // Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki. 2024. № 2. S. 185-194. DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-2-185-194
15. Tarasenko E. V. Kauzal'nost' sintaksicheskikh kontseptov i rechevykh aktov // Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya, 2020 №3, <https://sfgm-n.ru/PDF/19FLSK320.pdf> (data obrashcheniya: 28.10.2024).
16. Natyazhenko E. V. Kognitivnyi analiz lokutivnogo rechevogo akta (na materiale sovremennogo nemetskogo yazyka) // Vestnik VyatGU. 2008. № 3. S. 27-32.

17. Kukushkina A. T. Eshche raz o predikativnosti [Tekst] // Grammaticheskie kategorii i edinitsy: Sintagmaticheskii aspekt: tezisy mezhdunarodnoi konferentsii. Vladimir: VGPU, 1995. S. 89-90.
18. Zhinkin N. I. Vopros i voprositel'noe predlozhenie // Voprosy yazykoznaniiya. 1955, № 3. S. 22-34.
19. Volokitina A. I. K voprosu modelirovaniya vyskazyvaniya (na primere voprositel'nykh i pobuditel'nykh predlozhenii) // Dinamika yazykovykh yavlenii: mezhdunarodnyi sbornik nauchnykh statei. Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 2011. S. 81-89.
<https://repo.ssau.ru/bitstream/DINAMIKA-YaZYKOVYH-YaVLENII/K-voprosu-modelirovaniya-vyskazyvaniya-na-primere-voprositel'nykh-i-pobuditel'nykh-predlozhenii-76717/1/%D0%94%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D0%BC%D0%B8%D0%BA%D0%B0%20%D1%8F%D0%B7%D1%8B%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D1%85%20%D1%8F%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B9-81-89.pdf?ysclid=m47ju50vtb151069010>
20. Kalpak H. Factive Islands and Interrogative Logical Triviality // Semantics and Linguistic Theory. 2021. No 30. Pp. 146-165. doi:10.3765/salt.v30i0.481

The means of verbalizing will expression in a literary text as the dominants of the author's idiosyncrasy (exemplified by I. Bachmann's novel "Malina")

Tolparova Dzerassa Valerievna

senior lecturer; Department of Foreign Languages for Non-linguistic specialties; K.L. Khetagurov North Ossetian State University
 postgraduate student; Department of Romano-Germanic Languages; K.L. Khetagurov North Ossetian State University

362025, Russia, Republic of North Ossetia-Alania, Madikavkaz, Vatutina str., 44-46

✉ tolparova@yandex.ru

Abstract. The imperative mood expresses the will of the communicative act's producer and requires a verbal or non-verbal reaction from the recipient. This article is devoted to the study of ways to implement voluntariness in the language of a literary work. The material for this work is the novel "Malina" by the Austrian writer Ingeborg Bachmann. The object of the study is the category of motivation as a way of expressing the will of the producer. The article examines the grammatical and lexical means of verbalizing will that are presented in the analyzed novel by a wide range of forms of explicit and implicit expression of motivation. Special attention is paid to the verb form of the 2nd person singular which forms the core of the imperative mood category and takes priority by the highest frequency of use in I. Bachmann's idiolect. The following methods were used in the course of the study: descriptive method, structural method, component analysis method, logical comparison method, statistical analysis method. The scientific novelty of the study lies in the fact that for the first time an attempt was made to establish a correlation between the degree of use frequency of will manifesting means of the writer, characterized by the desire to change the surrounding reality. The analysis of empirical material revealed the tendency for Ingeborg Bachmann to use most of the methods of verbalizing the imperative mood available in the German language. The main conclusion of the study is that indirect ways of expressing will (as well as direct ones) can be represented in artistic discourse by both grammatical and lexical means which are part of imperative structures with modal verbs, as well as elliptical constructions and can be narrative or interrogative sentences from the standpoint of communicative purpose.

Keywords: degree of imperativeness, dominant form, ellipsis, implicit motivation, explicit motivation, imperative sentence, interrogative sentence, voluntary function, expression of will, imperative mood

References (transliterated)

1. Dreeva Dzh. M., Abdukadyrova T. T. Imperativ v poeticheskom tekste kak otrazhenie osobennosti individual'no-avtorskoi kartiny mira v aspekte khudozhestvennogo perevoda. Monografiya. Vladikavkaz: OOO NPKP «MAVR», 2023. 160 s.
2. Vezhbitskaya A. Semanticheskie universalii i opisaniye yazykov. M., 1999. 776 s.
3. Potapova T. V. Imperativ kak drevneishaya grammaticheskaya forma s predikativnym znacheniem / T. V. Potapova // Vestnik Taganrogskogo instituta imeni A.P. Chekhova. – 2020. – № 1. – S. 229-233.
4. Pupylin Yu. A. Usvoenie sistemy russkikh glagol'nykh form rebenkom (rannie etapy) // VYa. № 3. 1996. S. 84-94.
5. Vinogradov V. V. Russkii yazyk: (Grammaticheskoe uchenie o slove) 3-e izd., ispr. M.: Vyssh. shk., 1986. 639 s.
6. Peshkovskii A. M. Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii / A. M. Peshkovskii. – M.: Uchpedgiz, 1956. 511 s.
7. Khrakovskii V. S., Volodin A. P. Semantika i tipologiya imperativa. Russkii imperativ / V. S. Khrakovskii, A. P. Volodin. M.: AN SSSR, 2001. 271 s.
8. Dreeva Dzh. M., Tolparova Dz. V. Eksplitsitnye i implitsitnye sredstva realizatsii volyuntativnoi funktsii yazyka v nemetskoi i osetinskoi lingvokul'turakh: k probleme natsional'noi kartiny mira // Izvestiya SOIGSI. 2021. № 42(81). S. 99-106.
9. Bachmann I. Malina. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1971. 355 S. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.kostenlosonlinelesen.net/kostenlose-malina> (data obrashcheniya: 10.11.2024).
10. Tolparova Dz. V. Ellipsis v poeticheskom tekste kak sredstvo manifestatsii psikhotipicheskikh osobennosti tvorcheskoi yazykovoii lichnosti. – Shag v nauku – 2021: Materialy Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh. Nal'chik: Redaktsionno-izdatel'skii otdel KBNTs RAN, 2021. S. 68-70.

Ideological and phonetic analysis of the Old Testament Christian and Jewish name of God יהוה

Bolbochan Denis Vladimirovich

Master of Psychological Sciences

353460, Russia, Krasnodar Territory, Gelendzhik, Gorky str., 31

✉ denis.bolbochan@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the analysis of the historical, cultural, linguacultural and theological aspects of the tetragrammaton יהוה, used in the texts of the Jewish Tanakh and the Christian Bible as the name of God. The author examines the phonetic reconstruction, Masoretic vocalization and cultural and ideological semantics of the tetragrammaton in the context of Jewish and Christian hermeneutics. The research examines its phonetic reading, vocalizations and cultural and ideological significance in the context of Judaism and

Christianity. The study focuses on the comparison of lexical and phonetic pronunciation variants of the tetragrammaton, such as "Jehovah" and "Yahweh", as well as on the analysis of their etymological origin. The study compares the pronunciation options of the name - "Jehovah" and "Yahweh", considers the reasons for their occurrence, and also, based on linguocultural factors, a conclusion is made about the more correct from the theological point of view, pronunciation and spelling of the tetragrammaton in languages other than Hebrew. Particular attention is paid to the influence of biblical onomastics and translation strategies on the loss and transformation of the phonetic appearance of the name of God יהוה. The author analyzes the prohibitions on the pronunciation of the name in Judaism, their historical and theological roots, as well as the ways of replacing the tetragrammaton with titles ("Lord") in Christian texts and in later editions of the Tanakh.

The article uses the methods of comparative-historical and contrastive linguistics, as well as the principles of biblical exegesis and linguistic hermeneutics. The originality of the work lies in the integration of linguacultural analysis with a historical-religious approach, which allows for a deeper understanding of the cultural and symbolic meaning of the tetragrammaton in the Jewish and Christian traditions.

Keywords: Christian onomatology, Linguistic hermeneutics, Qumran manuscripts, Old Testament, Bible Translations, Masoretic vowels, Yahweh, Jehovah, Tetragrammaton, Name of God

References (transliterated)

1. Imena Bozhii // Evreiskaya entsiklopediya. – M.: Terra, 1991. T. 8. S. 129-148.
2. Shukurov, D. L. "Analiz germeneticheskikh podkhodov k istolkovaniiu bogootkrovennogo imeni v bibleiskoi knige Iskhod v kontekste greko-iudeiskogo kul'turnogo sinteza" Filologiya: nauchnye issledovaniya, 2019. S. 30-42.
3. Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya: [v 35 t.] / gl. red. Yu. S. Osipov; 2004–2017, t. 35. S. 792-793.
4. Arkhiepiskop Feofan (Bystrov). Tetragramma ili Bozhestvennoe Vetkhozavetnoe Imya יהוה. Kiev: Prolog, 2004. 356 s.
5. Voronkin, S. V. Drevnii tetragrammaton "IKhVKh" kak teologicheskaya problema / S. V. Voronkin // Antropos: Logos i Teos. – 2017. – № 3. – S. 229-240. – EDN ZCHXIL.
6. Kurdybailo, D.S., Kurdybailo I.P. O vliyanii Prokla na dialektiku imeni i imenovaniya v Areopagiticheskom traktate «o bozhestvennykh imenakh» // Solov'evskie issledovaniya. 2018. № 4 (60).
7. Lenski, R. C. H. The Interpretation of I Corinthians (Lenski's Commentary on the New Testament (LCNT)). Augsburg: Fortress Press, 2008. 792 p.
8. Bibliya Septuaginty. Papirus Fuada 266: Rukopis' I-II vv. do n.e. // Discoveries in the Judaean Desert / Pod red. E. Tov. – Oxford: Clarendon Press, 1992.
9. Seleznev, M. G. Samoopredelenie Boga v Iskh 3:14: «Ya esm' Sushchii» ili «Ya Tot, kto Ya est'». Ekzegeza sovremennykh interpretatorov i grammatika drevnikh tekstov // Gosudarstvo, religiya, Tserkov' v Rossii i za rubezhom. 2017. № 4. S. 162-186.
10. Ginsburg, C.D. The New Testament in Hebrew. London: Trinitarian Bible Society, 1885.
11. Bullinger, E.W. The Companion Bible. London: Eyre & Spottiswoode, 1909.
12. Polnyi tserkovno-slavyanskii slovar'» / Sost. protoierei Grigorii D'yachenko. – M.: Tipografiya Vil'de, 1899.
13. Shukurov D.L. Imenovanie Boga v Biblii i doktrina «Svidetelei Iegovy» (kriticheskii obzor problematiki) // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2020. № 2. S.87-100. DOI:

- 10.7256/2454-0749.2020.2.32499 URL: https://e-notabene.ru/fmag/article_32499.html
14. Diodor Sitsiliiskii. Istoricheskaya biblioteka. V 3 tomakh. Tom 1. Perevod s drevnegrecheskogo E. D. Frolova. Moskva: Rubezhi XXI, 2021.
 15. Epifanii Kiprskii. Panarion, ili Kovcheg. Perevod s drevnegrecheskogo Moskovskoi dukhovnoi akademii. Moskva: Tip. V. Got'e i M. Lavrova, 1863–1883.
 16. Geneva Bible. Printed by Rouland Hall. – Geneva: [s.n.], 1560.
 17. Raymund Martin. Pugio Fidei adversus Mauros et Judaeos. – Rome: Typographia Sacrae Congregationis de Propaganda Fide, 1651 [Pervoe izvestnoe izdanie].
 18. Vremennik Georgiya Amartola. – Rukopis' kotsa XIV veka. – Fond 173/I, № 100. – Fundamental'noe sobranie biblioteki Moskovskoi dukhovnoi akademii. – Rossiiskaya gosudarstvennaya biblioteka, Moskva.
 19. Aleksandriya: Roman ob Aleksandre Makedonskom po russkoi rukopisi XV veka / Per. s drevnerus. V. A. Matveenko, L. I. Shchegoleva; pod red. D. S. Likhacheva. – M.: Nauka, 1966. – S. 123.
 20. Q120 – 4Q papLXXLevb: Leviticus 4:27. // Tov E., Weigold M., Parsons P. Discoveries in the Judaean Desert. Volume IX: Qumran Cave 4. – Oxford: Clarendon Press, 1992.
 21. Hieronymus Stridonensis. Biblia Sacra Vulgata. Editio quinta. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 2007.
 22. Qumran cave IV: Palaeo-Hebrew and Greek biblical manuscripts. – Oxford: Clarendon Press, 1992. – S. 93.
 23. Kartashev, A. V. Vselenskie Sobory : Monografiya / A. V. Kartashev. – Moskva : Direkt-Media, 2011. – 394 s. – ISBN 978-5-4460-0503-1. – EDN SUQKUP.
 24. Bazzard, E., Khanting, Ch. Uchenie o Troitse. Samoobman khristianstva / Per. s angl. - ROB- no: Izdatel' A. Dolbin, 2003. – 355 s.

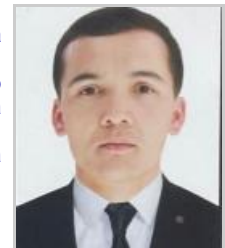
Russian language in the educational environment of the Republic of Tajikistan

Khalimzoda Ziyovidin Amirkhudzha

Postgraduate student of the Department of Foreign Languages of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

19 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

✉ daler.halimov.95@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the issue of studying the Russian language in the field of education of the Republic of Tajikistan, as well as in secondary schools, where education is conducted entirely in the Tajik language, taking into account the increased efficiency of mastering the Russian language. The question is raised about the need to take into account the native language of students when teaching Russian to Tajik schoolchildren. The grammatical categories of number, gender and case of the noun in the analyzed languages are analyzed, and the similarities and differences of the concepts under consideration are determined. Particular attention is paid to the issues of teaching the Russian language due to the fact that in the linguistic conditions of Tajikistan, in the absence of a natural Russian-speaking environment, the education system bears the main burden in learning and preserving the language.

Today, among the various directions of socio-economic development of Tajikistan, special attention is paid to the issue of learning languages, especially Russian. Indeed, every year in

our country the number of people interested in learning Russian and other languages of the East and West is increasing, and the number of young people interested in learning several languages is increasing every year. In the Republic of Tajikistan (RT), the educational process in the Russian language in secondary schools is built on a new program. Today, among the various directions of socio-economic development of Tajikistan, special attention is paid to the issue of learning languages, especially Russian. Indeed, every year in our country the number of people interested in learning Russian and other languages of the East and West is increasing, and the number of young people interested in learning several languages is increasing every year.

Keywords: comparative typology, Tajik language, textbook, the language of international communication, the post-Soviet space, internal motivation, education, Russian, Tajik school, Russian school

References (transliterated)

1. Abdullaeva M.N. Sopostavitel'naya kharakteristika imen sushchestvitel'nykh v russkom i tadzhikskom yazykakh: Metod. posobie dlya studentov / Dushanbe: M-vo nar. obrazovaniya TadzhSSR, 1989. – 56 s.
2. Atnabaeva N. A. (2015). Khudozhestvennoe proizvedenie v integrirovannom obuchenii inostrannomu yazyku v neyazykovom vuze // Vestnik rossiiskogo universiteta druzhby narodov (RUDN), seriya: Russkii i inostrannye yazyki i metodika ikh prepodavaniya. №4 (2). S. 260 (134-139).
3. Guseinova T. V. (2015). O sotsiolingvisticheskikh i didakticheskikh problemakh prepodavaniya russkogo yazyka v Respublike Tadzhikistan // sotsiokul'turnoe prostranstvo Rossii i zarubezh'ya: obshchestvo, obrazovanie, yazyk; pod redaktsiei A. V. Shchetinnoi. S. 59-67.
4. Guseinova T.V. Samadova I.N (2019). Polilingvizm i problemy lingvodidaktiki v Tadzhikistane // Vestnik rossiisko-tadzhikskogo (slavyanskogo) universiteta. №4 (68). S. 113-123.
5. Kudoyarova T. V. (2010). Problemy funktsionirovaniya i izucheniya russkogo yazyka v postsovetском Tadzhikistane // Vestnik RUDN, seriya Russkii i inostrannye yazyki i metodika ikh prepodavaniya. № 1. S. 36-44.
6. Moskvicheva S.A., Gasanov M.M. (2021). Yazykovye praktiki i yazykovye ideologii pri peredache yazyka v azerbaidzhanskoi obshchine v Moskve. // Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy. № 3 (33). S. 59-69.
7. Nozimov A.A. (2010). Yazykovaya situatsiya v sovremennom Tadzhikistane: sostoyanie, osobennosti i perspektivy razvitiya: dis. doktorskikh nauk. Dushanbe.
8. Postanovlenie (2021). Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Tadzhikistan №268 «O pravilakh pravopisaniya tadzhikskogo yazyka i simvolov tadzhikskogo yazyka» <http://www.kumitaizabon.tj/tg> (data obrashcheniya 21.03.2022)
9. Programma (2020). «O Programme razvitiya gosudarstvennogo yazyka na 2020-2030 gody». URL: <http://www.kumitaizabon.tj/tg> (data obrashcheniya 15.03.2022)
10. Programma po russkomu yazyku dlya obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdenii s tadzhikskim yazykom obucheniya (2-11 klassy). Dushanbe, 2008. 124 s.
11. Khomidova Z.F. (2015). Formirovanie orfograficheskikh pravil tadzhikskogo yazyka v XX v: dis.k.f.n Khudzhan.

The emblemization of the discursive markers of the new

ethics

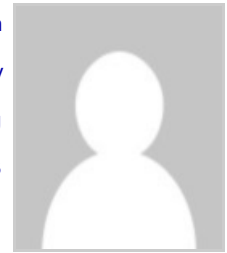
Zibrov Dmitrii Anatol'evich

PhD in Philology

Associate Professor; Department of 'Foreign Language'; Irkutsk State University of Railway Engineering

664007, Russia, Irkutsk region, Irkutsk, Chernyshevsky str., 15, room D-713

✉ matou45@yandex.ru

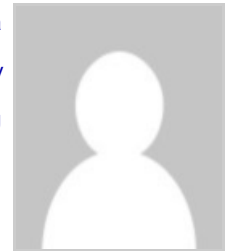
Sludneva Lyudmila Valentinovna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of 'Foreign Language'; Irkutsk State University of Railway Engineering

664074, Russia, Irkutsk region, Irkutsk, Chernyshevsky str., 15, room D-711

✉ matou45@yandex.ru

Skopintseva Tat'yana Anatol'evna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of 'Foreign Language'; Irkutsk State University of Railway Engineering

664074, Russia, Irkutsk region, Irkutsk, Chernyshevsky str., 15, room D-711

✉ matou45@yandex.ru

Kim En Ok

PhD in Philology

Associate Professor; Department of 'Foreign Language'; Irkutsk State University of Railway Engineering

664074, Russia, Irkutsk region, Irkutsk, Chernyshevsky str., 15, office D-711

✉ matou45@yandex.ru

Abstract. The subject of the study is the functional and semantic features of emotive vocabulary. Based on a review of works on related topics, it is concluded that the neologism "new ethics" correlates with linguistic material, which is the rhetorical antipode of the rational mode of discourse. The object of the study is represented by statements and lexemes conveying the ideas of the new ethics as a denial of the practice of discrimination based on gender, nationality, appearance, religious affiliation, self-identification and others. The article provides examples of discursive markers that function in the texts of news articles, as well as occur in network communication in the form of posts and comments. The hypothesis is presented that the new ethics has a certain linguistic expression and has discursive emblems that act as indicators of the specifics of discourse and perform certain functions. During the work on the article, the continuous sampling method was used to collect empirical material. The units that actualize the semantic field of ethics and shaming were selected. The fragments extracted from the texts were analyzed using the linguistic stylistic method and contextual analysis to identify the formal and expressive content of the text units. The main conclusions of the conducted research are the conclusions that the discursive emblems of the new ethics are easily recognizable signs that have the following functions: unification, polarization, mobilization of society. These signs, being correlated with existing classifications of emblems, are presented in the work as open sign phenomena. Their belonging to historical, cultural, moral and other values is shown. The novelty of the research lies in the fact that the criteria of the language of new ethics are proposed and described in the form of inclusivity, sensitivity to context, trigger, virality of content. A special contribution of the authors to the

study of the topic of influencing in communication is the description of the linguistic symbols of the new ethics in the media discourse, which receive an emblematic interpretation. An intermediate conclusion is that emblems can serve as a kind of codes that convey certain ideas or values, both negative and positive properties.

Keywords: context, trigger, emblemization, unification, polarization, communication, discourse, emblem, marker, new ethics

References (transliterated)

1. Barebina N. C. Rizomnaya model' mezhdistsiplinarnosti v issledovanii fenomena «novoi iskrennosti» // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie. 2024. T. 23, № 2. S. 5–17. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.2.1>
2. Barebina N. S., Gonchar O. M. K voprosu o terminakh-novatsiyakh sovremennogo kommunikativnogo prostranstva (na primere cancel culture i woke culture) Molodaya nauka Sibiri. 2023. № 3 (21). S. 253–258.
3. Barebina N. S., Zyryanova I. N. Logicheskii argument vs priemlemyi argument: k obosnovaniyu issledovatel'skogo podkhoda v analize kritiki nauchnogo teksta // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. № 465. S. 5–1.
4. Barebina N.S., Kostyushkina G.M. Analiz deviantnogo uzusa kritiki v diskursivnykh novatsiyakh kul'tury otmeny i woke-kul'tury // Izvestiya Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2024. — T. 34, № 1. S. 134–143. DOI: 10.17150/2500-2759.2024.34(1).134-143. — EDN KRUGOF
5. Bykova E. V. Yazyk novoi etiki v virtual'nom diskurse // «Medialingvistika»: Materialy V mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Sankt-Peterburg: Mediapapir. 2021. S. 85–89.
6. Datsko D. A. Yazykovye sredstva reprezentatsii printsipov «novoi etiki» v sovremennom nemetskoazychnom poeticheskom diskurse // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki Philology. Theory & Practice 2024. Tom 17. Vypusk 8. URL: <https://doi.org/10.30853/phil20240376>
7. Karasik V. I. Diskursivnye emblemy kak ob"ekt semioticheskogo analiza // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. 2023. T. 14. № 4. S. 1122–1138. URL: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1122-1138>
8. Kostyushkina G. M., Barebina N. S. Argumentativnyi podkhod k izucheniyu yazyka V sbornike: Problemy i perspektivy razvitiya otechestvennykh i zarubezhnykh gumanitarnykh nauk. Materialy mezhdunarodnogo kruglogo stola, posvyashchennogo pamyati i 70-letiyu doktora filologicheskikh nauk, professora Lyudmily Vladimirovny Shulunovoi. Nauch. red. G.S. Dorzhieva. Otv. red. A.V. Zharnikova. Ulan-Ude, 2021. S. 33–39.
9. Krongauz E, Babitskii A. Tak vyshlo. 29 voprosov novoi etiki i morali. M.: All'pina Pabliisher, 2020.
10. Menya podstavili»: Anfisa Chekhova rasskazala, kak ee uvolili s telekanala posle skandala iz-za buryatskikh zhenshchin // Voice. 12.01.2024. <https://www.thevoicemag.ru/stars/news/12-01-2024/menya-podstavili-anfisa-chehova-rasskazala-kak-ee-uvolili-s-telekanala-posle-skandala-iz-za-buryatskih-jenshchin/telekanala>.
11. Sychev A. A., Zhadunova N. V. «Novaya etika» v ekspertnoi otsenke akademicheskogo soobshchestva: sotsiokul'turnye osnovaniya i normotvorcheskie perspektivy //

Integratsiya obrazovaniya. 2024. T. 28. №3. С. 469–482. doi: 10.15507/1991-9468.116.028.202403.469-482

12. Buller T. The New Ethics of Neuroethics // Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics. 2018. Vol. 27, Issue 4. P. 558–565. <https://doi.org/10.1017/S0963180118000087>
13. Campbell B., Manning J. The Rise of Victimhood Culture: Microaggressions, Safe Spaces, and the New Culture Wars. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2018.
14. Corrain L. The iconoclasm of the everyday // Paolo Fabri. Unfolding Semiotics. Pour la semiotique a venir. Semiotics Monographs. Ed. by I. Pezzini. Thessaloniki: Aristotle University, 2023. P. 49–68.
15. Hodge R., Kress G. Social Semiotics. Cambridge: Polity, 1988.
16. Kress G. Sociolinguistics and Social Semiotics // The Routledge Companion to Semiotics and Linguistics. Ed. by P. Cobley. London and New York: Routledge, 2001. P. 66–82.
17. Norris R. Closed Minds? Is a 'Cancel Culture' Stifling Academic Freedom and Intellectual Debate in Political Science? // HKS Working Paper No. RWP20-025. 2020. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3671026>
18. Semenova O. F. Cancel Culture – the Speech Behavior of Modern Society // Review of Business and Economics Studies. 2023. V. 11. No 1. P. 13–18.
19. Sequeira J. S. Humans and Robots: A New Social Order in Perspective? // Robotics and Well-Being. Intelligent Systems, Control and Automation: Science and Engineering; ed by M. Aldinhas Ferreira [et al.]. Cham : Springer. 2019. P. 17–24. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-12524-0_3
20. Velasco J. C. You Are Cancelled: Virtual Collective Consciousness and the Emergence of Cancel Culture as Ideological Purging // Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities. 2020. Vol. 12, No. 5. P. 1–7. URL: <http://dx.doi.org/10.21659/rupkatha.v12n5.rioc1s21n2>